

Александр Яковлев

ПОСТИЖЕНИЕ

0 14X

АЛЕКСАНДР ЯКОВЛЕВ

Постижение

**МОСКВА
ЗАХАРОВ • ВАГРИУС
1998**

УДК 882
ББК 63.3(2)
Я 47

*Охраняется законом РФ
об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или
любой ее части запрещается без
письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном
порядке.*

ISBN 5-7027-0564-5

© Издательство «ВАГРИУС»,
совместно с ЗАО «Захаров», 1998
© А.Яковлев, автор, 1998
© Студия «ДИЗАЙНБОКС»,
оформление, 1998

СОДЕРЖАНИЕ

<i>К ЧИТАТЕЛЮ.....</i>	<i>5</i>
Подвижник.....	16
ШАКЬЯМУНИ.....	26
СРЕДИННЫЙ ПУТЬ.....	36
Хинаяна и Махаяна.....	51
ЗАВЕТЫ ТОДЫ.....	65
БЕЗУМИЕ ВЕКА.....	73
ГАРМОНИЯ С САМИМ СОБОЙ.....	87
НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЖИЗНИ.....	101
СВОБОДА И ГУМАНИЗМ.....	119
ИНТЕРЕСЫ И СОВЕСТЬ.....	140
<i>ПЛАКУН-ТРАВА, ПЛЫВУЩАЯ НАПРОТИВ ВОДЫ.....</i>	<i>187</i>

К ЧИТАТЕЛЮ

Где-то в душе звенит колокольчик надежды, что человеческое безрассудство, ведомое политической, уже достигло своего предела, исчерпало себя. В сущности, если безнравственность политики еще не привела к уничтожению рода людского, то только потому, что не было для этого достаточных практических возможностей. Еще не могло развернуться во всю мощь отравляющее человека Зло.

Особенно свирепым оказался XX век, который останется в истории как век всеобщего кровавого побоища.

Две мировые войны, десятки и десятки других войн, разгул милитаризма, реки крови и слез, нескончаемый пир насилия и ненависти, враждей исковерканное сознание — все это еще в памяти поколений, все это еще не прошло, еще дышит.

Это XX век.

Блистательное достижение разума — овладение ядерной энергией — привело неразумных детей

Земли к тому, что человечество лишилось дарованного ему бессмертия.

Это тоже XX век.

С развитием электроники, информатики, генной инженерии люди обзавелись невообразимыми возможностями созидания, но эти чудеса оказались в руках милитаризма, т.е. всесветного Зла.

Это тоже XX век.

Привычным стало планомерное обживание и использование космоса, но интересы военного противостояния и здесь оказались ведущими.

Это тоже XX век.

Мир вещей реально грозит раздавить мир природы, мир обитания. Всесветная экологическая беда стучится в нашу дверь.

Это тоже XX век.

Бессмысленное противостояние двух систем на зоологическом уровне, преступная холодная война, чуть было не закончившаяся завершающим и всеобщим смертоубийством.

Это тоже XX век.

Неизбежная глобализация, которая несет с собой не только блага, но и реальную угрозу универсализации национальных культур. Разрушительное воздействие на духовные ценности телевизионной макулатуры, превращение телевидения в продажное оружие властных элит.

Это тоже XX век.

Минувшее столетие — это время политического и нравственного банкротства человечества.

Осмыслить уроки минувшего, оценить победы и поражения, осознать, что у всех у нас есть общие заботы, общие дела, — вот, пожалуй,

смысл раздумий человечества, охвативших и нашу страну в последние десятилетия.

Многие годы я постоянно думаю о нравственности как основополагающем, определяющем принципе общественной жизни. Возможно, я снова упрекну себя в романтизме, а мои критики — в наивности, как это было во времена и после перестройки, но я рискну все же предречь, что у человечества в третьем тысячелетии не будет альтернативы строительству свободного, ненасильственного, гуманистического общества. На смену продолжительному периоду варварства должно прийти время гуманизма. Думаю, что свобода и гуманизм определяют жизнь человечества до конца его обитания на планете Земля. В конце концов человек поверит в самого себя.

Но сформировать новое гуманистическое мировоззрение — задача поистине «космическая». Это будет кардинальный переворот в психологии человечества. Оно не сможет построить общество Великого Гуманизма, если нравственные категории свободы, добра, сострадания, справедливости не станут нормами человеческих отношений и основой законов всех государств, в том числе — мирового, не превратятся в повседневные привычки, в естественные мотивы поведения человека.

Размышляя над этими проблемами, я пытаюсь найти корни и проследить эволюцию взглядов на общечеловеческую нравственность в истории культуры, в религиозных движениях, в философских трудах. В данном случае мне представляются весьма интересными подходы буддизма к общечеловеческим ценностям.

Друзья спрашивают, верно ли, что я написал что-то о буддизме? «Да», — отвечаю. И тут же спохватываюсь: «Нет». Я лишь попытался передать мое восприятие гуманистических ценностей, которыми пронизана буддийская философия.

Что же касается научного анализа буддизма, то для меня такой труд непосилен — я никогда не занимался теологией и историей религиозных учений

Вся жизнь состоит из случайностей. Так и с этой книгой.

Судьба свела меня с доктором Дайсаку Икэдой — писателем и философом, общественным деятелем, президентом международного буддийского общества «Сока Гаккай Интернэшнл» и почетным президентом этого общества в Японии.

Талантливых людей предостаточно. Однако людей, наделенных особыми дарованиями в той или иной области, чрезвычайно мало. По данным этнографии, в каждой большой популяции число людей, способных на нечто выдающееся, — менее одного процента. Лишь крошечная доля этого процента знает о своих уникальных возможностях и только единицы реально используют их в жизни.

Дайсаку Икэда проницателен, исполнен собственного достоинства, уважает инакомыслие. Он упорный искатель Истины человеческого бытия, этой великой загадки, которая и жжет души людей непостижимостью, и награждает их блеском своих россыпей.

Философия буддизма пронизана идеей возможности утверждения на практике ценностей, об-

щих для всех. Борьба за победу нравственности начинается с собственной души. Обосновавшись в душе, гуманизм становится стержнем жизнеутверждающего мировоззрения и благородного поведения. «Буддизм, — писал Николай Бердяев, — есть учение о спасении без Спасителя».

Буддийское учение исходит из того, что человек, черпая духовную силу в традициях гуманизма, способен построить новое общество. Разумеется, задача эта далеко не простая. По мнению Икэды, нынешнее молодое поколение растет преимущественно в малокультурной среде, лишенной великих духовных ценностей. Массовая культура принуждает людей довольствоваться примитивным уровнем духовных потребностей, плодит индивидов с дегенеративным восприятием окружающего мира. Опасность происходящего усугубляется тем, что суррогатная культура обладает способностью всепроникаемости и всеохватности, ловко спекулируя на человеческих пороках и слабостях.

Дайсаку Икэда — бескомпромиссный приверженец мира. Он хорошо знает, что людские тела остывают быстрее, чем злобные эмоции, ведущие к убийствам и зверствам. Знает он и то, что правящие элиты ищут источники своего благополучия в войнах и конфликтах, питаются трупами.

Человеческое общество не прозревает одномоментно. Особенно общество, живущее в несвободе, под диктатом элиты, жадной до власти и денег. Прозрение всегда начинается с одиночек и лишь постепенно обретает относительно массовый, а потом и необратимый характер.

В круговерти веков исчезали народы, государства, империи, сменяли друг друга общественные устройства. При этом власть всегда оставалась властью. Она, постоянно мимикрируя, держит человека под своей свинцовой пятой. И неважно, какое это государство — тоталитарное или демократическое.

Впрочем, собственно демократических государств не бывает и быть не может. Любое государство тоталитарно по определению. Демократическим и свободным правомерно называть только гражданское общество, нанимающее административный аппарат, исполняющий в том числе и государственные функции.

Гуманистическое сознание — дитя потребности в свободе — духовной, экономической, политической, которая до сих пор угнетаема корыстью. И сегодня во всех обществах без исключения человек находится в самом низу иерархической лестницы: государство, общество, человек. И винить тут, кроме самих себя, некого.

Свободный от рождения, человек, обнаружив себя на нижней ступени организованного человечества, начинает карабкаться вверх, стремиться к власти над другими. И немало людей достигают ее, достигают посредством силы, коварства, обмана, подкупа, интриг, крови. Другие же, используя те же порочные методы, борются с ними за свою власть, за свою свободу. Заколдованный круг.

Так достижима ли подлинная свобода?

На мой взгляд, господство гуманистических принципов вполне реально лишь в том случае, если свобода человека будет стеснена всего лишь

тремя ограничителями: этической культурой человека, законами гражданского общества и свободой другого человека.

Возможности подобного упорядочения жизни демонстрировали почти все Информационные эпохи, будь то времена Эллады или Великого Новгорода. Но только возможности. Реальности жизни оказывались другими. Вечный вопрос, терзающий человека: какое же будущее ожидает его — остается без ответа до сих пор.

Почему? Одна из причин, на мой взгляд, в том, что все общественные прогнозы исходили из императива о вечности разделения общества на власть и народ, о вечности государства и власти, без которых человек якобы не сможет рационально справиться со своими страстями, желаниями, соблазнами, эгоизмом и надеждами.

На самом деле все происходило и происходит как раз наоборот. Именно государство античеловечно, оно противостоит человеку, всячески блокирует стремление человека к самореализации, к подлинной свободе.

Человечество платит непомерную цену за мучительно трудный переход от Несвободы к Свободе. Смертельные столкновения разнородных интересов порождали и порождают бесконечные социальные взрывы, конфликты, корысть, зависть, зловерные выбросы общественной энергии типа инквизиции, фашизма, большевизма. Рядом с рациональными и гуманными интересами соседствуют нетерпимость, жестокость и вражда, состоящие на службе эгоизма и государственного аппарата подавления личности.

Выход из этого застарелого кризиса я вижу только в обретении человеком подлинной свободы. Только она приведет к обществу Гуманизма.

Сегодня в России чиновники лихорадочно ищут общенациональную идею, как будто бы идеи под столами валяются или по углам прятались. Да полноте, господа, нет и не может быть какой-то объединяющей идеи, кроме идеи обретения человеком свободы. Все остальное — демократия, экономика, творчество, социальная справедливость, права человека и прочее — производное от свободы.

Только свобода питает высокую нравственность, беспощадную совесть, гордое достоинство, всепоглощающую любовь.

Свобода — не только основа жизни, она и вершина самосознания, высшее требование духа — как личного, так и народного.

Свободный человек сам отвечает за свой жизненный выбор. Однако свобода как осознанная ответственность ничего общего не имеет с анархией и вольницей. Свобода — это единство конституционных прав и обязанностей, общепризнанных норм морали и нравственности.

Задача политики заключается лишь в том, чтобы гарантировать человеку такое пространство свободы, в котором он нуждается для реализации себя как личности. Политика обязана обеспечить принцип автономности, согласно которому государству не принадлежат функции решения тех проблем, которые вполне разрешимы отдельным гражданином или общинами граждан. То, что гражданин в состоянии делать один, с семьей или в добровольном сотрудниче-

стве с другими, должно оставаться в его безусловной компетенции.

Подлинная свобода рождает и подлинную солидарность. В сущности, солидарность отражает социальную природу человека. В конечном счете отдельный человек и общество в целом зависят от солидарного сотрудничества всех. Элементарными формами солидарности являются взаимопомощь и взаимоподдержка в повседневной совместной жизни — в семье, среди соседей или в отдельных сообществах. Демократия приветствует эту многомерную ответственность, одинаково дистанцированную как от своевольного индивидуализма, так и от стадного коллективизма.

Первородный грех человека: каждый хочет быть безгранично свободным и одновременно властвовать над другими, превращая их то в рабов, то в крепостных, то в наемных работников, одним словом, в подневольных. Давно отмечено, что всякий раб хочет быть рабовладельцем. Но тот, кто требует свободы для себя, должен прежде всего признать свободу других. Единственным историческим компромиссом между человеком и другим человеком, человеком и властью является демократия с ее обязательными процедурами и институтами — свободой слова, независимыми судами, выборной властью всех уровней и т. д.

Только свободное и справедливое гражданское общество может уберечь достоинство человека от посягательства агрессивного индивидуализма, агрессивного коллективизма и агрессивного государства.

Исходя из этих соображений мне и представляется полезным порассуждать о нравственных общечеловеческих ценностях, заложенных в буддизме.

Наконец, есть и еще одна причина, побудившая меня обратиться к основополагающим философским принципам буддизма. Будучи послом в Канаде, я познакомился там с жизнью духовоборов — христианской секты, изгнанной из России в конце XIX века. Если говорить о нравственных принципах духовоборов, то они во многом совпадают с буддийскими, хотя, разумеется, духовные пастыри отверженных христиан постигли эти принципы самостоятельно, опираясь на христианские заповеди.

Меня поразило непостижимое подвижничество духовоборов, которые во имя убеждений шли на любые лишения и личные страдания. Изумляет внутренняя сила людей, которые столетиями подвергались жесточайшим гонениям, но не озлобились, не впали в мрачное отчаяние и всененавидящий экстремизм, не замкнулись. Они по-прежнему превыше всего ставят радость труда и человеческого общения, семью и дружбу, честь и порядочность.

И для меня очевидно, что история духовоборов не исчерпывается религиозной или социально-политической коллизией. Более того, их нравственные идеалы удивительно созвучны современным исканиям. Духоборчество — попытка вырваться за пределы лицемерных и несправедливых норм, угнетающих и унижающих личность. Духоборчество отвергает любую несправедливость, насилие, любое посредничество

между человеком и его идеалами — пусть они и выражены через легенды раннего христианства.

Казалось бы, парадокс: их преследовали, переселяли на самые неудобные земли, лишали имущества, ставили в положение жертв искусственно организованной межнациональной и межрелигиозной розни, а они непременно поднимались, снова обзаводились крепким хозяйством, а главное, устанавливали дружеские отношения с любыми иноязычными соседями, с которыми доводилось им жить бок о бок — и в России, и на Кавказе, и в Канаде. Не потому ли, что их высокие требования к самим себе и отсутствие каких бы то ни было притязаний к другим неизменно вызвали естественное человеческое уважение? Труд и милосердие, а не разрушительство и противоборство брали верх, одолевая зло.

История духоборчества — часть освободительного движения русского народа, которая не должна быть забыта. В частности, она приглашает поразмышлять о том, почему при всей привлекательности нравственных, жизненных идеалов и целей духоборчества оно все же не вышло за пределы секты. Не потому ли, что эта вера предъявляет высочайшие требования к личности? Особенно утверждением, что человек есть созидатель, а не разрушитель.

Читатель найдет мой давнишний очерк о духоборах в конце этой книги в качестве приложения.

ПОДВИЖНИК

Дайсаку Икэда родился 2 января 1928 года в Токио. И продолжает жить в этом городе вместе с супругой Канэко и двумя сыновьями — Хиромаса и Такахиро. Его родители владели предприятием по переработке морских водорослей.

Еще будучи школьником младших классов, Дайсаку начал писать стихи и рассказы. Он запомним читал не только учебники, но и книги по истории, философии, искусству, социологии.

Во второй мировой войне погиб его старший брат. Эта потеря потрясла юношу, подвигла его посвятить жизнь борьбе против милитаризма, а также научному исследованию причин возникновения конфликтов между людьми и государствами.

В 1947 году Дайсаку Икэда принял буддийскую религию в интерпретации японского богослова Ничирэна и вступил в добровольное общество буддистов «Сока Кейку Гаккай», что означает «Образовательное общество создания духовных ценностей».

Первым президентом этого Общества с момента

его создания в 1930 году был Цунэсабуро Макигути. Арестованный за антивоенную деятельность, он умер в токийской тюрьме в 1944 году. Вторым президентом Общества был Джосэй Тода. Он также прошел через тюрьму и был освобожден лишь 3 июля 1945 года, т.е за несколько недель до капитуляции Японии. Им обоим вменялся в вину «преступный образ мыслей». Тюремщики требовали от них отказаться от пацифистских убеждений, но оба остались верными последователями принципа ненасилия.

В 1960 году третьим президентом Общества «Сока Кейку Гаккай» был избран Дайсаку Икэда.

Первый и второй президенты Общества были педагогами, первостепенное значение они придавали воспитанию и образованию.

Первый президент, например, написал трактат о «Ценностях творческой педагогики», а также книгу «Жизнь и география». В них Макигути выступал за создание такой системы образования, которая бы стимулировала выработку новых идей — «ценностей духа». В то время Общество выступало за свободу выбора религиозной веры и против введения правительством Японии обязательной для всех граждан страны религии — синтоизма.

При Джосэй Тоде начался процесс расширения сферы деятельности Общества. Все больше внимания оно стало уделять формированию новых ценностей через широкую просветительскую деятельность, не ограничиваясь только методами воспитания и образования, как это было раньше. Из названия Общества было исключено слово «Кейку» («образовательное») как ограничиваю-

щее сферу его деятельности. Численность Общества возросла до восьми с лишним миллионов семей.

При Дайсаку Икэде Общество вышло на международную арену и стало называться Международным Обществом по созданию духовных ценностей — «Сока Гаккай Интернэшнл». В настоящее время оно насчитывает в своих рядах, вне Японии, 1, 3 миллиона членов в 128 странах и регионах мира.

Основаны десятки культурных, учебных и воспитательных учреждений. Главный из них — Университет Сока. Срок обучения — 4 года. В университете пять факультетов: педагогический, филологический, экономический, юридический и делового администрирования. В 1975 году на трех из них — экономическом, юридическом и филологическом — созданы аспирантуры. Учреждены пять научно-исследовательских институтов: прикладной экономики, изучения вопросов мира, исследования Азии, теории информатики и Институт сравнительных культур.

В университете постоянно обучаются студенты из других стран — для первокурсников имеется специальная кафедра японского языка. В свою очередь, студенты университета учатся по обмену во многих зарубежных университетах — в их числе Московский государственный университет им. Ломоносова.

Кроме Университета Сока, Обществом созданы и другие учреждения культуры и искусства, например, Женский институт, несколько начальных и средних школ, а также музеи и различные ассоциации. Художественный музей Фудзи экспонирует более 2000 картин, рисунков, скульп-

тур, а также керамические, текстильные и прочие изделия народных промыслов. В нем также демонстрируются произведения мастеров изобразительного и прикладного искусства стран Запада.

В 1962 году Дайсаку Икэда основал в Токио научно-исследовательский институт, в котором изучается история буддийской философии стран Шелкового пути, ее особенностей в Китае, Индии, Непале и других странах Азии.

По инициативе доктора Икэды в 1963 году в Японии была учреждена концертная Ассоциация «Минн-он». Она содействует развитию музыкальной культуры и драматических театров. Количество концертов и театральных представлений, организуемых Ассоциацией «Минн-он», составляет около полутора тысяч ежегодно. В Ассоциации состоят почти полтора миллиона активных членов. Они помогают распространению музыкальной культуры, музыкальному образованию детей и развитию международных связей Японии в этой области. По приглашению Ассоциации в Японии выступали и российские музыкальные коллективы.

Общество издает газету «Сэйкио» тиражом пять с половиной миллиона экземпляров и журнал «Дайбяку ренге» тиражом два миллиона восемьсот тысяч экземпляров. Кроме того, выпускает ежеквартальный иллюстрированный журнал «СГИ» (SGI) (1,2 миллиона экземпляров) под девизом «Мир, культура и образование с точки зрения буддизма».

Дайсаку Икэда много работает над предложениями по разоружению, защите окружающей среды и укреплению в мировом сознании идеалов гума-

низма. Он встречается с выдающимися деятелями культуры и науки разных стран мира. Некоторые из его диалогов опубликованы отдельной книгой — в нее вошли и беседы с писателем Чингизом Айтматовым. На нескольких языках вышла книга о дискуссии доктора Икэды с английским историком Арнольдом Тойнби.

Икэда — автор монографии «Гуманная революция», в которой излагает концепцию того, как кардинальные преобразования в душе человека ведут к его Просветлению, без чего подлинный гуманизм невозможен. Издание этой книги на японском языке составляет 12 томов. Ее перевод на английский концентрирует содержание оригинала в пяти томах. Книга издана также на португальском, испанском, французском и немецком языках.

Дайсаку Икэда — автор романов, стихов, повестей, литературоведческих работ о классической японской литературе. Он пишет детские сказки, пользующиеся популярностью.

За литературные произведения он удостоен почетного звания «Поэт-лауреат мира». За активную деятельность в утверждении взаимопонимания между народами Икэда получил звание почетного профессора и доктора более 25 университетов, в том числе почетного доктора Московского государственного университета им. Ломоносова. За общественную деятельность и выступления в защиту гуманизма он избран почетным гражданином десятков городов разных стран мира. В 1983 году Организация Объединенных Наций удостоила его звания Лауреата премии мира. Он награжден также почетным дипломом Московского клуба «Леонардо».

Икэда не считает себя «живым Богом», не собирается быть «гуру» — вождем некой секты или еще кем-то в этом роде. Подобные секты он называет «силами зла», посылаемыми «демоном подземелья Мару». Он земной человек и занят земными делами.

Икэда упорно утверждает, что естественная взаимная симпатия и взаимопонимание людей должны быть почвой, на которой расцветет Новый Гуманизм. Только лозунги — не помогут. Но если всеобщее взаимопонимание и симпатии успокоят бури в душах людей, то корабль традиций и весла модернизации смогут привести человечество к гуманизму XXI века.

Буддизм Икэды современен. Он живет проблемами, которые волнуют сегодня большинство людей. Буддизм, по убеждению Икэды, может и должен помочь современному человечеству, «при-скорбно и позорно заблудившемуся» в ересях милитаризма, национализма и социального дарвинизма, успешно решать острые задачи, поставленные историей. Своими идеалами человеколюбия и непротивления злу насилием буддизм ориентирует на овладение культурой, на развитие способности думать, на искоренение агрессивности, нетерпимости, дегенеративных привычек к наркотикам и алкоголю.

По мнению Икэды, близится время Воли народов и заканчивается время Произвола правящих элит, равно как и амбиций воюющих с ними контрэлит. Это означает неизбежное наступление эры подлинной общечеловеческой демократии, братства и социальной справедливости, свободы для всех и каждого, эры, когда Человек, сформи-

ровав свободное гражданское общество, возвысится над властью и государством.

Но, скажет читатель, а что тут, собственно, нового? Не было и нет политиков, которые бы не клялись свободой и интересами людей. Ложь, подобно туману, в течение тысячелетий обволакивала человека. Человек видит обман и ненавидит его, но, к позору своему, все время позволяет обманывать себя, оставаясь в плену несбыточных надежд. Поколение за поколением люди кормятся утопиями, как бы компенсируя жестокость бытия, мерзости жизни, личные неудачи. Иллюзии для взрослых — что сказки для детей.

Только свободное и справедливое гражданское общество может уберечь достоинство человека от посягательств агрессивного индивидуализма, агрессивного коллективизма и агрессивного государства.

Демократия — творение древнее. Для рабовладельцев понятие «демократия» имело уничижительный характер. Платон и Аристотель воспринимали демократию как господство невежественных, грубых и завистливых масс над элитами. Предубеждение по отношению к демократии господствовало и в Риме. И только после того как европейская цивилизация распрощалась с язычеством, начало пробивать себе дорогу учение о естественном праве, которое провозгласило права человека в системе власти. Затем пришло понятие правового государства, когда судьи начали утверждать свою независимость от произвола монархов и их челяди.

Европейская Реформация породила гражданскую мораль. Джон Локк, апологет частной соб-

ственности и экономической свободы, сформулировал новую идею общественного договора, создал современную концепцию представительной власти и гражданства, заложил принципы парламентарного строя, которые через столетие позимствуют страны Западной Европы и США.

История демократии помнит и Руссо с его принципом верховенства народа, и Джона Милля с его понятием свободы, суть которой он видел в достижении личного блага.

Современная демократия — в глубоком кризисе, причем повсюду. Ее развитие остановилось на уровне правовых процедур, которые и выдаются элитами за демократию. Остановилось прежде всего потому, что над человеком продолжает висеть тяжелая глыба государства.

Нравственный прогресс человечества — особая линия эволюции. На мой взгляд, моральное совершенствование человека мало связано с материальной эволюцией, а высоконравственное поведение не возникает из того, что наука открыла еще одну тайну природы, а изобретатели сконструировали еще одну удивительную машину. Нравственность определяется не только бытием, но в значительно большей степени уровнем сознания, уровнем культуры. Такова заслуживающая серьезного внимания точка зрения и буддийской философии.

Взаимодействие и взаимообогащение культур, с одной стороны, и их связи с организацией общественной жизни на базе свободы или несвободы — с другой — вечная проблема. Здесь клубок самых разнообразных противоречий, запутанных временем, изобретенных самим чело-

веком и постоянно меняющих свой характер и формы.

Но, рассуждая о культуре в этом контексте, следует договориться о том, что именно вкладываем мы в это понятие. Художественную культуру или культуру труда, поведения и быта?

Понятно, что одной без другой не существует. При этом они отличаются друг от друга, так как различна их историческая судьба. Высокая художественная культура, т.е. высокое искусство, создается людьми избранными и является вечной. Она не развивается, она только видоизменяется, формы ее играют, хмурятся, смеются, иронизируют, но сама суть искусства — искусства слова, звука и цвета — остается неизменной. Именно неизменность искусства и делает его вечным, а человека — бессмертным. Именно такое искусство является источником вечно животворящей информации, передающейся от поколения к поколению.

Что же касается той части культуры, которая окружает нас в повседневной жизни, то она изменчива, коварна и столь же греховна, как и сам человек, поставленный природой в жесткие условия выживания.

Вечное искусство — источник гуманизма, которому поклоняется буддийская философия. Повседневная культура труда и быта — источник постоянных противоречий, диктуемых материальным развитием общества и его потребностям.

Мои рассуждения о свободе, нравственности и культуре могут показаться читателю отступлением от темы. Но в том-то и дело, что ведущей идеей в буддийском учении является вера в то, что духов-

ные преобразования в мире достигаются изменениями в душах индивидов, а не переменами в общественном устройстве, которые неизбежно сопровождаются насилием над людьми, ибо перемен хотят далеко не все.

Слово «сока» по-японски означает «созидание ценностей». Духовных ценностей. Икэда пишет, что XX век уже предупредил человечество о том, что оно не выживет, если нравственные и этические категории гуманизма не войдут в повседневность, в жизнь, не станут реально действующими нормами человеческого общежития в отношениях как между народами, так и между людьми.

Буддизм считает возможным и социальные революции в общественных отношениях, но только через посредство «революции духа» в каждом человеке. А это означает неизбежность кардинального изменения нравственности на основе признания решающей роли общечеловеческих ценностей.

ШАКЬЯМУНИ

Как свидетельствует предание, в глубокой древности по пыльным дорогам Индии и тропам горного Непала странствовал изможденный постами и подвижническим образом жизни молодой человек под именем Шакьямуни, ставший исторически признанным основоположником буддийской религии и философии. С нестигаемым упорством он проповедовал собственное учение, которое в наше время исповедуют сотни миллионов людей.

Шакьямуни родился в XI веке до Рождества Христова, а именно 8 апреля 1029 года до н. э. и умер 15 февраля 949 года до н. э. Западные историки придерживаются мнения, что даты жизни и смерти основателя буддизма следует приблизить примерно на 400 лет к нашему времени.

Отец создателя буддизма был царем небольшого племени шакьев, жившего в предгорьях Гималаев, к югу от нынешнего центра Непала. Его родовое имя было Гаутама, что означает «лучшая корова», а нареченное (собственное) — Сиддхартха, в переводе с санскрита — «цель достигнута», или «выполнивший свое предназначение». По-

зднее, когда принц Сиддхартха стал главой новой религии (а в Индии тогда господствовал брахманизм), его нарекли именем Шакьямуни, что значит «отшельник из племени шакьев».

Историки и археологи подтверждают, что Шакьямуни является не вымышленным, а реально жившим человеком. На основе раскопок и изучения древних рукописей установлено, что Шакьямуни родился в саду около деревни Лумбини в 240 километрах от нынешней столицы Непала Катманду. Его мать — царица Майя — шла пешком к мужу-царю, но решила по дороге зайти к своим родителям в деревню Лумбини. Там она и родила сына, а через 7 дней после родов умерла. Сиддхартха воспитывался сестрой матери.

Спустя 400 лет индийский император Ашока возложил камень на место, где родился Будда-Шакьямуни. Он повелел записывать на пальмовых листьях его проповеди, передававшиеся из уст в уста, из поколения в поколение. Камень, которым император Ашока отметил место рождения Будды, был найден индийским археологом Бабу Кришна Риджалом и японским археологом Сатору Уэсакой.

Многие годы об этой находке ничего не сообщалось. И лишь после того как место, где лежал священный камень, посетил Бирендра — король Непала, сенсация стала достоянием мировой общественности.

Буддисты считают священными все вещи и предметы, связанные с основателем их религии. Они поклоняются вещам, к которым, по их представлениям, прикасалась рука Шакьямуни, а также останкам вещей его эпохи, хранящимся в буд-

дийских святынях. Разлит культ поклонения огромному дереву — баньяну, которое сейчас растёт на том месте, где росло дерево, под которым Шакьямуни испытал Просветление и его душа «слилась в гармонии с космосом».

Знания о буддизме и его основателе Шакьямуни Дайсаку Икэда получил, как он сам говорит, на лекциях своего учителя Джосэя Тоды. Затем Икэда самостоятельно продолжал изучать философию буддизма. Выступая в своё время в МГУ, Икэда обратил внимание на то, что, подобно Шакьямуни, такой же путь служения людям избрал Лев Толстой, который незадолго до смерти отказался от жизненных благ и возвысил свой голос против убогости человеческого существования.

После появления на свет «в садах возле деревни Лумбини» того, кто потом стал Буддой, его привезли к отцу — царю Шуддходана в его дворец в городе Капилавасту. Царь пригласил известного прорицателя по имени Асита и попросил его предсказать судьбу новорожденного. Асита сказал: «Я вижу в его облике черты не только великого владыки, который будет править миром, но и черты Будды». Так в древней Индии называли человека, познавшего Истину.

Сохранилось много преданий о раннем детстве принца. В древних рукописях так описывают Шакьямуни: «Блестящий лик, подобно яркой и полной луне, привлекал взгляды окружающих. Руки и ноги излучали сияние чистого золота».

В то далекое время, как, впрочем, и теперь, благородное выражение лица, мужественный вид, уравновешенное поведение считались признаками необыкновенного человека.

Для единственного сына были созданы поистине царские условия жизни. Царь-отец стремился оградить сына от реальной жизни, в изобилии обеспечить его всеми доступными в то время радостями бытия. Роскошные платья, изысканные блюда, постоянные развлечения должны были, по замыслу отца, создать сыну на всю жизнь настроение праздника и беззаботности. В раннем возрасте Сиддхартха женился на прекрасной Яшодхаре. У них родился сын, нареченный именем Ракулу.

Но так случилось, что в один из дней он ослушался отца, который требовал от него никогда не выходить за ограду дворца. Вышел за ворота и увидел настоящую жизнь, а не сказочные спектакли, которыми он наслаждался во дворце. Бедные лачуги, больные дети. Узнал, что старость, болезни и смерть ожидают каждого. Затем встретил монаха, просившего милостыню. Все увиденное потрясло его. Юному принцу стала невыносима роль баловня судьбы и кумира семьи. И он пошел на необычайно мужественный шаг: отказался от титула наследника царского престола и решил стать странствующим монахом.

Царь-отец был потрясен. Он пытался переубедить сына и удержать его во дворце. Но все попытки отца оказались напрасными.

Однажды ночью Сиддхартха Гаутама в сопровождении своего верного слуги Чандаки верхом на любимом коне Кантахе покинул царский дворец. Он снял с себя все драгоценности, обрил голову и через слугу сообщил отцу, что не вернется, пока не достигнет Просветления.

Простое платье и бритье головы стали впослед-

ствии отличительными признаками последователей буддизма. За этот обычай их прозвали Мунда, что значит «бритологовые».

Дайсаку Икэда преклоняется перед жизненным подвигом Шакьямуни. Становление духа и сознания, проникновение в тайны жизни требуют кардинального изменения души, которое невозможно без страданий. Шакьямуни добровольно подверг себя суровым тяготам в своей земной жизни, чтобы найти Истину.

Родившись в царской семье, он мог бы жить спокойно и счастливо. Но душа его была открыта людским страданиям, и он спросил себя: «Почему человек мучается всю жизнь, рождаясь, болея, старея и умирая?» Тень этого вопроса затмила свет его юности.

Образ жизни странствующего проповедника считался в Индии в высшей степени достойным промыслом. Существовало поверье, что человек, делясь с нищим куском хлеба, укрепляет свои шансы на воплощение в более совершенное живое существо после земной смерти и нового рождения. Циклическое повторение умственных и физических страданий в земной жизни и циклическое повторение воплощений в разные виды существ после смерти называется Сансара. Состояние после смерти и пребывание на том свете до очередного воплощения на Земле именуется Бардо; оно продолжается несколько десятков лет.

Мысли, слова и поступки человека в предыдущей земной жизни определяют качество нового воплощения. Быть принцем или лягушкой — зависит от самого человека. Поэтому странствующие монахи истово блюли нищенский и правед-

ный образ жизни, который давал шанс на более высокий жизненный статус после очередного возвращения на Землю.

При чтении рассуждений буддийских философов о неизбежности постоянных воплощений человека после смерти в новое качество мне невольно приходят на ум предположения некоторых западных ученых, занимающихся проблемой единства между прошлым, настоящим и будущим. «Будущее уже было, прошлое еще будет», — утверждают они. По их же мнению, в человеке три массива информации, три мозга: «старый» (от рептилий), «средний» (от низших млекопитающих) и «новый» (от существа разумного). Два первых как бы спят. Их блокирует память. Но вполне возможно, что прошлое любой давности может проснуться, и человек может вспомнить самые невероятные картины прошлого. Но не только. И будущего — тоже. Умерший буддистом может родиться христианином, русский — китайцем, француз — евреем и т.д. Итак, все мы уже были, и все будем вновь.

Все исчезающее оставляет свой информационный след и служит материалом для новой реализации. Информационный сгусток, накопленный человеком, неистребим. Он законсервирован. Именно он представляет собой загадочное «Я», т.е. душу.

Сиддхартха Гаутама, как гласит предание, избрал для себя образ жизни странствующего монаха не ради улучшения своего будущего земного статуса — он уже и так был наследным принцем, а с целью Просветления, которое, по его убеждению, требовало постоянного испытания страданиями.

Как говорят те же предания, тогдашние нищие-монахи вели себя с большим достоинством, они верили, что совершают жизненный подвиг. С горделивым видом шествовали по улицам, но не в грязных лохмотьях заурядных попрошаек, а в опрятных, чистых и пристойных одеждах. Получив подавание, спокойно удалялись, чтобы вкушать его с чувством искренней благодарности.

Долгие странствования привели Сиддхартха Гаутаму в царство Магадха, которое переживало острые внутренние распри. Роскошная жизнь изнеженных богачей-рабовладельцев и нищета низших каст — рабов привели к кризису традиционного мировоззрения — брахманизма. В этой обстановке возникали многочисленные ереси и секты, даже атеистические философские течения.

Власть постепенно переходила от касты брахманов к кастам купцов и воинов.

Новые лидеры выступали против традиционного племенного и кастового общества, способствовали формированию новой структуры государства во главе с монархом.

Духовный климат в Магадхе стимулировал желание Гаутамы к дальнейшему углублению собственного учения. Он сумел предугадать неизбежность перемен, увидел возможность становления в Магадхе новой культуры. Брахманы, на которых прежде взирали как на полубогов, утрачивали авторитет. Развитие торговли выдвинуло на экономическую и политическую авансцену представителей касты вайшьев — купцов. Кшатрии — воины также упрочили свои позиции, ибо реально противостояли наступавшим на Индию персам.

Уже много людей к тому времени начали ве-

рять, что буддизм способен впитать в себя тенденции и образ мышления людей новой культуры и тенденции развития нового общества. Со временем это учение стало ассоциироваться вообще с прогрессивной духовной культурой.

Какие же объективные причины послужили относительно быстрому распространению буддизма? Брахманизм, который упорно держался за власть, начал тормозить развитие и не давал хода ни новому мировоззрению, ни новым экономическим отношениям.

Так всегда бывало в истории. Жизнь постоянно рождает что-то новое, рождает в борьбе, муках, ибо все, вновь рожденное, отрицает старое, убежденное в своей вечности, неизменности. Да и то сказать: сегодня горделиво восседать в седле истории, а завтра выпасть из него в неизвестность или даже стать мишенью для презрения потомков — удел, согласитесь, нелегкий. Но такова судьба людей, обществ, взглядов — судьба, не такая уж и редкая.

Очевидность данного процесса тривиальна, она сведена до, казалось бы, внешне ясного клише — смены старого новым. Смены неодноразовой, многоплановой и многослойной, чрезвычайно сложной и болезненной, но в позитивном варианте развития имеющей сердцевину — преемственность в приращении ценностей цивилизации, обогащении человеческого духа.

Знание — всего лишь преодоление незнания, понимание — всего лишь преодоление непонимания, т.е. все это — движение от старой незаконченности к новой неопределенности. Догме здесь места нет. Ритуальное освящение даже гениаль-

ной мысли в качестве вечной — не наука, а фетишизм.

Буддизм не один раз прибегал к революционной ломке религиозных догм, но всегда мирными, проповедническими средствами. Эта черта буддизма привлекает пристальное внимание и сегодня, особенно в переходный период от варварства, в котором человечество продолжает пребывать и поныне, к господству гуманистических ценностей.

Инициатором такой ломки, в сущности, первой в истории буддизма, был Шакьямуни. Уже в начале своей истории буддизм сумел преодолеть сословные и кастовые барьеры между людьми, обращаясь ко всем людям независимо от их социального положения. Сторонников нового, живого движения становилось все больше и больше. Буддийским общинам начали оказывать материальную поддержку богатые купцы, недовольные засильем брахманов в политической и духовной жизни общества. Один из них пожертвовал буддистам монастырь «Бамбуковая роща» в городе Раджагрихе. Другой подарил монастырь в царстве Кошала. Купец Судатта за свои щедрые пожертвования буддистам заслужил репутацию «покровителя неимущих».

Анализируя причины упрочения буддизма, Икэда пишет, что эволюция человечества в то время обуславливалась в основном отчетливой эволюцией духовных принципов. Только сравнительно недавно значение религиозных и философских учений стало оттесняться научно-технической лихорадкой, что и породило, в частности, непродуктивный, уродливый культ материальных благ.

Солидаризируясь с западноевропейским философом-экзистенциалистом Карлом Ясперсом, Икэда подчеркивает, что в настоящее время существует острая потребность «в таких философиях и религиях, которые открыли бы людям путь к духовному самосовершенствованию и созданию общества высокой духовности. Созидательное единство материальных и духовных достижений человечества способно открыть новую поворотную эру в истории развития цивилизации. Ренессанс веры ради будущего гуманизма».

Концентрируя свое внимание на проблемах гуманизма, буддизм не претендует на глубокое философское толкование естественнонаучных знаний, понятий пространства, времени, закона необходимости и т.д. Предметом его пристального внимания становятся преимущественно морально-этические проблемы.

СРЕДИННЫЙ ПУТЬ

В поисках Истины Сиддхартха Гаутама старается понять прежде всего самого себя. Побывав странствующим монахом и проповедником, Гаутама решил еще раз изменить свой образ жизни. Он стал отшельником.

Покинув столицу царства, Гаутама поселился в лесу, неподалеку от деревни Сена, что к западу от города Раджагрихи. Здесь он посвятил себя религиозному подвижничеству. Аскетизм и йога, пишет Икэда, считались в индийской философии основными методами самосовершенствования. Истязая тело, претерпевая физическую боль, человек, как тогда думали, может прийти к абсолютному освобождению от страданий и обрести духовную свободу, что и является условием достижения Истины.

Сходство общественных условий приводит к появлению сходных философских и религиозных учений. Брожение умов в Индии вызвало к жизни философию Шакьямуни, которая предложила новые методы разрешения идейных разногласий. Сходным образом смутная общественная ситуация

в Древней Греции привела к возникновению философии Сократа, Эпикура, стоиков и скептиков.

Перед Шакьямуни возникла необходимость определить свою точку зрения на аскетизм и гедонизм, ответить на вопрос: ведут ли они к праведной жизни и просветлению ума.

В это время аскетизм в Индии был достаточно распространен. Умерщвляя плоть, аскеты надеялись достичь совершенства и счастья. Новый аскет и отшельник Гаутама, принявший имя Шакьямуни, начал практику аскетизма тоже в полной уверенности, что без мучительных физических страданий невозможно достичь вершины духовного совершенства. Очевидцы были потрясены суровостью наложенных им на себя обетов. Однажды им даже показалось, что Шакьямуни, доведя себя до полного истощения и обессилив от бесконечных пыток над собой, умер.

Позже, вспоминая об этом времени, сам Шакьямуни говорил, что ни один брахман, ни один аскет ни в прошлом, ни в настоящем не подвергал себя более беспощадным добровольным мукам, чем он сам. На собственном опыте Шакьямуни познал вторую крайность — аскетизм и пришел к убеждению о его негодности для достижения Просветления.

Первую крайность — гедонизм он испытал в юности. Будущий создатель мировой религии носил в детстве и юности шелковые одежды, расшитые золотом и драгоценными камнями. В залах и комнатах трех дворцов его царственного родителя ему угождали слуги и наложницы. Его развлекали танцоры и музыканты. Его пища была изысканной.

Гедонизм не привел его к Просветлению и осознанию Истины. Потом то же произошло с аскетизмом. Так Шакьямуни пришел к выводу, что следует искать срединный путь — путь благочестия. По сегодняшней терминологии — это и есть здравомыслие.

Это была радикальная перемена во взглядах Шакьямуни. Вначале у него было всего пять учеников. И в первой же проповеди Учитель сказал: «В подлунном мире существуют две крайности, коих должно избегать верующему страннику.

Вы спросите меня, что это за крайности, и я отвечу вам, что первая из них — потворство чувственным наслаждениям и стремление к удовлетворению мирских желаний. Это низменно, недостойно, развратно и бесплодно.

Вторая крайность — тяга к лишениям и физической боли. Она мучительна, постыдна и тоже бесплодна.

Но есть срединный путь Татхагаты. Этому пути чужды крайности, ибо бьет там родник вечной мудрости, ведущий к великому прозрению, к духовному совершенству, покою, Просветлению и Нирване».

Комментируя эту мысль, Икэда пишет: «Глубинный смысл философии и религиозной практики буддизма — отказ от гедонизма и аскетизма — подразумевает неделимость души и тела. Гедонизм и аскетизм, являющиеся полными противоположностями, тем не менее сходны в том, что являются порождением дуалистического мышления». Гедонизм считает загробную жизнь выдумкой людей. А раз нет Бардо — состояния между наступившей смертью и последующим

воплощением, то, значит, мы живем только один раз. Поэтому смыслом земной жизни должно быть удовлетворение всех плотских желаний.

Противостоящий гедонизму аскетизм требует умерщвлять плоть и желания тела, поскольку считает плоть средоточием зла, а Добро и Истину — присущими только духу человека, который надлежит освободить, истязая тело.

Личное познание практики гедонизма и аскетизма побудили Шакьямуни избрать срединный путь, отвергнуть как аскетизм, так и гедонизм. Ни тот, ни другой не ведут к высвобождению духовного начала, к достижению Нирваны как высшей и конечной цели жизни человека. Только на срединном пути можно достичь великого прозрения и мудрости, покоя и духовного совершенства.

Исследователи эволюции буддизма подчеркивают стойкость духа Шакьямуни и его последовательность в противостоянии сильному давлению философии аскетизма — джайнизма. Основателем последнего был Вардахамана Махавира (Джинна). Вслед за аскетическим учением йогов он учил, что люди должны стремиться к освобождению от желаний плоти. Это рассматривалось как отторжение от материального мира, который является Злом. Методы достижения Свободы и Истины у индийской секты джайнистов отличались варварской суровостью. Был случай, когда 9 из 11 учеников основателя одного из отделений этой секты Нигантхи Натапутты умерли от голода, усердно стремясь, как они полагали, избавиться от оков плоти, чтобы, очистившись таким образом, постичь Истину.

Джайнизм требует от своих сторонников целомудрия и безбрачия, запрещает убивать даже насекомых. Воду джайнисту полагается пить через тряпку, чтобы ненароком не проглотить какое-либо живое существо. Даже дышать джайнист обязан так, чтобы не вдохнуть случайно какое-нибудь насекомое, которых в тех местах полным-полно. Джайнисты, доведившие себя голодом до смерти, почитались в Индии как святые. В те годы в этой стране возникла вера в существование «чистой земли» — рая, где находят пристанище невинные и непорочные души, освобожденные от нечистой телесной оболочки.

Джайнизм в принципе тоже отражал протест против кастового строя тогдашней Индии. Он объявлял людей, добровольно или вынужденно, по бедности, ведущих аскетический образ жизни, самыми достойными и счастливыми. Только аскеты, учил джайнизм, достигают Истины, так как праведный образ жизни дает им после смерти новое возрождение в образе более высокого и благородного существа. Это служило утешением для всех бедняков касты неприкасаемых — шудры и всех обездоленных из других каст.

Утешением для бедняков служило и то, что и представители других каст и слоев общества добровольно практиковали аскетизм. Причем наиболее последовательные джайнисты в своем истовом аскетизме, в отрицании всего материального даже отказывались от ношения одежды. Их называли дигамбары, что значит «одетые светом».

Джайнизм, в отличие от буддизма, не был принят в то время народами других стран. Но в

Индии он существует до сих пор и насчитывает около полутора миллионов сторонников.

Вернемся, однако, к учению Шакьямуни. Как уже говорилось, он оставил добровольно родительский дом, красавицу жену и маленького сына. Отрекся от прав наследника престола и в одиночку пустился в долгое путешествие по Индии в поисках Истины. Сначала был аскетом, живя в лесу под открытым небом. Но аскетизм не привел его к пониманию Истины. В итоге, испытав оба пути — гедонизм и аскетизм, Шакьямуни понял, что и потакание желаниям собственного тела, и его истязание не приведут человека к Просветлению.

Шакьямуни решил пойти по Срединному пути, избегающему крайности гедонизма и аскетизма. После долгих дней голодания он поел, искупался, переменял одежду и, сев в позе лотоса под ветвями смоковницы, поклялся себе не сходить с места, пока ему не откроется Истина. Она пришла к нему «ослепительной вспышкой озарения» в час, «когда взошла утренняя звезда». Его сознание достигло необычайной ясности, и он «прозрел буйное цветение жизни».

Истины, как оказалось, находятся в глубинах сознания человека. Второй Истиной, после Истины срединного пути, было открытие факта, что каждый человек может сам понять великие истины и стать Буддой. «Человек — сам себе господин, — учил Шакьямуни. — И нет никакого высшего существа или силы, которая могла бы распоряжаться его судьбой».

Просветленные люди, обретшие полное освобождение от страданий, могут научить и напращ-

вить простого смертного на путь к Просветлению. Но этого мало, учил Шакьямуни. Каждый своим умом должен пройти путь от невежества к Нирване, к состоянию вне страданий.

Шакьямуни предлагал своим последователям проверять себя и свои верования здравым смыслом. При этом он советовал верующим не обращать внимания на авторитеты священнослужителей и даже самого Будды, пока собственный опыт, испытанный здравым смыслом, не убедит их в том, что они на правильном пути, т.е. на пути к Истине. Более того, Будда-Шакьямуни учил, что человек должен соглашаться с Истиной только в том случае, если сам поймет, что она ему нужна и понятна.

Предания повествуют, что свои основные мысли Шакьямуни высказал в проповеди, произнесенной им в городе Сарнате сразу после достижения им Просветления, в лесу, июльской ночью, в полнолуние.

Там он сформулировал «Четыре благородные истины», определившие оптимистическую направленность буддизма. Вот они:

1. Страдание неотделимо от жизни.
2. Причину страданий следует искать в эгоистических устремлениях и пристрастиях людей, а не во внешних условиях жизни.
3. Прекращение страданий возможно путем ухода от них через просветление сознания.
4. Путь от страданий к избавлению от них проходит посередине между гедонизмом и аскетизмом.

Для того чтобы практически следовать мудрости «Четырех благородных истин», необходимо, учил

Шакьямуни, придерживаться определенных правил поведения, мышления и речи. Их восемь, и они составляют «Восьмеричный благородный путь» к Истине и освобождению от страданий.

У каждого человека, следующего по «Восьмеричному благородному пути», должны быть: 1. Правильное понимание. 2. Правильное мышление. 3. Правильная речь. 4. Правильное действие. 5. Правильный образ жизни. 6. Правильные усилия. 7. Правильное запоминание, осознание, внимание. 8. Правильная концентрация мысли.

Сочетание «четырех истин» и «восьми правил» делает жизнь уравновешенной и гармоничной. Шакьямуни поясняет, что правильное понимание и мышление позволяют обрести мудрость. Правильные речь, действия и образ жизни формируют нравственность. А правильные усилия, запоминание, осознание, внимание, концентрация мысли и медитация позволяют обуздать разум.

«Четыре благородные истины» и «Восьмеричный благородный путь» преподносились буддистами на протяжении веков в самых разнообразных версиях. Их абстрактное изложение самим Шакьямуни давало возможность многочисленных толкований, даже противоположных. В результате в буддизме постоянно возникали разные направления и школы.

Несмотря на многочисленные разночтения, все школы буддизма были и остаются согласными в том, что считают страдания основным признаком и спутником жизни всех людей на земле. Поэтому и цель одна — избавиться от страданий.

Видя спасение только в духовной сфере самого человека, а не в изменениях окружающих социальных условий, буддизм не ограничивает людей единственным вариантом спасения. Для освобождения от страданий каждый может использовать разные методы. В их числе: личный жизненный опыт, интеллект, чувства, знание философии, религиозная вера и т.д. Допустимо все, что может привести человека к освобождению от страданий. Нет ни запретов, ни принуждений.

Буддизм дает, таким образом, возможность своим последователям находить в нем то, что приемлемо для каждого, — в зависимости от его объективного положения в жизни, личного опыта и способностей.

Слияние индивидуального сознания с мировой душой, что Шакьямуни и называет Буддой, служит для человека осязаемым состоянием свободы от страданий. Последнее буддизм считает сутью истинной реальности, раскрывающейся перед внутренним взором человека. По словам Икэды, «состояние Будды является единственным, которое открывает человеку неиссякаемую перспективу познания Истины. Только добившись Просветления и став Буддой, человек становится подлинным властелином своей судьбы и может отправиться к берегам счастья».

Обращаясь к своим последователям с идеей, что высшая мудрость коренится не во внешнем мире, а в тайниках собственной души, буддизм снимает проблему соответствия своей философии мировоззрению человечества в целом. Человечество может, если захочет, само соответствовать

буддийскому мировоззрению через мудрость каждого человека.

Не отрицая категорически того, что в окружающем человека природном и социальном мире следует многое изменить, буддизм предлагает человеку в первую очередь измениться самому. Измениться в отношениях с другими людьми, с окружающей природой и самим собой.

Утверждая, что высшая мудрость коренится в собственной душе, буддизм снимает и проблему насильственной веры, мировоззренческой нетерпимости. О каком принудительном единомыслии может идти речь, если спасение и счастье — в самом человеке?

Кстати, философы Древней Греции также утверждали, что лишены достоинства те люди, которые все время скулят, ноют и жалуются на всех, вместо того чтобы самим исправляться.

Из опыта интеллектуальной деятельности известно, что новые, заслуживающие внимания мысли приходят только после более или менее долгих размышлений, часто мучительных. Но наиболее оригинальные мысли часто подобны озарению. Ученые объясняют это особенностями «корковой динамики» человеческого мозга. Сложившиеся ранее информационные комплексы, «записанные» в клетках мозга, могут образовывать новое знание даже незаметно для самого человека.

Память — и величайшее спасительное свойство человека. Она блокирует информацию о прошлом, будущем и частично — о настоящем. Но случается, что человек преодолевает эту стену памяти. И тогда на него обрушивается водопад новой информации, новых знаний, новых истин,

которые для других людей непостижимы. Так рождаются гении, способные увидеть прошлое и заглянуть в будущее.

Возможно, Просветление Шакьямуни и было таким актом интуитивного, неконтролируемого им самим взрыва накопленной до этого информации о человеке и человечестве.

Шакьямуни был жаден до опыта. Он понял, что его философия не должна быть только созерцанием жизни, она призвана активно познавать ее и вмешиваться в судьбы людей, но только через нравственное очищение.

Буддизму, как и другим мировоззренческим школам, не удалось вытеснить философию созерцания. Впрочем, такая задача не ставилась, поскольку буддизм допускает такой, среди других, способ познания. Он жив до сих пор. Например, чисто умозрительной была в Западной Европе философия немецкого ученого Эдмунда Гуссерля, названная им феноменологией. В соответствии с ее догмами познание следует начинать после выполнения «феноменологической редукции» в своем сознании. Суть ее в том, чтобы забыть все узнанное с целью обретения «чистого мышления», не обремененного старым мыслительным материалом.

Шакьямуни, как пишет Икэда, держал в голове увиденное и услышанное. Более того, свои интуитивные умозаключения он направлял в практическое русло, т.е. на помощь страждущему. И когда ему открылась Истина, он почувствовал настоятельную потребность передать обретенную мудрость другим людям.

Так сформировалась новая миссия буддизма,

основанная на активной жизненной позиции. Отныне задача просветленного человека состояла в том, чтобы передавать другим людям свои знания, свое гуманистическое видение мира, помочь им творить такой мир.

Каноническая литература описывает историю буддизма как триумфальное шествие по Индии. На самом деле распространение этой религии не всегда было безоблачным. Против выступали прежде всего брахманы, цеплявшиеся за кастовую власть. Ведя борьбу против буддистов, брахманы стали присваивать себе некоторые идеи новой религии и пропагандировать их как свои.

Но это не остановило буддизм, поскольку его философия оказалась понятнее и ближе к людям и к самой жизни. Обновленный буддизм говорил с людьми на понятном им языке — практике, а не на архаическом языке древних ведических гимнов брахманизма. Члены низших и бесправных каст, вступая в буддийскую общину, становились вровень со всеми другими людьми. Буддизм стал приобретать черты народности.

Советы Шакьямуни следовать срединному пути играли умиротворяющую роль. Бедным они позволяли считать, что религия вовсе не обязывает вести нарочито нищенский образ жизни, а богатых побуждали воздерживаться от демонстрации чрезмерной роскоши. Распространению буддизма способствовало и то, что срединный путь означал отказ от дорогостоящих жертвоприношений, сложных и обременительных обрядов брахманизма.

По всей Индии стали возводиться храмы в честь Будды-Шакьямуни. Сначала это были ступы —

грубые каменные сооружения над останками святых людей. Позднее сооружались крупные храмы. В них устанавливались скульптурные изображения Будд, достигавшие порой гигантских размеров. Лично я не могу найти этой традиции достаточно убедительного объяснения, особенно с точки зрения гуманизма и народности, исповедуемых буддизмом.

У историков буддизма (буддологов) существует версия, что Шакьямуни — лишь один из множества реально существовавших в то время Будд. В одном из буддийских источников, например, говорится, что в Индии в одно время было 995 Будд-мироправителей и 35 Будд, очищающих от грехов. В некоторых монастырях до сих пор хранятся скульптурные изображения множества разных Будд.

Следует, пожалуй, еще раз обратить внимание на то, что требование следовать срединному пути оставляет открытым вопрос о том, что же является разумной «серединой». Это характерно для буддийской философии — создавать поле для разных толкований, для формирования собственных взглядов.

Если обратиться к современной Японии, то, с точки зрения европейца, срединный путь японского образа жизни тяготеет скорее к воздержанию, чем к празднолюбию. Президент компании «Сони» Акио Морита вспоминает, что когда он учился в школе, дисциплина была очень строгой. В классах было нестерпимо холодно, но детям не разрешали носить теплую одежду. Отголоски аскетизма здесь очевидны.

Впрочем, существуют и другие точки зрения на

соотношение гедонизма и аскетизма в современной Японии.

Просветление умов в духе учения Шакьямуни не ставит целью ограничить человека способностями только к медитации. Ничего общего с действительностью не имеет и представление о буддистах как добровольно уползающих от жизни старцев, неподвижно сидящих в позе лотоса, дабы достичь отрешенности от всего окружающего.

Срединную позицию японцев особенно убедительно демонстрирует их современное отношение к жизни. В соответствии с идеями «Сока» в детских садах в первую очередь учат переносить трудности. В начальных классах дети овладевают умением терпеливо работать. В старших классах учат добиваться поставленных целей, несмотря на препятствия и неудачи. В университетах требуют всего того, чему их учили в детском саду и школе, т.е. умения упорно учиться, не лодырничать, быть аккуратными, пунктуальными, следовать традициям старших поколений. Буддизм требует от людей, особенно молодых, самого серьезного отношения к жизни и к самому себе, ориентирует на преодоление инфантильности.

Буддизм предупреждает, что свободный дух — Нирвана — достигается личными усилиями человека через подавление в себе страха, психозов, стрессов, что, кстати, совпадает с рекомендациями современной психотерапии.

Современная психология считает, что от 10 до 20 процентов людей, в зависимости от страны и региона, нуждаются в психиатрической помощи. От 1 до 3 процентов являются психически боль-

ными, среди них: шизофренией — 37 процентов, маниакально-депрессивными психозами — 13, психопатиями — 16, невротами и реактивными состояниями — 15 процентов. В значительной степени психически больные, а также люди здоровые, но страдающие пограничными психическими расстройствами, нуждаются в том, чтобы их научили искусству самодисциплины.

Исследования свидетельствуют, что значительная часть населения Земли нуждается в вере в какую-то идею. Только так для них возможно сохранить свое психическое здоровье, уверенно адаптироваться к жизни в усложняющихся социальных условиях. Видимо, одной свободы человеку недостаточно, необходима вера, выступающая в качестве жизненной мотивации. Хотел бы заметить, что для автора этих строк такая постановка вопроса не является бесспорной. Еще далеко не исчерпаны возможности науки и практики, способных достоверно определять практические возможности человека. Например, на пути органического слияния свободы и ответственности, прав и обязанностей, духа и действий.

На мой взгляд, любая гуманистическая философия и религия должна пробуждать и утверждать в человеке прежде всего Веру в самого себя. Только на этом пути достижима личная и общественная гармония и свобода.

ХИНАЯНА И МАХАЯНА

Учение Шакьямуни в ходе его шествия по странам Азии претерпело немало изменений. Они были частью стихийными, а частью — результатом решений буддийских соборов. Десятки буддийских сект и школ возникали и умирали.

Наиболее глубокий раскол произошел в I веке нашей эры. Буддизм распался на два течения: южное — Хинаяна («Малая колесница») и северное — Махаяна («Большая колесница»). Эти течения известны также как Малый путь и Широкий путь.

Сторонники Хинаяны стояли за строгое соблюдение уставов буддийских общин и придерживались основных догматов Шакьямуни.

Сторонники Махаяны были за новое толкование его учения, отвечающее требованиям времени.

Основателем Махаяны считается буддийский богослов из Южной Индии Нагарджуна. Он принадлежал к касте брахманов, но был близок к чаяниям простого человека, хотя его трактовка заветов Шакьямуни носила следы брахманизма.

Главным в этой трактовке было утверждение, что человек из низших каст не способен самостоятельно достичь понимания Истины. Нагарджуна считал, что «религия без богов», каким было учение Шакьямуни, недоступна пониманию большинства людей. Религия должна иметь богов. Народ должен верить в них, а не в идеи. Поэтому народу нужна помощь профессиональных священнослужителей. Таковыми объявлялись люди, уже достигшие совершенства через преодоление в себе «жажды существования»: заслужив чести перейти в Нирвану, они добровольно остались на Земле, чтобы спасать другие существа, помогать им достигать желанного состояния.

В Махаяне появилось утверждение, что для праведников на том свете существует рай, а для вероотступников — ад. Рай находится в блаженной стране Сукавати. Там праведники отдыхают в роскошных тенистых садах. Перед тем как снова воплотиться в какое-нибудь живое существо на Земле, они наслаждаются всеми благами загробной жизни. Что касается ада, то о его местонахождении в Махаяне ничего определенного не говорится. Однако в некоторых буддийских храмах есть изображения страшных мучений, которые в аду ожидают вероотступников.

Первым народом, принявшим Хинаяну, были цейлонцы. В V веке нашей эры, то есть через 1000 лет после своего появления, Хинаяна проникла в Бирму (нынешнюю Мьянму) и Камбоджу (Кампучию). До XIV века Хинаяна была одной из господствующих религий в Индонезии. Впоследствии оттуда ее вытеснил ислам. Следы

буддизма сохранились лишь на индонезийском острове Бали — месте паломничества туристов, знаменитом экстравагантным фольклором и обычаями, которые очень нравятся путешествующим иностранцам.

В Китай буддизм проник в I веке нашей эры в варианте Махаяны. Массовое распространение он получил в Тибете. В этом регионе буддизм Махаяны принял весьма своеобразную форму. Ее именуют тантризмом, или Ваджраяной — «Алмазной колесницей», везущей верующих к Просветлению и Нирване. В настоящее время число буддийских монахов в Тибете, или, как их называют, лам, достигает четверти от числа всего мужского населения. Там продолжает жить обычай отдавать старшего сына в буддийский монастырь.

Ваджраяна, хотя и считается частью Махаяны, имеет много своеобразных черт. Ее называют тайным учением о путях достижения Нирваны, к тому же не медитацией, а с помощью магических обрядов и заклинаний. Ваджраяна заимствовала многие элементы древних религиозных культов Индии, в частности ведизма. Последний, как известно, требовал многочисленных жертвоприношений, призванных умиловить богов, чтобы те помогли людям в земной жизни, а в потустороннем мире были благосклонны к душам умерших.

В некоторых монастырях Тибета Ваджраяна, или тантризм, объединилась с китайской религией — даосизмом, образовав еще одну разновидность буддизма — ламаизм.

Следует упомянуть о популярном в конце XX

века в западных странах дзэн-буддизме. Его отличие от традиционного буддизма состоит в трактовке связи земного и божественного миров. Эти миры, с точки зрения дзэн-буддизма, находятся в полном единении. Поэтому нет необходимости в отрыве от земного, чувственного мира во имя достижения Нирваны.

От дзэн-буддиста требуется считать высшей целью существования только личное стремление к слиянию с божеством, а не участие в жизни даже своей общины. Этой разновидности буддизма присущи иррационализм, безразличие к другим людям и вообще к окружающему миру.

Восточный религиозный опыт, несмотря на обилие вероучений, школ и направлений, представляет собой достаточно четкую этическую систему взглядов. Объективно восточные религии, как, собственно, и другие мировые религии, посвящают себя грандиозному эксперименту по совершенствованию человеческого общества через развитие самосознания отдельных людей. В то же время носители восточного религиозного опыта долгое время старались оградить себя от Запада. Создается впечатление, что восточные мудрецы боялись, во-первых, усилить духовный потенциал других культур, а во-вторых, заимствовать что-то особо ценное для себя и на этом пути утонуть в общем потоке.

Запад является куда более открытым для восточных религий и философий. Есть и концепции, перекликающиеся с философией буддизма. Например, взгляды психолога Карла Густава Юнга. Как считает специалист по буддизму Радомила Моаканин, конечной целью психологии

Юнга и тибетского буддизма является духовное преобразование человека. Различие между ними лишь в терминах. Юнг называет преобразование человека «самореализацией», в то время как для буддистов оно есть достижение состояния Будды и Просветление ради блага всего сущего. Для Юнга проблема объединения противоположностей представляет собой переход «коллективного бессознательного» человечества на более высокий уровень психологической зрелости. Буддизм предлагает избрать срединный путь Шакьямуни.

Как некоторые реформаторы светского направления, так и религии Востока, отчасти и Запада, защищают в наше время ту точку зрения, что эффективность политического и экономического строя зависит в большей мере от морально-этических установок и духовных ценностей, чем от его административной структуры и власти в целом. Во многих светских, религиозных и полурелигиозных системах целью совершенствования людей и общества является, как и в буддизме, избавление от страданий, вызываемых нищетой, войнами, конфликтами и прочими мерзостями жизни. Освобождение от страданий возможно без социального переустройства общества, поскольку главные причины страданий заключены в самом человеке, в его психологии и выражаются в патологическом стремлении к наслаждениям, в зависти, жадности, жестокости, нетерпимости и т.д.

В буддийской философии страдание устраняется нравственным совершенствованием, а именно следованием «благородным истинам по благородному пути». Это значит — гуманные цели достигимы только гуманными средствами. «Доброже-

лательность и заразительный смех тибетских лам, — пишет Р. Моаканин, — их энергичность в сочетании со спокойствием и миролюбием, их совершенная непосредственность, теплота и открытость отражают состояние духа людей, не обремененных проблемами и тяготами повседневной жизни — ни материальными, ни психологическими, не знакомых со страхом смерти... Своим поведением они без слов убеждают нас, что страдания действительно преодолимы, как наставлял людей первый Учитель — Шакьямуни».

Хинаяна пыталась в какой-то мере догматизировать учение Шакьямуни. Она считала, что собственное спасение лежит только через избавление от личных страданий. Достигший этого считался Архатом, что означает «убийца врага», но не другого человека, а врага в себе — собственных страстей, эгоизма и желания материальных благ.

Махаяна в трактовке ее основателя оставляет двойственное впечатление. С одной стороны, утверждается, что простой человек не в состоянии сам достичь Истины; в этом сказывается влияние брахманизма. В то же время Махаяна провозгласила, что человек должен искать Истину не для себя лично, а для всех живых существ. Просветление достигается следованием по срединному пути и интуицией, что может освободить человека от невежества и крайностей. Вершиной индивидуального развития Махаяна считает состояние Бодхисаттвы, который, в отличие от Архата Хинаяны, стремится жить не для себя, а для блага других. Бодхисаттва в переводе означает «Героическое существо», «Духовный воин», «Озаренное доблестное сердце».

Вероятно, в результате борений этих двух направлений и родилась новая интерпретация буддизма Махаяны в трактовке философа Ничирэна Дайшонины (1222—1282).

Каждый Бодхисаттва уже является Буддой, т.е. человеком, достигшим Просветления, Истины и Нирваны, но по своей воле временно оставшимся на Земле помогать другим осознавать «себя как личность, от которой зависит судьба всего космического мироздания».

Такое толкование учения Шакьямуни в известной мере отличается и от Хинаяны, и от Махаяны. Оно принадлежит Ничирэну Дайшонину. Буддизм в его интерпретации исповедуется в настоящее время членами общества «Сока Гаккай Интернэшнл».

Не только спасение от личных страданий, как учит Хинаяна, и не только забота о всех других живых существах, как учит Махаяна, а ответственность за судьбы человечества в космическом масштабе стала целью буддизма в его новой интерпретации.

Согласно правилам индийского буддизма, в которых причудливым образом переплелись догматы как Хинаяны, так и Махаяны, верующий мог стать проповедником, только вступив в монашескую общину буддистов. Вне общины верующему оставалось надеяться лишь на перевоплощение после смерти в существо более высокого социального статуса, но при условии щедрых пожертвований монастырям и монахам. Разумеется, он должен был соблюдать все требования буддизма: не причинять зла другому существу, не красть, не лгать, не предаваться чувственным на-

слаждениям, включая полное воздержание от алкоголя.

Буддизм Хинаяны и Махаяны возлагал вину за страдания на самого человека. Если человек страдает, значит в своих предыдущих жизнях на Земле он грешил. Верующим прививали кротость, смирение, послушание старшим и дисциплину как неперемненные условия обретения «положительной кармы» (судьбы) и улучшения статуса после очередного перевоплощения. Соблюдение дисциплины — тоже известное страдание, но оно несоизмеримо меньше того, которое ожидает человека после воплощения в низшее существо из-за того, что он заслужил «негативную карму» в настоящей или предыдущей жизни.

Буддизм Ничирэна не требует строгой дисциплины. Признание существования искомой им Великой Истины в глубине сознания человека позволяет каждому обращаться к божественному, а не следовать за толпой. Пока же человеческие общины больше похожи на стада овец, а не на сообщества самостоятельно ищущих Истину существ. Каждому пастуху известно, что достаточно двинуться одной овце, как все стадо следует за ней. Попытка отбить от стада и увлечь на другой путь хотя бы одну овцу — дело почти безнадежное.

Как считают современные теоретики буддизма, учение Ничирэна ломает сложившиеся стереотипы воспитания и послушания. Большинство рядовых верующих долгое время понимало буддизм в пределах учения его основателя Шакьямуни. Однако в первоисточнике буддизма — Лотосовой сутре содержится идея, что существовали три

вида буддизма, их смысловые различия полностью соответствуют тому времени, в котором они проповедовались.

Лотосовая сутра представляет собой собрание 28 отдельных текстов, в которых скрыты три философские разновидности буддийского учения.

Первая разновидность — это мысли основоположника Шакьямуни. Его идеи привлекали людей в те годы, когда Шакьямуни жил на Земле, и значительное время после его кончины.

Что особенно привлекало в учении Шакьямуни? Прежде всего утверждение, что должно быть всеобщее духовное равенство. Утешением человеку служило то, что в принципе каждому уготована высочайшая жизнь, равная жизни самого Будды. Жизнь для всех велика и значительна для всех, и все люди могут стать Буддами.

Понятно, что к идее равенства тянулись низшие касты, которые могли надеяться, что их жизнь впоследствии будет не хуже, чем жизнь представителей высшей касты — брахманов. Шакьямуни обещал каждому, что если человек достигнет буддийскую веру через собственные усилия, то вознаграждением будет познание истинного счастья, погружение в Нирвану и освобождение от «негативной кармы», то есть перспектива после смерти воплотиться в более возвышенное существо.

Будущее, учил Шакьямуни, зависит от самого человека. Для этого достаточно возвыситься над своими страстями, чувствами и желаниями, преодолеть суетность и тем самым победить в себе Зло материального мира. Каждый собственными усилиями может создать для себя «положительную

карму», приводящую к Нирване. Естественно, что такая перспектива блаженства оказалась весьма привлекательной.

Однако, по мнению Икэды, человеку XX века трудно достичь Просветления методами Шакьямуни. Он не сможет отрешиться от окружающего мира, поскольку этот мир, вооруженный телевизорами, радио, газетами и прочими средствами коммуникации, не позволит ему подобной роскоши.

Таким образом, появляется проблема методов Просветления, диктуемых временем. Она возникла давно, ясно обозначившись в Китае через тысячу лет после эры Шакьямуни.

К тому времени сложилась вторая разновидность буддийского учения — Сутра Срединного Дня. Его создатель китайский философ Тьен-Тай, живший в 538 — 597 годах нашей эры и испытывавший влияние конфуцианства и даосизма, отверг существовавшую тогда классификацию буддийских канонов и создал новую систему. Он построил ее на принципе пяти периодов и восьми учений, утвердив тем самым главенствующее положение Лотосовой сутры.

Наконец, третья разновидность — Сутра Последнего Дня Закона.

Что же роднит и объединяет все известные человечеству Сутры Лотоса? Несмотря на их ошеломляющее для несведущих в истории буддийской философии разнообразие, отвечает Икэда, самое главное в том, что все они являются носителями единой духовно-нравственной установки, заключающейся в следующей формуле: живущие на Земле люди абсолютно в равной степени и без

всякого исключения обладают равной возможностью и потенциалом стать Буддой.

Полное изложение буддийского канона утвердилось под названием «Трипитака» — «Тройная корзина»; оно состоит из высказываний и открытий самого Шакьямуни, которые были записаны его учениками. Наиболее полным изложением «Трипитаки» считается запись на языке пали — «Палийский канон». Современными буддистами он рассматривается как принципиальное изложение самых главных, существенных положений буддизма.

Резюмируя, необходимо повторить, что Шакьямуни провозгласил Лotosовую сутру «Двадцати восьми глав», и его эпоху именуют «Первым Днем Закона». Затем в Китае Тьен-Тай проповедовал Лotosовую сутру «Мака Шикан», эту эпоху называли «Срединным Днем Закона». Наконец, в XIII веке Ничирэн представил «Последний День Закона».

Мыслью своей, рассуждал Ничирэн, раздвинул я в разные стороны «две составные части неделимого целого: общее и частное, и тогда, восхищенный, смог лицезреть главное, основу всего сущего, открывшуюся мне в своем величии и простоте. И сущность эта в иероглифах «Мйохо-Ренгэ-Кйю», провозглашенных миру Ботхисаттвой «Высших Практик».

Дайсаку Икэда считает что Пять иероглифов «Мйохо-Ренгэ-Кйю», являющие собой суть учения Сутры Лотоса, были распознаны Ничирэном Дайшонином еще и как «Нам-Мйохо-Ренгэ-Кйю» — то есть содержание «Трех Великих Сокровенных Законов», представляющих собой исход-

ное положение буддийской философии и ее ведущую доктрину в эпоху «Последнего Дня Закона». Открытие это и послужило основанием для определения Сутры Лотоса как «Сутры Лотоса Последнего Дня Закона». Далее он отмечает, что Сутра Лотоса как учение о равенстве людей в достижении Нирваны всегда вызывала «злобу, ненависть, зависть и ревность фанатиков, что еще раз подтверждает ее гуманистический характер».

Буддизм Ничирэна ставит своей целью произвести «революцию в душах людей». Это означает отказ от эгоизма и наживы, от подавления свободы других людей. В этом же ключе звучат заветы действовать во имя человека и даже спорить, хотя бы и с самим собой, и тоже ради самого себя, но с целью утверждения в себе идеалов гуманизма, а не насилия, которым переполнен мир.

«Великий Сокровенный Закон» главным методом помощи другим в Просветлении их умов считает «мудрое слово, вдохновляющее людей на прекрасные свершения». Но Икэда полагает, что мудрым словом далеко не всегда можно переубедить человека, если сердце его закрыто и он не в состоянии воспринимать доводы разума. Поэтому и живучи в человеческом сознании ошибочные представления, разного рода предрассудки.

Другое препятствие на пути к торжеству гуманизма состоит в пассивности и невежестве людей.

Дайсаку Икэда упрекает преследователей и гонителей Лotosовой сутры в том, что они слепо придерживаются лишь начальных идей Шакьямуни. Он осуждает тех псевдобуддистов, которые «сковали свою веру узкими границами «первых Сутр» и ненавидят тех, кто отрицает бесспор-

ность начальных положений буддийской философии. Единственная цель настоящего Будды, просветленного знанием Истины, состоит в том, чтобы обнаружить и развить в человеке заложенную в него самой природой высшую мудрость, равную мудрости самого Будды.

Когда читаешь эти строки из буддийского наследия, еще раз убеждаешься: все повторяется в подлунном мире, особенно в том, что касается человеческого сознания. XX век до краев наполнен борьбой между догматизмом и динамизмом. Многие люди продолжают довольствоваться своим «замороженным» сознанием, лишая себя уникального дара творчества. Но, оказывается, те же страсти бушевали в течение тысячелетий и в философии буддийского миропонимания.

Сегодня мы говорим о том, что самореализация личности — это путь свободы, путь, который открывает человеку беспредельные возможности для творчества. Буддизм задолго до нашей эры настаивал, что в каждом человеке заложена Высшая мудрость. Но проблема заключается в том, чтобы обнаружить и упорно развивать ее собственными усилиями.

Учение Ничирэна, «сокрытое в глубинах Сутры Лотоса», доступно всем, утверждают современные буддисты. В своих рассуждениях Ничирэн, в отличие от китайского философа Тьен-Тая, отталкивается не от буквального значения, а от глубинной сути, скрытой от непосвященного сознания за витиеватой словесностью.

Суть же буддизма состоит в просвещении умов, чтобы люди могли ясно понимать причины и скрытые мотивы своих желаний и, контролируя

их, использовать то, что они поняли, для преобразования собственной души.

В учении школы Ничирэна существуют два вида религиозного ритуала, называемые основной и вспомогательной практикой. Основная называется Даймоку и заключается в многократном повторении нараспев фразы «На-му-те-хо-рэн-гэ-ке» Сутры Лотоса. Вспомогательная дополняет основную и представляет собой чтение вслух отрывков из двух глав — «Хобэн» и «Джурео» — Лotosовой сутры. Обе практики тесно связаны друг с другом и носят общее название «Гонгйо». Гармоничное сочетание двух практик создает возможность реального воплощения в жизнь всех не-востребованных пока потенциальных способностей человеческой природы.

Буддисты многих стран мира, пишет Икэда, самостоятельно и свободно практикуют Гонгйо, увеличивая положительную энергию космического пространства. Буддизм Ничирэна придает этой практике такое же значение, как христианство и ислам — молитвам.

ЗАВЕТЫ ТОДЫ

Буддийскую философию Махаяны Икэда начал изучать, как я уже упоминал, под руководством своего предшественника — президента Общества Джосэя Тоды. Бережно сохранила и навсегда сберегла моя память, вспоминает Икэда, образ Учителя. «Словно сейчас вижу я его одухотворенное лицо, слышу проникновенный голос, когда он увлеченно читал нам, своим ученикам, главы из Сутры Лотоса. Это было в сентябре 1948 года».

Репрессии правителей Японии в годы второй мировой войны не смогли полностью уничтожить пацифистское движение «Сока Кейку Гаккай». Выйдя из тюрьмы, Тода начал энергично восстанавливать разрушенные связи Общества. Он возобновил чтение лекций небольшой группе уцелевших участников движения, посвященных основополагающему источнику буддийского мировоззрения — Лотосовой сутре. Лекции читались в старой штаб-квартире «Сока Кейку Гаккай», в крошечном помещении на втором этаже ныне уже не существующего двухэтажного дома на ули-

це Ниши-Канда в центре Токио. На таких уроках присутствовало до 50 — 60 человек.

Ни разу, вспоминает Дайсаку Икэда, Тода не пытался подавлять аудиторию заумью, не перегружал речь замысловатыми фразами. Его лекции удивительным образом отличала точность и простота изложения. Они излучали свет правды жизни.

Тода осуществлял на практике главное требование буддизма: понимать интересы и нужды каждого человека. Поскольку каждый рождается и живет в условиях, отличных от условий других, к его уму и сердцу необходимо искать пути, которые бы отвечали заботам и потребностям данного человека. В частности, система образования и воспитания должна быть строго индивидуализирована. Поэтому на один и тот же вопрос одному человеку следует говорить «да», а другому — «нет».

Да и нет — я споткнулся на этом постулате. Не буду лукавить — лично мне он не по душе. Я вижу в подобной неопределенности двусмысленную игру в парадоксы, отягощенную лукавством. И все же я нахожу объяснение такому подходу. Речь, видимо, снова идет об индивидуальности, отдельном человеке, его надеждах и страданиях. Одного ложь утешает, а другому притворство горше редьки. Главное — человек, его состояние и его душевное здоровье, а слова тут просто служат милосердию.

Впрочем, в текстах Лотосовой сутры можно найти интересное объяснение разницы между словесной оболочкой и скрытым философским содержанием слов. Сила буддизма, говорил

Тода, должна проистекать из гибкости его теории и практики, внимания к индивидуальным особенностям личности. Не следует концентрироваться на политических и религиозных взглядах, которые могут быть не только различными, но и разъединяющими. Только понимание скрытого смысла слов позволяет возвыситься до понимания Истины.

Благодаря усилиям президента Тоды и его учеников «Сока Кейку Гаккай» возродилась как прежнее Общество верующих в буддизм Махаяны. Из «Общества созидания педагогических ценностей» оно превратилось в «Общество созидания духовных ценностей», в одну из влиятельнейших религиозных организаций, и не только в Японии.

Но, как это часто бывает с крупными движениями, в среде японских буддистов нет единства. В послевоенные годы появились и многие другие толкователи Махаяны. Президент Тода писал, что некоторые священнослужители предпринимают попытки монополизировать учение Ничирэна, а заодно присвоить себе материальные ценности — имущество храмов и пожертвования верующих. Эти священники создают себе особые привилегии, в том числе материальные, а ритуалы буддизма превращают в инструмент идеологического контроля над умами верующих. «Их поведение, — добавляет Икэда, — чудовищно, ибо они убивают в буддизме высокий идеализм учения Дайшонина».

В лекциях Тоды, как вспоминают слушатели, постоянно звучала мысль о том, что философия буддизма неразрывно связана с личной судьбой человека. Слова Учителя сеяли семена веры, зах-

ватывали ум и душу музыкой идей, открывали дотоле неведомый мир, озаренный солнцем Истины. Он лишен корыстных целей и эгоистических желаний. Кроткий, бесхитростный и правдивый, полный любви ко всему живому — это и есть Бодхисаттва.

В буддизме нет постулата о едином Боге-Творце. В этом, может быть, и состоит его основное отличие от христианства и ислама. В то же время все великие религии разделяют канон «Бог есть любовь». Делать добро — долг, он останется в силе, утверждает Кант, даже если бы было доказано, что человеческий род недостойн любви.

Гуманизм не может быть полнокровным без любви и милосердия. «Для нас, живущих в конце XX столетия, — пишет Икэда, — и освобождающихся от дурмана таких немилосердных и фанатичных псевдорелигий, какими являются фашизм и коммунизм, важнейшей является идея милосердия». Я встречался, продолжает он, со многими людьми разных национальностей и общественного положения и убедился, что лучшие люди выделяются именно милосердием и скромностью. Но это вовсе не говорит о мягкотелости и неуверенности. Напротив, их милосердие и скромность проистекают из твердости убеждений, которые не ограничиваются лишь сферой религии. Видимо, они обладают высокой духовностью, а их милосердие и скромность способствуют укреплению их убеждений, их веры в себя как человека. Вот и религиозная вера не должна быть узкой, не должна быть слепой. Она всегда должна быть открытой вовне, сообразовываться с течением жизни.

И здесь Икэда делает любопытное замечание о дискуссиях. Он говорит о религиозных дискуссиях, но его рассуждения на этот счет имеют более широкий смысл. Дискуссии, по мнению Икэды, могут достигать предельной остроты, но тем не менее должны сохранять дух милосердия и скромности, а в целом служить развитию доброго начала в человеческой натуре. Они должны способствовать формированию духовности, общечеловеческих ценностей. Это связано и с символом внутренней святости, к которой не уставал призывать великий Толстой. Когда он говорил, что «Царство Божие внутри вас», он подразумевал человеческую доброту как свидетельство человечности. Человек, внутри которого Царство Божие, — это истинно справедливый, добрый и сильный человек.

Дайсаку Икэда достаточно убедителен в утверждении, что переход человечества к гуманизму как истинно демократическому строю требует «тектонического» сдвига в психологии. Достичь его в общественно-политической мысли, в массовом сознании, в отношениях людей друг к другу вполне возможно, если опираться на гуманистические традиции как светских, так и религиозных учений.

Человек и человечество в конце XX века все еще, как это ни прискорбно, не обладают достаточными знаниями о самих себе. Отстают исследования по психологии общества в целом, его социальных, возрастных и профессиональных групп, как, впрочем, и отдельных людей. Психологическая незрелость значительной части общества, а к тому же и недостаточное понимание

самого этого факта являются серьезным препятствием на пути эволюции человечества к эпохе подлинного гуманизма.

Мир стоит перед необходимостью и неизбежностью нового переустройства, означающего безусловный уход от силовой государственной практики, от людской ненависти и нетерпимости, которые всегда служили прикрытием государственного, группового и личного эгоизма.

Сошлемся в этом контексте на опыт становления и развития еврохристианской цивилизации. Спор о том, какому началу следует отдавать приоритет в нравственности, праве, политике — индивидуалистическому (личности) или коллективистскому (обществу), продолжается до сих пор. Однако в принципиальном плане этот спор на исходе XX века исчерпал себя. Интересы социального согласия, психологического равновесия и нормального экономического развития требуют разумного сочетания индивидуализма и коллективизма, способных защитить права человека и стимулировать его к инициативной жизни. Это и есть, согласно буддийскому учению, срединный путь, т.е. путь трезвомыслия.

XX век предъявил уже не доказательства, а императивное требование: человечество не выживет, если нравственные принципы не войдут в практику, в живую ткань жизни, не станут повседневными нормами поведения. Именно этическое начало и его развитие могут и должны составить прочный фундамент гуманистической эволюции.

История свидетельствует, что каждый принципиальный поворот в поступательном движении

цивилизации во всех случаях предопределялся изменениями в ценностных этических ориентациях. Именно этические нормы, а не техническое развитие обусловили принятие обществом буддизма в Азии, христианской веры в Европе и ислама на Востоке. Этические требования социальной справедливости и свободы вызвали появление капитализма, его эволюцию, а впоследствии — его отрицание.

Я уверен, что наступающая эпоха ненасилия неизбежно сформирует и свою, новую этику — этику человечности, когда совесть станет определять отношения между людьми. И как ни пытаются политика игнорировать этику, последняя постоянно подтачивает устои лжи, корысти и эгоизма в политике. Этика восторжествует, ибо ложь и эгоизм, питающие насилие, умрут вместе с нынешней эпохой варварства.

Этика прежде и превыше всего! Человечество сможет достигнуть житнетворящего будущего, благодарно усвоив богатство гуманистических философий. Духовный опыт, сконцентрированный в достижениях буддийской мысли, может быть полезен человечеству в его эволюции к гуманизму.

Я долго, вплоть до этой страницы, не решался касаться проблемы эволюции буддийской философии. Боялся ошибиться в деталях и терминах, запутаться в чрезвычайно тонких нюансах, характерных для этой крайне неторопливой религиозной мысли, возраст которой исчисляется тысячами лет. Не скрою, боялся и упреков со стороны «сторожевых псов» моей жизни и деятельности, которые охотно погавкают по поводу любой про-

машки, причем сделают это с единственной целью — уйти от существования проблемы.

И все же, поразмыслив, пришел к выводу, что величие и жизнестойкость общечеловеческих ценностей, отстаиваемых буддийской философией, можно показать только через их развитие, особенно подчеркивая тот факт, что духовные отцы буддийской философии, не колеблясь, предлагали новые толкования буддизма, если устоявшиеся догматы приходили в противоречие с жизнью. Они хорошо понимали, что догматизм — это болото.

Вторжение в эволюцию буддийского религиозного учения очень важно, с моей точки зрения, еще и для того, чтобы убедиться в жизнеспособности следующей истины: в центре всего сущего, в центре космического таинства стоит Человек: он и Бог, он и Сеятель, он и Спаситель, он бесконечен в своей Мудрости и своей Доброте.

Томас Манн заметил однажды, что человек находится где-то между зверем и ангелом, но ближе к зверю. Хочется надеяться, что человек уже ищет тропу к очеловечиванию.

БЕЗУМИЕ ВЕКА

Выше я уже писал, что меня в буддийской философии привлек прежде всего ее антидогматизм, ее готовность прислушаться к дыханию жизни и вносить необходимые поправки в свою теорию и практику. Но как и все ведущие мировые направления общественной мысли, эта философия оказалась неподготовленной к позорному поведению человечества в XX веке, равно как и к бешеному технологическому прогрессу, положившему начало принципиально новой стадии организации жизни на Земле — глобализации экономических, общественных и духовных систем.

Эпоха взбесившегося индустриализма принесла человеку и человечеству много неожиданностей. Взлеты человеческого духа и мерзость бытия, свобода и диктаторские режимы, милитаризм и бесчисленные войны. И много другого и всякого. Человек глохнет от скрежета железа и слепнет от вакханалии искусственного света.

Человек растерялся, но продолжает искать правду жизни. Где она? Кто поможет смятанным душам понять самих себя?

Попыток ответить на жизненные вопросы бытия бесчисленное множество. Их можно найти в философских трудах древности, в произведениях гениев литературы, в исканиях «еретиков» средневековья, в мемуарах серьезных политиков, в работах теологов и социологов.

Свои ответы дает и буддийская философия. Она считает, что для овладения тайнами бытия и самого себя, в целях адаптации к ужесточающимся условиям жизни необходима самоуглубленная медитация, ведущая к психологическому равновесию. Посредством самоуглубления можно выйти за пределы собственной индивидуальности и слиться с миром через пробуждение в себе интуитивной мудрости.

Первые два президента Общества были убеждены, что просвещение и образование — главные средства приближения новой эры человечества. Они интерпретировали буддизм и его приверженность медитации как школу логического мышления.

Дайсаку Икэда понимает создание новых ценностей как научно-исследовательскую, опытно-конструкторскую работу творческого характера, ведущую к приобретению новых знаний и к богатству материального мира. Более того, он считает, что современные последователи буддизма недостаточно влияют на технический и социальный прогресс Японии, особенно на его последствия.

Возможно, это и верно, хотя нравственно-психологическим аспектам организационно-управленческих отношений придается в Японии особое значение. Управляющие стараются учесть

традиции японских религий, поведенческой культуры Востока. Аккуратность, дисциплинированность, уважение к старшим, ответственность и трудолюбие, несомненно, помогают правительствам и управляющим предприятий Японии, Китая, Индии, Непала и других стран эффективно решать проблемы, связанные с мотивацией, организацией, администрированием и контролем.

Идет сложный процесс адаптации к индустриализму. Управляющий фирмой «Сони» и главный идеолог организации труда на этой фирме Сигеру Кобаси считает, что эффективное управление корпорацией достигается исключительно благодаря строгому следованию буддийскому принципу «Му». Он толкуется приблизительно как «неовеществление» или «неопредмечивание».

Принцип «Му» требует не упорствовать в следовании старым привычкам в работе, что особенно важно, когда приходится действовать в условиях высокой степени неопределенности, когда преодолеваются сложные препятствия. «Неопредмечивание» означает, что должностные лица обязаны не ждать указаний, а действовать по своей инициативе на основе тщательной медитации. Другими словами, по собственному разумению, но предварительно хорошо подумав.

«Неовеществление» своеобразно сказывается на отношении к своему труду рабочих и служащих. Оно воспринимается как запрещение «овеществлять», например, свое возникшее нежелание. Скажем, работать лень, но «овеществить» (превратить) это в небрежное отношение к труду не полагается. С другой стороны, стремление хоро-

шо работать, соблюдать порядок и дисциплину вполне уместно «опредметить».

Очевидно, что администраторы японских предприятий умеют использовать буддизм, когда речь идет о дисциплине и качестве труда. Как пишет бывший генеральный директор американских корпораций «Форд» и «Крайслер» Ли Якокка, японские рабочие «дисциплинированы и добросовестны». Если что-нибудь выходит из строя, они сами, не дожидаясь ремонтников, устраняют неполадки. Если позиция японского рабочего чаще всего выражается вопросом: «Чем я могу помочь?!», то позиция американского рабочего характеризуется отговоркой: «Это не мое дело». Свою работу японские рабочие рассматривают как жизненную миссию. В Японии вы не услышите сообщений о том, что рабочий пришел на завод пьяным.

Президент корпорации «Форд» Макс Поллинг пишет, что большинство американцев, посетивших Японию, уезжают домой под сильным впечатлением того, как рабочие вникают в возникающие проблемы, как относятся к мельчайшим деталям работы, как они готовы нагнуться за каждым зернышком риса.

Президент «Сони» Акио Морита убежден, что у японцев аккуратность в работе — в крови. Возможно, это связано с той тщательностью, с которой приходится рисовать сложные иероглифы своего языка.

Влияние религиозных установок на японский национальный характер несомненно. Социально-экономическая реальность современной Японии тем не менее не позволяет правящей элите рас-

считывать при организации труда только на ритуальные и моральные заповеди буддизма. «Дзэн», «Му», «Карма», «Мантра», «Мудра», «Прадждана», «Самадхи», «Сансара», «Сатори» и прочие предписания не могут в полной мере обеспечить мотивацию к труду, рациональную организацию и разумность текущего администрирования. Хотя их значение я бы не стал недооценивать.

Шакьямуни, его ученики и последователи все свое время проводили в бамбуковых рощах или странствовали по дорогам, прося подаяние, как тогда и полагалось святым людям. В своем монастыре около резиденции царя Биимбисары они укрывались только в редкие дни дождей и непогоды. Духовные вожди буддизма ничего не производили. Им даже не рекомендовалось заниматься физическим трудом.

Современные японцы должны уметь работать, работать напряженно. В этих целях активно поощряется конкуренция в производстве высококачественной продукции, конкурентоспособной на мировых рынках. «Сегодня в нашем обществе, — пишет Акио Морита, — действует даже чрезмерная конкуренция. Она существует в системе образования и в социальной сфере, фактически подрывает здоровье многих молодых людей. Существует сильная конкуренция за место в школе. Мама-репетиторы заставляют своих детей вести очень трудную и безрадостную жизнь, заполненную зубрежкой».

Дальше он пишет: «И слава, и карающий меч японского бизнеса, горячее моторов нашей промышленности — это суровая конкуренция... Японские бизнесмены ведут между собой борьбу

не на жизнь, а на смерть. Именно эта жестокая конкуренция в самой Японии делает наши компании такими конкурентоспособными за границей».

Как видим, Акио Морита, превознося конкуренцию, выходит далеко за рамки буддийского учения о гармонии как главной цели человека. Но лично я убежден, что Морита не смог бы создать жесткую дисциплину на заводах своей корпорации и добиться на основе конкуренции высоких результатов, не опираясь на природные черты японцев, несущих в себе вековые традиции буддизма. И пока трудно сказать, кто в конечном счете победит в этом противостоянии — безумие конкурентной гонки или нравственные начала.

«Сока Гаккай Интернэшнл» защищает требования рационализации только в том случае, если она гармонично сочетается с правами человека. Икэда признает, что в современном, преимущественно атеистическом, мире претворение в жизнь этических ценностей представляет собой большие трудности. Для того чтобы облегчить слияние требований рационализации и научных знаний с традиционными этическими нормами, Общество предложило единую систему образования, начиная с детских садов и кончая университетами.

Современная наука управления утверждает, что мы, современники, генетически мало запрограммированы на интенсивный труд. Образно говоря, мы все еще собиратели грибов и ягод, рыболовы и охотники. Если современного человека не мотивировать к труду, то его руки и ум

станут праздными и человек не реализует даже свои очевидные возможности. Но если на Западе мотивация преимущественно экономическая, т.е. диктуется сугубо материальным интересом, то в Японии заметно стремление дополнить экономическую мотивацию духовными началами.

«Сока Гаккай Интернэшнл» имеет, как уже отмечалось, свои университеты и школы. Обучение студентов философии, праву, филологии, менеджменту совмещается с преподаванием философии буддизма. Образование, таким образом, двуедино. Оно включает овладение и научными знаниями, и морально-этическими принципами, смягчающими душевные переживания.

Рассуждая о проблемах гуманистического общества, Дайсаку Икэда далек от наивного романтизма. Его тревожит, что слишком много людей пропитаны эгоизмом, корыстью и завистью. Промышленные корпорации охотно пожирают друг друга. Их управляющие ведут себя, как древние завоеватели, сражающиеся со всем миром за источники сырья и энергии, за рынки сбыта своих товаров. В этих условиях моральное перевооружение становится важнейшей проблемой для всего человечества.

В 60-х годах нашего века в Японии была принята государственная программа «формирования человека и повышения уровня психологической зрелости народа». Ее называли «Хитодзукури». Главная задача — воспитание у японцев дисциплинированной лояльности. Программа провозглашала задачу воплощения в жизнь принципа «Ие», который требует поддержания «японского духа коллективизма» и на этой основе превраще-

ния Японии в «одну семью в масштабах всей страны». Ставилась задача воспитания у японцев «духа преданности своей фирме». Содержался и призыв к «непрерывному саморазвитию и самосовершенствованию».

С моей точки зрения, данная программа, предложенная государством, носит, в сущности, потребительский характер, т.е. она использует моральные принципы буддизма для решения сугубо практических задач — повышения эффективности производства и воспитания государственного патриотизма. Здесь явно присутствуют спекулятивное начало, а также попытка поставить интересы экономической элиты, интересы власти выше принципов морали, что противоречит устоям буддизма.

Значительны мысли Икэды относительно технологической необузданности. Индустриализм, пропитанный корыстью, ведет к односторонности развития, пробуждая лишь жажду материального накопительства. В то же время он убивает духовность и нравственность, тормозя движение к обществу нового гуманизма.

Мне близки эти размышления. Еще лет 15 назад я писал об опасности бесконтрольного технологического динамизма, которому чужда сдержанность в отношениях с человеком и природой. До сих пор товарная эффективность технологизма затмевает разум, притупляет чувство ответственности перед настоящим и будущим.

Свое отношение к индустриализму выработал и марксизм-ленинизм. Его подходы оказались удручающе пагубными. Будучи грубо материалистической, эта идеология игнорировала трагедий-

ную сторону индустриализма, состоящую в том, что индустриальная цивилизация подминает духовную культуру. Подавление этической функции общества размывает различия между Добром и Злом, помогает сугубо технократическому обращению с личностью, низводя ее до уровня обычного средства производства и легко восполняемого ресурса. Отсюда колхозы, лагеря, крепостничество. Иными словами, все позволено, что выгодно власти насилия.

Известно, что отношение к экономическому прогрессу претерпело не одну трансформацию. Мыслители древности, например, Аристотель, Платон, Сократ, рассматривали экономику в единстве с политикой и этикой. Отсюда понятие — практическая философия. В средние века и позднее, скажем, Фома Аквинский и Адам Смит, также считали экономику частью философии морали.

Капитализм, особенно в ранней своей стадии, устами Фрэнсиса Бэкона гордился тем, что пользуется только опытом. Образ матери-природы уступил место образу природы-машины, природы — дойной коровы.

Рене Декарт объявил математику ключом к пониманию мира, к расшифровке всех его тайн. Для него абстрактный мир, втиснутый в математические координаты, более совершенен, чем творения природы. Геометрически чист, алгебраически послушен, мгновенно исчезает при умножении на ноль. Это мир без запаха, вкуса, не плещется, не дрожит, не плачет, не смеется, с ним не вяжутся грязь войны, ее зверства, зло и ненависть. Человека Декарт отнес к механизму.

Только душа не уместалась в схему. Пришлось поместить ее в шишковидную железу. Все очень просто. И никто математически не докажет, что Декарт не прав. Несуществующее нельзя ни доказать, ни опровергнуть.

После Ньютона технический прогресс резко прибавил в скорости. Люди самонадеянно посчитали, что это результат покорения «дикой природы», которая сама по себе никакой ценности не представляет. Значит, ее нужно перерабатывать в вещи, товары и деньги.

Покоряя природу в течение столетий, люди оказались в плену идеи и практики автоматизма экологических бед. В результате цепная реакция разрушений в системах самовоспроизводства живой природы близка сегодня к фатальному исходу.

«Природа — не храм, а мастерская». Именно этому дикому лозунгу поклонялись некоторые советские ученые и советская власть. В результате, надрываясь на тупиковом общественном пути, мы, в России, внесли огромный вклад в приближение мировой экологической катастрофы. Сколько пустынь и болот сотворили мы на своей земле!

Но самая страшная пустыня — в наших душах, иссушенных эгоизмом, растерзанных двойной моралью, заблудившихся в координатах добра и зла. Милосердие, альтруизм, честь, совесть, человеко- и природолюбие — какова доля этой вечности в душах наших? Практически ничтожна.

Россия переживает серьезный экологический кризис. Мы дышим отравленным воздухом, пьем отравленную воду, едим неполноценные,

химизированные продукты. Страдаем от радиации и химии. Гибнут поля, леса, реки, все живое.

Экологическую обстановку на территории СССР профессор Икэда подверг жесточайшему анализу, с которым трудно не согласиться. В беседе с писателем Айтматовым он рассуждал следующим образом: «У меня душа болит, когда я размышляю об исчезновении Аральского моря — четвертого в мире по величине соленого озера. По масштабам разрушения окружающей среды это можно сравнить разве что с чернобыльской трагедией».

Мне думается, продолжал Икэда, что Аральское море оказалось на грани исчезновения не из-за какого-то человеческого инстинкта. Оно было поставлено в такое положение логикой целенаправленных действий человека. Кризис Аральского моря — это символический пример того, к каким разрушительным последствиям может привести эгоизм человека. Когда речь идет о преднамеренных, целенаправленных действиях, то имеется в виду, что план создания хлопковой зоны путем использования вод двух рек, впадающих в Аральское море, осуществлялся на основе марксовой экономической теории. Как известно, взгляды на стоимость, согласно этой теории, основываются на концепции трудовой стоимости. А теория трудовой стоимости порождает массу искажений, рассматривая труд человека не как конкретный, качественно различный многообразный труд, а как абсолютную ценность, свойственную абстрактному, количественному человеческому труду.

Применительно к проблеме Арала некритическое отношение к теории трудовой стоимости привело к тому, что земля, природные ресурсы и прочие неэкономические стоимости были отодвинуты на второй план. Причем смертельный удар был нанесен высокомерными и безграмотными властителями, которые оказались в плену заблуждения, будто трудовую стоимость можно количественно измерить и объективизировать в форме рабочего времени и, таким образом, ввести трудовую стоимость в плановую экономику, определив, сколько и в какую сферу общества ее следует вложить. Они не только уверили себя в том, что такое возможно, но и стали насильственно внедрять это в жизнь. Вот и получилось, что, сосредоточившись исключительно на увеличении производства хлопка, они оставили без внимания вопросы разрушения окружающей среды вокруг Аральского моря.

Всем сказанным Икэда подчеркивает, что в основе теории трудовой стоимости лежит ошибочно понимаемая теория антропоцентризма, когда природа выступает лишь как объект деятельности человека, как объект воздействия, а само воздействие рассматривается исключительно как одностороннее. Возможность разумного сосуществования с природой практически игнорируется.

Мне уже приходилось писать о том, что в последние десятилетия общественная мысль начала бить в колокола, призывая остановить технологическое безрассудство и безоглядное расхищение ресурсов. Призывы жить в гармонии с природой не так уж редко можно слышать сегодня даже от

людей, пребывавших доселе в экстазе от стремительной технологической гонки.

Иными словами, все меньше и меньше становится аргументов в пользу бесконтрольного индустриализма. Люди всерьез озабочены проблемой, как гармонизировать технологическую экспансию и здоровые условия жизни, как найти жизнеутверждающую и благопристойную меру между богатством материальным и богатством духовным.

Где же выход? Я считаю, я глубоко убежден, что адекватным обществу гуманизма является Экоразвитие, включающее в себя все стороны человеческого жизнеустройства. Самое время понять, что спасение от экологической катастрофы надо искать не в частных мерах, которые, конечно же, необходимы, а в принципиально новых подходах к общественно-экономическому развитию в целом.

Экоразвитие — парадигма XXI века. Его духовным фундаментом является идея гуманизма, идея ответственной свободы, которая пока не востребована ни экономикой, ни политикой.

Экоразвитие — не только защита окружающей среды, это новый принцип жизни, соответствующий эпохе гуманизма.

С точки зрения экономической, Экоразвитие — это процесс перевода мирового хозяйства на безотходные технологии, максимально возможная биологизация производства, кардинальная перемена самого образа жизни, достижение гармонии между обществом и природой.

С точки зрения социальной, это стремление соединить воедино истину и добро, знания и гу-

манизм, что позволит создать систему «самоограничений», а затем ликвидировать голод, болезни, нищету, обездоленность и другие вековечные напасти.

С точки зрения философской, это завершение перехода от варварства к действительной цивилизации; очищение от нравственных атавизмов человека, которому пора понять, что он отвечает, как писал Кант, за все человечество в своем лице.

С точки зрения политической, это братство и сотрудничество между людьми и государствами, преодоление социальной, национальной и иной расколотости человечества.

Сегодня более чем очевидно, что материальный и духовный мир едины. Любое общество, эксплуатируя природные и человеческие силы, ставит во главу угла «принцип полезности». Тем самым оно безжалостно иссушает эстетические, эмоциональные и духовные способы общения между людьми и природой.

Благоразумие и сдержанность, сотрудничество и гуманизм, я убежден в этом, выдвигаются в качестве фундаментальных ценностей на весь исторически предвидимый период человеческого существования.

Язвы и пороки индустриализма должны уйти из жизни под натиском общечеловеческих ценностей, в которых выражена суть философии гуманизма.

ГАРМОНИЯ С САМИМ СОБОЙ

Главная заповедь философии Махаяны гласит: «Проявлять безоговорочно любовь и милосердие ко всем живым существам и ни в коем случае не платить злом за причиненное зло». Только соблюдая эту основополагающую заповедь, человек сможет быть счастливым и жить в гармонии с самим собой.

Другая заповедь гласит, что человек — творец всего, в том числе и своей судьбы. Что бы с ним ни произошло — это последствия его помыслов и деяний в этой или в предыдущей жизни. Так что если с человеком случается беда, то ему кроме самого себя винить некого.

Основоположник буддийской философии Шакьямуни призывал не ждать, что все образуется само собой. Только сам человек, говорил он, может быть хозяином своей жизни. Если он сам будет вершить свою судьбу, никто не сможет властвовать над ним. Человек обретет хозяина в самом себе, постигнет веру в самого себя.

Буддист должен верить: заложенный в человеке «бесконечный светоносный источник силы и

воли к жизни, называемый Буддой», гарантирует, что существующие в каждом человеке начала идеальной личности в конечном итоге осуществляют просветление духа во имя свободы и гуманизма. Необходимо лишь высвободить Будду из-под спуда заблуждений, предубеждений, обмана и иллюзий. Человек обязан упорно трудиться, чтобы разбудить в себе лучшие черты, что и ведет к расцвету личности. Человек, самореализуясь, обретает счастье.

Жизнь каждого существа течет в общем потоке, составляющем целое из добра и зла. И то и другое воплощено в философских учениях и религиях. Но люди, плененные злом, не хотят размышлять о тех или иных общечеловеческих проблемах. А что значит «не думать»? Это значит отказать от самого себя, от своей судьбы и стать слугой дьявола.

Буддизм возлагает на каждого человека добровольную обязанность думать, упражняясь в медитации, и добиваться Просветления, опираясь на собственные силы и возможности. Только так достижимо озарение в границах индивидуальности.

Непросветленный, невежественный человек не сможет создать гуманный мир, свободный строй. Общество создает только такой «режим», который оно в состоянии создать своим разумом и своим поведением — мудростью или глупостью, благочестием или распушенностью, серьезными размышлениями или пустословием, прилежанием или ленью. Что посеешь, то и пожнешь.

Как известно, в атеистических учениях, включая марксизм, утверждается, что сознание человека от рождения представляет собой «чистую

доску» (*tabula rasa*). Внешние факторы «пишут» на этой доске все что им вздумается и тем самым формируют характер человека и определяют его судьбу. Поэтому атеистические философии объясняют пороки общества тем, что социально-экономические и идеологические факторы «написали на человеческой доске» не то, что следовало. Материалистические философии учат, что открывать в самой душе нечего. Надо наполнять душу извне, поскольку она изначально пуста.

Буддизм же считает, что нравственные начала человеческого характера имеют эндогенный характер, произрастают из души человека. Судя по всему, в грядущем столетии наибольшее значение будет придаваться преобразованиям, направленным не вовне, а внутрь человека, преобразованиям, к которым человека подвигнет «новое понимание жизни и смерти».

Свой оптимизм Икэда основывает на убеждении, что сущность Будды как системы самосовершенствования изначально присуща как самой Вселенной, так и каждой ее частице. Просветление личности в процессе медитации означает открытие внутренней силы в душе человека. Она дает ему возможность выйти из «недуга духовного тупика».

Подобный оптимизм носит возвышенный характер. Для представителя иной культуры он может показаться граничащим с утопией. Но главное в нем — общечеловеческое начало. Буддийское учение пронизано верой в высокое предназначение и благородство помыслов каждого человека, что наитеснейшим образом связано с конечной целью человека — его счастьем.

Счастье, согласно буддизму, заключается в обнаружении в собственной душе чудесного морально-этического дара природы. А природа заложила каждому в душу начала добра, света, радости, любви, честности и многих других достоинств.

Но, увы, далеко не все в реальной жизни человека происходит именно так. Озлобление, агрессивность, стяжательство, зависть подавляют людское благородство, вытесняют совесть. Жизнеубивающие пороки внедряются в души людей, по верованиям буддистов, злым духом Мара, а по верованиям христиан — сатаной.

Греховное поведение создает человеку негативную карму, т.е. трагическую будущую судьбу. Если ему не воздастся за его грехи в этой жизни, то в следующей человек будет наказан обязательно. Он может перевоплотиться в животное, в существо низшей касты, быть наказанным индивидуально, оказавшись жабой. Самые страшные кары уготованы тем людям, которые разжигают войны, конфликты, сталкивают людей друг с другом. С точки зрения буддизма, Гитлер, если и будет отпущен из ада, то возродиться сможет только в образе ядовитой змеи или крокодила. Добавлю, что Сталин наверняка повторит самого себя, т.е. возродится рыбой-пираньей.

На протяжении всей истории, во всех земных регионах с любой традицией — буддийской, исламской, христианской, иудаистской, а тем более атеистической — «мара — сатана — шайтан» с удручающим успехом извращали и губили не только первые ростки, но и цветущие побеги благородства и величия человеческого духа.

Согласно буддийской философии, множество

трагических социальных переломов в мире стали добычей сил «подземного мира», потому что на Земле постоянно находились посланники Зла из этого царства. Мерзость нечистой силы всегда пристраивалась к благородству великих идеалов, а невежество и цинизм в своих стяжательских целях активно использовали идеи Просветления и Обновления. Надо постоянно помнить, что там, где идеалы гуманизма отступают, верх берут эгоизм, корыстолюбие, безмерное себялюбие и невежество. В результате становятся возможными самые чудовищные преступления.

По моему убеждению, человечество стоит перед глубочайшим кризисом, своего рода Судным Днем, когда людям под давлением реальностей новой информационной эпохи придется выбирать между новым духовным возрождением и дальнейшей нравственной деградацией. Но здравый выбор возможен только в условиях, когда человек повернется к пониманию самого себя и своей ответственности перед человечеством.

И когда мы говорим о самосовершенствовании, самоочищении человека, его ответственности, то речь идет прежде всего об освобождении от психологии насилия — главного препятствия на пути к гуманистическому обществу. Насилие, стоящее на пути гуманизма и человеческого Просветления, является самой злоемкой догмой, рожденной первобытным обществом в условиях борьбы за физическое выживание.

В последующие столетия практика насилия оказалась настолько удобной для всех правящих элит, что она до сих пор является сутью любого государства. Под лозунгом насилия совершались

все революции. Феномен насилия получил теоретическое обоснование в десятках трудов, в том числе марксистских. К.Маркс считал насилие «повивальной бабкой истории».

В то же время далеко не случайным видится сегодня и тот факт, что на каждом витке своего развития человечество неизменно приходило к идеям ненасилия. От буддийской «неприкосновенности жизни» и христианского «не убий» до безъядерного и ненасильственного мира.

Назначение Махаяны, утверждают буддологи, состоит в том, чтобы «побуждать человечество двигаться к добру и мудрости». Они считают необходимым настойчиво развивать идеи современного гуманизма, а главное — энергично вводить их в общественное сознание людей. Не насилие, не войны и не ложные представления, что человечество обречено на вечную борьбу рас, наций, народов и государств, а сотрудничество и взаимопомощь людей должны стать законами гармоничной жизни, исключающей насилие.

Принципы непротивления злу стали основой мировоззрения выдающегося представителя освободительного движения Индии Махатмы Ганди. Главный постулат гандизма — достижение политических целей исключительно мирными средствами. Ганди в своей проповеди ненасилия апеллировал к буддизму и критиковал религию брахманизма, защищавшую кастовый строй Индии.

Ганди, идеи которого кажутся явным приговором насилию, тем не менее не отказывается от поиска компромисса. Жизнь Ганди, посвятившего себя жестокой политической практике, является лучшим тому доказательством.

Карл Ясперс считал, что гандизм был призван дать исторический пример: «Лишь те политические ценности, которые выше самой политики, способны нам помочь». Сам Ганди оставил эти слова в качестве своего завета человечеству. Действительно, как свидетельствует история, оставаясь в рамках политики как таковой, невозможно выйти из порочного круга психологии и практики силового противостояния.

Концепцию «общественного договора» Руссо принято считать наиболее ярким примером классической попытки перекинуть мостик между политикой и этикой. Однако результатом этого «двоевластия» оказался неутихающий спор между светской и духовной сферами, сделавший какое бы то ни было благотворное равновесие в христианских государствах почти невозможным. Остро подмечено: если в условиях «двоевластия» происходит разрыв двух ценностей — «боговой» и «цезаревой», если они становятся никогда не пересекающимися параллелями, то для человека как «политического животного» целостность поведения становится недостижимой мечтой.

В сущности, дискуссии относительно проблемы «насилие — ненасилие» берут начало в противоречивости самой природы человека. В конечном итоге это неизбежно приводит и к конфронтации двойственных ценностей мира. Картину того, как эти две шкалы ценностей, два мира ожесточенно противостоят друг другу, какая между ними бездонная пропасть, я думаю, мы можем понять, читая Льва Толстого.

Толстой явил нам поразительный в своей цельности пример верности принципу непротивления

злу насилием. Он отрицал все: государство, опирающееся на армию и тайную полицию; суд, в котором человек решает участь другого человека; церковь и частную собственность. Но как только дело касалось путей осуществления идей отрицания, Толстой полностью исключал насильственные методы, настойчиво говорил о нравственном совершенствовании человека, о том, что надо жить, следуя заветам Нагорной проповеди: «Вы слышали, что было сказано: «Глаз за глаз, зуб за зуб». Я же говорю вам: не противьтесь злumu».

Он был подобен Лютеру и Кальвину, но пошел дальше неистовых религиозных реформаторов. В сфере общественных представлений он преодолел идеи Кропоткина и Бакунина и их учеников-анархистов, в высшей степени дерзких и неустрашимых в отрицании государства, считая, что анархизм есть та же государственность, но вывернутая наизнанку.

В этом контексте самое время напомнить и об универсальной задаче, стоящей перед всем человечеством, о том, что Николай Бердяев называл человеческой «способностью к самодисциплине». Вероятно, именно способность к самодисциплине является ключом к решению проблемы насилия и ненасилия, а значит, и проблемы духовного возрождения и гармоничного развития.

Здесь прямая перекличка с буддизмом. «Буддизм последовательно проводит мысль о необходимости самосдерживания, самоконтроля через самосознание и прозрение, которые внутренне присущи человеку», — считает Икэда. Иными словами, буддизм говорит о необходимости поис-

ка пути, ведущего к спасению через способность к самодисциплине, к ответственности.

Икэда подчеркивает правоту мнения известного футуролога профессора Тоффлера, считающего, что если демократические силы не встанут на пути эгоистов, то последние ввергнут человечество в пучину нового средневековья. Он обращает внимание на предупреждение ученого о том, что самым опасным является ныне «священное неистовство» сторонников разнообразного фундаментализма. «Священное неистовство» в конечном счете ведет к бездуховности, аморализму.

Напуганные атеизмом, нравственным убожеством и вульгарностью экстремистских идеологий, люди тянутся к религии, веря, что она является носительницей общечеловеческой морали, наиболее устойчивой системы нравственных норм. Бездуховность провоцирует также и появление разного рода иррациональных лжерелигиозных культов и верований. Не минула эта беда и Японию, где выросла секта «Аум Синрикё», провозглашенная мракобесием.

Антигуманизм псевдорелигиозных и атеистических идеологий тормозит духовное развитие человечества. Уже появились проповедники идеи, отрицающей вообще саму возможность гуманного мира — мира взаимоуважения людей и справедливости. Кризис воображения — страшная опасность для движения к гуманизму, так как формирует пустоту в умах и душах людей, состояние бессмысленности жизни.

Революционный империализм, исходивший из ленинской идеологии неизбежности победы коммунизма во всем мире, создал в этих целях свою

универсальную религию — атеизм. Он отвергает нравственные заповеди мировых религий. Религия атеизма принесла огромный вред духовному здоровью тех народов, которым она была навязана.

Бедой наук о человеке и обществе состоит в игнорировании принципа историзма и преемственности. Одна часть увлечена отрицанием ценностей, созданных предшественниками. Догматики от науки придерживаются другой крайности. Они настаивают на том, что в пыльных фолиантах мудрецов прошлых веков можно найти объяснение всех современных проблем. Вчерашние мысли об общественном устройстве, как правило, — мертвые мысли. Вчерашние убеждения — это прах ушедшего времени.

Известно, — мышление любого ученого движется в области понятий. Но если он покидает почву эмпирически установленных фактов и начинает мыслить помимо них, то с неизбежностью попадает в мир произвольных понятий, оказывается в тисках концепции «отрицания отрицания». Универсализм и монизм гегелевской диалектики неизбежно вели к монизму и универсализму в трактовке коммунизма, что и было наглядно продемонстрировано практикой послереволюционной России.

Если не ослеплять себя фанатизмом и не впадать в обиду на историю, нельзя не увидеть, что практически все попытки привести действительность в соответствие даже с первоначальными идеями марксизма — заметного культурологического учения прошлого века, но не более того — не только не обеспечили, как предполагалось, повыше-

ния качества жизни и общественную гармонию, но привели к бесполезной трате сил, энергии, материальных ресурсов. И чем больше экономика опутывалась догмами, тем сильнее обнажалась ее неэффективность. Стремление втиснуть жизнь в утопические схемы требовало насилия как ведущего принципа государственного механизма.

Репрессивность режима привела к дегуманизации жизни. Вечная дилемма — эффективность или гуманизм — спроецировалась зазеркально: неэффективность и антигуманизм. Человек оказался в абсолютной зависимости от внешних факторов, став одним из маленьких гвоздиков государства. Постепенно утрачивая в этом замкнутом пространстве свою духовную сущность, человек все дальше отдалялся от самого себя, расщепляя на части свою душу и разум. Отсюда — появление морали, убивающей жизнотворную гармонию человека с самим собой. Порочный разрыв между общечеловеческими ценностями и государственной практикой был сутью сталинско-фашистского режима.

Проблемы человека в философии буддизма не могли не привлечь внимания ученых США и Западной Европы. Интерес, видимо, диктуется тем, что на человеке XX века лежат непомерные психологические нагрузки. Поэтому он нуждается в технике духовного обновления, которая означает умение отключаться от ситуаций, травмирующих психику. Две трети болезней современного человека вызваны психологическими факторами, которые разрушают механизм саморегуляции человеческой системы.

Судя по всему, сила и продолжительность пси-

хических раздражителей превышают уровень, на который человек изначально запрограммирован. Необходима коррекция, в том числе с помощью медитации и духовного самообновления.

Психологи Западной Европы и США давно уже пришли к пониманию, что «духовный образ» или просто характер человека допускает возможность глубокого раздвоения. Люди могут совмещать в себе различные черты характера, например, храбрость и трусость, честность и алчность, сентиментальность и жестокость.

Раздвоение присуще значительному числу людей, а может быть, и всем людям. У подавляющего большинства оно не достигает уровня психозов и остается на невротическом уровне, т.е. проявляется в виде реактивных поведенческих актов, носящих приемлемый для окружающих характер.

Западные психологи XX века считают необходимым, чтобы каждый человек тренировал свои умственные способности и психические свойства: это необходимо для поддержания здоровья и повышения работоспособности человека и его сопротивляемости вредным влияниям социальной и экологической среды.

Известно, что немецкий психиатр Э.Крепелин заложил основы изучения социальной патологии, которая может наблюдаться чаще всего в странах, переживающих радикальные преобразования в технологии, социальной структуре и методах управления. Он обращает особое внимание на то, что эксцессы политического режима и экономические неурядицы действуют угнетающим образом на психику людей.

Последствия подобных психических стрессов предугадать почти невозможно. Врачи-психиатры и психотерапевты, обеспокоенные этим обстоятельством, стараются препятствовать возникновению пограничных психических расстройств через распространение медицинских знаний и лечебно-профилактические мероприятия.

Таким образом, человечество в настоящее время сталкивается с серьезными социальными проблемами, порождаемыми не только политическими и экономическими трудностями, но и состоянием психики людей. Миллионы, формально оставаясь психически здоровыми, оказываются в своем поведении полунормальными. Наиболее многочисленны среди них алкоголики и пьяницы, наркоманы, неврастеники и психопаты разного характера.

Психологическое развитие не знает революционных скачков. Глубина понимания вещей и изменение поведенческих реакций обусловлены природой корковой динамики, т.е. запоминанием и выработкой новых рефлексов. Развитие психологической сферы не следует автоматически за ростом образованности человека, за техническим прогрессом, новыми изобретениями и открытиями ученых. История знает немало случаев, когда гении науки были пьяницами, совершали аморальные поступки, имели, и нередко, психические отклонения.

Социальная психология XX века подчеркивает значимость воздействия буддизма на нравственную эволюцию человека, принципиальную важность обращения буддизма к человеческому разуму и интуиции. Без понимания самого себя, без

ясного и действенного баланса ума и чувств человеку чрезвычайно трудно адаптироваться к ошеломляюще быстрым изменениям условий жизни.

Буддийский закон ориентирует человека на познание Истины, призывает к праведным делам и добродетельному поведению. Буддизм, таким образом, оппонирует древней догме Тертуллиана: «Верую, ибо нелепо!» На мой взгляд, буддизм утверждает противоположное: «Верую, ибо разумно!»

Следуя духу учений основателей буддизма, общество «Сока Гаккай Интернэшнл» надеется облегчить страдания человека через просвещение и просветление его сознания. При этом подчеркивается, что все люди могут стать Буддами и достигнуть Нирваны как состояния вне страданий.

Нелегко человеку развить путем тренировки свое сознание до такой степени, на которой достигается полный контроль над бессознательными страстями, желаниями и соблазнами. Трудно, но возможно. В любом случае путь к Просветлению начинается и заканчивается внутри человека — в его душе. Взгляд, обращенный в собственную душу, в процессе медитации стимулирует благородные действия, формирует чувство ответственности. На этом пути существует возможность преодолеть постоянный внутренний конфликт в душе человека — между мечтой и действием.

Итак, ищи Творца в самом себе, ищи врага в самом себе, создавай счастье своими руками и своим разумом.

НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЖИЗНИ

Вернитесь к вечным нравственным заповедям, утверждающим прежде всего «право на неприкосновенность жизни», призывает буддизм. Неприкосновенность жизни — удивительно точная формула подлинного гуманизма.

Но без демилитаризации, включая сознание, без установления взаимопонимания с природой, без развития науки, образования, искусства, культуры в целом, без ясной этики благородства — новое общество просто невозможно.

Современная эпоха продолжает оставаться временем тотальной разобщенности людей. Но лично я верю в наступление эры «нового романтизма», красоты и величия жизни. Вызревает новое мышление, суть которого — поворот от противостояния к солидарности, от ненависти — к терпимости, от злобы — к доброте.

Буддизм, как и другие мировые религии, не может не играть позитивной роли в этом космическом по масштабам процессе, поскольку в догматах буддизма ведущее место занимает идея гуманизма — гармонии человека с самим собой, между людьми.

ми, между человеком и природой, между странами и народами.

Икэда понимает, что гуманизм в международных отношениях требует смягчения политических и экономических противоречий между государствами и устранения их корыстного начала. Должна наконец наступить эра власти народов в международном праве, которая вытеснит произвол элит, защищающих эгоистические интересы своих кланов. Я, говорит Икэда, ощущаю современность как великий переходный период, открывающий новое будущее человечества. Мы вступили в эпоху, должную оставить потомкам духовное наследие, определяющее течение вечного.

Но если государства будут и дальше сохранять свой нынешний статус, органически содержащий в себе болезненный микроб размежевания и противостояния, то придется очень много поработать, чтобы преодолеть разобщенность человечества.

Доктор Икэда трезво оценивает сегодняшний день человечества, подчеркивая, что позитивные сдвиги в международной обстановке и сопротивление им вновь заставляют со всей остротой почувствовать, что формирование нового мирового порядка после холодной войны — дело отнюдь не простое.

Я разделяю его опасения. В течение последних лет мне не раз приходилось говорить как внутри страны, так и за рубежом о тревожащих меня сигналах, которые свидетельствуют о возможности возобновления холодной войны, военного противостояния.

Откуда эти тревоги?

Во-первых, в экономической области холодная война так и не закончена. Несмотря на демократи-

ческие реформы, Россия все еще не является полноправным членом мирового экономического сообщества. Пока больше обещаний. Я понимаю интересы конкуренции, прибыли и т.д. Но для меня очевидно и то, что возврат конфронтации не станет прибыльным для народов ни Запада, ни России, ни Востока. Наоборот, он будет очень дорогостоящим для всех, а, возможно, на сей раз и катастрофическим.

Во-вторых, инфраструктура военного противостояния остается почти без изменений. Производство оружия продолжается, равно как и военные научно-технические разработки. Разведки работают. Армии существуют, там учат убивать. Ядерное оружие не потеряло способности уничтожить все живое на планете. Средства милитаристской пропаганды могут начать свою разрушительную деятельность хоть завтра.

Но, возможно, главное состоит в том, что удивительно живучей оказалась психология холодной войны, опирающаяся на милитаризованное сознание.

В российском парламенте постоянно слышны истеричные высказывания об угрозе империализма и о злых намерениях Запада окончательно покончить с Россией, что, кстати, находит отклик в той части общества, которая недоумевает в связи с практическим равнодушием западных демократий к преобразованиям в России.

Следует подчеркнуть, что российский фашизм и милитаризм, пользуясь бездействием и слабостью властей, постепенно выползают из окопов, не скрывая реваншистских намерений, в том числе и на международной арене.

В Соединенных Штатах, в свою очередь, в моде хвастливые заявления о «великой победе» в холодной войне и о прекрасной возможности в связи с этим двигаться на восток от Германии на военных колесницах. Говорят также о необходимости «большей жесткости» в отношениях с Россией.

О какой «победе» идет речь? Разве обе стороны не выразили твердое желание покончить с холодной войной во всех ее проявлениях? Это была общая победа — победа разума. Впрочем, если Советский Союз считается побежденным в холодной войне, то честь ему и хвала. Ему хватило мудрости не стремиться к победе.

На мой взгляд, если судить по поведению правящей элиты США в условиях развала конфронтационной системы и строительства демократических государств в Евразии, все говорит о том, что американское общество накопило опасную критическую массу догматической инерции, которая никогда и никому не приносила добра.

Меня особенно настораживает то, что вновь обостряется проблема доверия. Это ключевая проблема, если вспомнить, что взаимное недоверие, подогреваемое обеими сторонами, как раз и обеспечивало долгожительство холодной войне.

Я был свидетелем того, как в Женеве и Рейкьявике, Париже и Вашингтоне, в Риме и Хельсинки, в Лондоне и Москве постепенно таял лед недоверия, росла открытость, политики становились нормальными людьми — искренними и улыбчивыми, рождалось взаимопонимание.

Однажды в разговоре с американским президентом Рейганом я спросил его, почему американская сторона с излишней, на мой взгляд, осторожностью

тью идет на соглашения по разоружению, которые могли бы быть более масштабными и глубокими. Президент внимательно посмотрел на меня и ответил: «Мы не доверяем советскому государству, не разделяем принципов его международной политики, а попросту говоря, боимся быть обманутыми».

Я ответил президенту, что понимаю ход его мыслей, более того, согласен, что для рассуждений подобного рода есть основания. Но дело в том, что в Советском Союзе не только верховная власть, но и большинство людей не доверяют США и боятся их агрессии.

— Этого не может быть, — заметил Рейган.

— Но это так. И я бы не хотел, чтобы вы, господин Рейган, приняли мои слова за дипломатическую игру. Время уж очень критическое.

— Хорошо, надо подумать.

На этом беседа закончилась.

Сегодня доверие пока еще существует, но если оно будет порушено, то нынешние лидеры мира возьмут на себя тяжкий груз ответственности за новое отравление международной атмосферы ядовитыми газами недоверия. А это всегда заканчивается бедой.

Икэда напоминает, как сильны еще предрассудки, подпитываемые недоверием, эгоизмом и жадностью. Они особенно свирепы на низших ступенях эволюции духовной культуры, где, к сожалению, еще пребывает большинство человечества.

Периоды больших и малых конфликтов, кровопролитных схваток между правящими элитами и претендующими на власть контрэлитами, между интернационалистами и националистами, империями и сепаратистами, между государствами за

рынки сбыта и ресурсов всегда были годами горя, нищеты и всеохватного регресса.

Мир практически отравлен идеологией милитаризма. Войны всегда считались приоритетным способом разрешения споров. Даже государства, в гордыне своей начавшие называть себя цивилизованными, самозабвенно вели войны на уничтожение, погружая в разруху, нищету и страдания воюющие народы. И до сих пор война остается надежным источником прибыли. Будучи нравственными уродами, милитаристы спекулируют на чувствах патриотизма, внушая людям, что убивать других — это и есть благородный долг истинного патриота.

Милитаризм неизбежно ведет к упадку культуры. Он порабощает прежде всего собственный народ, является яростным врагом гуманизма и будет делать все, чтобы затормозить демократическое развитие, движение к новому обществу. История Японии, равно как и история России, о многом говорит в этом отношении. В обеих странах пацифизм долгое время считался уголовным преступлением.

Настала пора искать обратную дорогу, пока не поздно. Но обратная дорога — не только в уничтожении накопленного оружия, в сокращении армий. Она — в переосмыслении того образа жизни, когда все военное как инструмент насилия было неприкосновенным. Подобный образ жизни, будь он проклят, и привел Россию к сегодняшнему катастрофическому положению. Привел, повинувшись идеологическому шаманству, практикуя бездумье и безответственность, надежно защищенные самой системой.

Плоды большевистской милитаризации — нынешнее нищенство России, бездомные дети, уничтоженные леса, реки и озера, десятки тысяч непостроенных жилищ, школ, больниц и дорог.

В России сегодня идет жесткая борьба между теми, кто продолжает видеть в войне и оружии бездонную кормушку и орудие морального террора, наилегчайший путь к власти, и теми, кто считает демилитаризацию самым разумным, в сущности спасительным путем выздоровления страны.

Нельзя не согласиться с доктором Икэдой, что войны начинаются не где-нибудь, а в головах людей. Вот туда и направлены усилия общества «Сока Гаккай Интернэшнл». С точки зрения буддизма, важнее всего создать крепости мира в душе каждого человека.

В своем выступлении в Москве в мае 1994 года Икэда подчеркивал, что главным средством достижения всемирного согласия служит прогресс культуры и образования через диалог между людьми и народами. «В грядущем веке, который хотелось бы видеть веком общечеловеческого согласия и братства, — сказал Икэда, — все большее значение приобретут, надеюсь, диалог во имя мира, обмена в сфере культуры и образования. Это позволит нам преодолеть всякие различия, будь то религиозные или национальные. При этом сближение народов и обществ могло бы происходить на творческих началах, когда оно сопровождается конструктивным состязанием в развитии гуманизма, в воспитании граждан мира».

Буддизм Махаяны разъясняет, что каждой человеческой жизни присущи десять различных состояний, которые называются «десятью мирами».

В соответствии с этой идеей жизнь людей, начинающих войны, пребывает в четырех самых низших «мирах»: ада, голода, животного состояния и гнева. Эти состояния принадлежат демону Ашуре и называются «четырьмя дьявольскими путями». Люди четырех низменных миров прозябают во власти животных инстинктов и варварства. Демон Ашура продолжает свою подрывную деятельность против человечества, постоянно оживляя инстинкты национализма, ненависти, нетерпимости, зависти, эгоизма.

Эпоха варварства, в которой, как я уже говорил, мы пребываем до сих пор, породила и свой моральный кодекс: концепцию «социального дарвинизма», согласно которой отношения людей в обществе приравниваются к отношениям хищных животных. Борьба народов, классов и сословий якобы неизбежна, она должна поощряться, ибо в итоге выживают наиболее сильные и здоровые. Таким образом происходит улучшение человеческой породы, поскольку «недочеловеки» вымирают или их убивают, а «высшие расы» и избранные индивиды получают дополнительное жизненное пространство.

Иными словами, если ты пожираешь слабого собрата, чтобы насытиться — значит, творишь благо. Если сажаешь себе подобного на штык — значит, тоже творишь благо, ибо расчищаешь себе путь к счастью.

Проходят тысячелетия, но люди никак не могут распрощаться с драчливостью, более того, они упорно совершенствуют орудия убийства. За семь с половиной тысяч лет документированной истории на Земле было не менее 16 тысяч вооруженных

конфликтов и войн. Икэда и его последователи пытаются просветить дикое, с точки зрения космической перспективы, человечество, усмирить кровожадность людей.

Аморальны утверждения о том, что «тяга к войне» скрыта в природе человека. Эту ложь поддерживают только идеологи милитаризма и других экстремистских учений, считающих войну движущей силой исторического прогресса. Чтобы противостоять людям, обманутым дьяволом Марой, и утвердить идеи всемирного человеколюбия, требуется значительное просветление умов. К сожалению, еще часто можно встретить молодых и немолодых людей в разных странах мира, которые слишком далеки от проблем современного человечества. Для них пока еще закрыта красота и тайна Нирваны.

Остается лишь надеяться, что человечеству когда-нибудь станет стыдно признаться самому себе, что оно с незапамятных времен постоянно, без передышек жило в состоянии войны, если не горячей, то холодной. Причем объясняли эту кровожадность то порочной наследственностью, то жизненными или национальными интересами, то политической необходимостью, даже справедливостью.

Честных аргументов, которые смогли бы убедительно объяснить неизбежность враждебности, подозрительности, склонность людей видеть в других врагов, замышляющих злодеяния, не существует. Если первобытные люди съедали себе подобных, ведомые инстинктом выживания, то современные чувства взаимной ненависти вбиваются в человека теми, кто сходит с ума от жажды денег и власти.

До сих пор искусственно возвеличиваются жестокие мифы, культ силы и насилия, что приводит к патологическим изменениям в сознании и образе мышления.

Огромный вред наносят философские, религиозные и прочие теории, утверждавшие, что раз конфликты между людьми были всегда, то они полезны, а значит оправданны. Именно на этой почве и произрастали идеи высших и низших рас, классовой борьбы и насилия, объявленные движущими силами истории.

Между тем в истории человечества было немало смелых, честных и проницательных мыслителей, обращавших внимание на, казалось бы, самоочевидный факт: не первобытная борьба людей друг с другом — наций, классов и сословий, — а их творческое сотрудничество двигали вперед любой прогресс. К сожалению, разум очень часто подавлялся выгодополучателями от войн, революций и вооруженного соперничества.

Несмотря на то что холодная война закончилась и нет больше стены, так долго разделявшей Восток и Запад, обстановка на планете такова, что человечество еще не в состоянии создать организацию, способную надежно обеспечить мир на Земле. Ему необходим «пылкий идеализм», чтобы расстаться с позорным наследием века войн и насилия, каким предстает XX век, и вступить в эпоху надежд и мира. Это значит, утверждает буддизм, что необходима вера в духовные силы, превосходящие силу козней дьявола, который соблазняет людей выгодами экономического обогащения от вооруженных конфликтов. Где кровь, там и деньги. Где деньги, там и кровь.

Буддийская концепция ненасилия отрицает насильственные революции. За такой позицией — правда жизни. Революционный фанатизм всегда мешал реалистически оценивать античеловеческие стороны многих событий. Бездумная вера неизменно порождала насилие и кровь.

Как я уже писал выше, сторонники революций везде и всегда оправдывали свой выбор в пользу насилия тем, что не было иных средств вырваться из пут угнетения, несправедливости и бесчеловечности старых порядков, сломать крепость устоявшихся догматов. Насилие против насилия.

Сторонники эволюции отвергали неизбежность насилия в ходе радикальных изменений в обществе. При этом эволюционисты справедливо указывали на то, что насильственные революции по логике самого насилия неизбежно затапывали в грязь самые благородные замыслы и надежды.

В сущности, каждый кардинальный поворот в жизни тех или иных народов предопределен новым, более высоким уровнем нравственности общества, однако люмпенизированная его часть, как правило, деформирует характер движения к более справедливому образу жизни, придает ему извращенный характер.

Чаше всего случается так, что революции готовят романтики, совершают их фанатики, а плодами пользуются негодяи. Столь же часто бывало и так, что негодяи начинали суетиться вокруг романтиков, когда еще только замышлялся слом старой общественной машины. Они загодя присматривали себе властные кресла.

«Революционеры поклоняются будущему, но живут прошлым», — заметил Николай Бердяев.

Революцию он называл «честно сформулированной ложью». Ярко и точно. Мне неоднократно приходилось писать о том, что надо бежать как от огня от социальных экспериментов, идущих не от здравого смысла и не от интеллекта, а от горячечных идеологических фантазий, от бесовской гордыни, непомерного тщеславия, от инерции того социального и политического мышления, которое ориентировано на революционные бури.

Как видим, буддийская философия, проповедующая ненасилие как принцип жизни, не могла не рассматривать и проблемы войн и революций. Вполне естественно, что она считает эти преступные явления кознями нечистой силы, кознями дьявола.

Мировое сообщество нуждается в такой структуре безопасности, которая была бы в состоянии защитить человека в любом регионе земного шара. Необходимо усилить работу по профилактике региональных войн и социальных конфликтов. Для этого требуются в том числе и меры, направленные на повышение благосостояния «обделенных национальных меньшинств».

Но решение проблемы взаимоотношений между богатыми и бедными странами не сводится к экономическому росту последних. «Размышляя о международном сообществе будущего века, — говорит Икэда, — я прихожу к выводу, что нужно укреплять международное право законами по поддержанию мира. Кроме того, чтобы сделать действенной силой международные законы, нужно пробуждать в людях совесть». Скажут — наивно. Видимо, так оно и есть. Но, может быть, кто-то предложит иное лечение застарелой болезни?

«Сока Гаккай Интернэшнл» выступает за расширение международных законодательных, исполнительных и судебных функций ООН, требует полного запрещения ядерного оружия и сокращения обычных вооружений, ликвидации военной промышленности вообще и прекращения тем самым производства всякого оружия. Пока же 80 процентов экспорта оружия осуществляется пятью постоянными членами Совета Безопасности. Ответственность за то, что до сих пор нет международного контроля за торговлей оружием, лежит на правительствах развитых стран.

ООН может стать настоящим парламентом человечества, если придать силу обязательного закона резолюциям Генеральной Ассамблеи. По-видимому, опыт цивилизации, ее материальное и духовное развитие подвели нас к тому рубежу, когда необходим новый синтез — и в понятиях, и в системе поведения, и в структуре международных решений.

Но преодоление расколотости и враждебности в мире зависит не только от организованных усилий мирового сообщества. Самый надежный путь — воспитание терпимости через диалог.

Человечество совершило множество грехов в отношении самого себя. Оно как бы ищет страданий, испытывая при этом необъяснимое удовлетворение. Его историю никак не могут украсить грабительские крестовые походы на Ближний Восток, прикрываемые ложью о «защите Гроба Господнего от неверных», кровавые дела средневековой инквизиции в Западной Европе с миллионами сожженных заживо «еретиков», «колдунов» и «ведьм», законы Бисмарка против социалистов в

новое время, а затем преследования социалистами своих идеологических противников — и все это якобы для утверждения христианской, монархической, демократической или социалистической власти — тормозило движение человечества к веку здравого смысла.

Человечество продолжает экспериментировать на самом себе, нанося себе же множество тяжелых ран. Оно продолжает угрожать самому себе новыми страданиями, хотя очевидно, что если в очередной раз увязнуть в болоте лжеидеологий и фанатизма, это неизбежно приведет к новой катастрофе.

Исторический опыт свидетельствует, что любые государственные идеологии ведут к нетерпимости и расколотости.

Насильственные действия по насаждению очередной власти или «правильной» религии соорудили в массовом сознании прочные барьеры на пути к утверждению психологии терпимости. Немыслимо разрушительную роль сыграли в этом отношении и атеистические режимы, сея дьявольское мракобесие и равнодушие к человеку.

Однако основная масса современного человечества все еще пребывает в состоянии примитивного мировосприятия и первобытных психологических установок на нетерпимость и борьбу. XX век продемонстрировал очевидный разгул иррационального, темного и низменного.

В истории почти каждой страны были трагические периоды, когда мессианский идеологический фанатизм доводил разногласия внутри общества до гражданских войн и революций, нацеленных на физическое уничтожение оппонентов и завоевание власти.

Безусловно верно, когда идеологию, например в Европе, трактуют преимущественно как иллюзорное, в основе своей ложное мировоззрение, используемое в корыстных целях, главным образом в борьбе за власть.

Такой подход чужд философии буддизма. Выдвигая идею постоянного духовного обновления, эта философия призывает рассматривать любую систему религиозных, политических, экономических и философских взглядов только как этап на пути к Истине. Икэда с грустью констатирует, что невозможно всерьез рассуждать о мудрости современного человека, если он не в состоянии осилить даже такую истину, что «каждый человек есть космос».

Буддизм Махаяны имеет моральное право звать к обществу гуманизма, ибо с древних времен возвращает дух терпимости во взаимоотношениях всех, независимо от политических, философских и религиозных взглядов. Войны происходят не только из-за алчности милитаристов, но и из-за ненависти людей друг к другу на мировоззренческой почве. Расовые, этнические, религиозные, политические, экономические и прочие корни нетерпимости всегда были трудно искоренимыми, так как выражали корыстные интересы людей.

Идея терпимости пронизывает всю философию буддизма, становится непреложной частью убеждений, ради которых буддисты готовы идти на любые жертвы. Основоположник Махаяны Ничирэн Дайшонин говорил, например: «Я лично не соглашусь отказаться от своих убеждений, даже если мне будут предлагать править всей Японией или запутивать меня тем, что моим родителям отрубят

головы. Я не соглашусь отказаться от Сутры Лото-са до тех пор, пока не найдется человек, который мне докажет логически, что мое учение ложно».

Ничирэн сохранил верность буддизму Махаяны, но оказался в одиночестве. Остальные религиозные школы заискивали перед властителем Камакуррой, старались снискать его благорасположение и тем самым приобрести богатство и славу. Ничирэн упорно продолжал утверждать идеи истинной терпимости в условиях, когда власти силой внедряли нетерпимость. По официальному кодексу было запрещено любое инакомыслие.

Отказ от компромисса со своей совестью есть главное свойство духа возвышенных личностей. Существует, однако, говорит Икэда, разница между сознательно вырабатываемым компромиссом и убогим равнодушием или терпимостью к другой, в принципе вредоносной, точке зрения. Такое положение часто возникает в государствах со множеством религий. Религиозная веротерпимость в Японии, по словам Икэды, объясняется не терпимостью, а безразличием, индифферентностью. То, что в Японии принято называть терпимостью, на самом деле является компромиссом, когда интересы одной стороны складываются с интересами другой, а сумма делится пополам.

Не может быть терпимости и компромиссов с религиями, учениями и философиями, которые служат милитаризму, разжигают национальную, социальную, классовую и религиозную рознь. Тем более если нетерпимость сопровождается агитацией насилия.

Если мы будем озабочены только достижением компромисса любой ценой, не делая четкого раз-

личия между правдой и ложью, добром и злом, то любой диалог, лишенный критической мысли, не породит ничего созидательного и, более того, ослабит свойственное человеческому духу стремление к Истине.

С момента своего возникновения философия буддизма настойчиво проповедует отказ от насилия и приверженность к диалогу, дискуссии и слову как средствам предотвращения и разрешения конфликтов. В связи с этим буддизм определяет произнесенное слово как «сущность самой жизни».

Здесь, пожалуй, есть поле для размышлений. Кто может доказать, что каждое слово — суть истина или приближение к ней? Живая история не раз подтверждала, что сами по себе слова мало чего стоят. Более того, в определенных условиях, например, в условиях диктаторских, тоталитарных режимов, они формируют однолинейное догматическое мышление, ущербный стиль, убивающий диалог.

Но, возможно, как раз в этом и заключена суть вопроса о ценности слов. Слово, не испытанное диалогом, всего лишь звук. Слово как результат диалога может стать определяющей «сущностью жизни». Автору этих строк не раз приходилось писать о том, что диалог неисчерпаем: это движение мысли, мука мысли, праздник мысли, ее свобода.

«Сока Гаккай Интернэшнл» во главу угла ставит умение превращать любой спор в конструктивный диалог, ведущий к взаимопониманию. Если это удастся и в ходе диалога происходит сближение взглядов и душевное умиротворение, значит, оба участника «приблизилась к собственному бессмертию».

Икэда признает серьезность социально-эконо-

мических причин конфликтов. Но как истый служитель духа первостепенное значение в миротворении он придает диалогу. Буддизм Махаяны твердо придерживается установки на диалог как на единственный способ постепенного преодоления диких начал в человеческом поведении.

Человечество нуждается в более глубоком и точном понимании самого себя. Общественные науки, особенно идеологизированные, не дают реальной картины социальных процессов. Современные дискуссии могли бы взять за исходные позиции не ценности пресловутого роста валового продукта и невразумительного технологического развития, а такие, как качество жизни, обогащение окружающей среды, социальное равновесие и общественное спокойствие.

Догматики, люди зацементированного мышления, панически боятся любого спора или диалога. Боятся по невежеству, так как пренебрегают новой информацией, а потому бездумно повторяют когда-то усвоенные словесные формулы. Догматики — это святые отцы светских наук, живущие за пределами мира разума.

Дайсаку Икэда и его Общество стремятся создать определенный запас нравственной прочности в общественном сознании. Их усилия нацелены на то, чтобы через диалог гармонизировать знания и веру, разум и чувства, мысли и действия как в сообществах людей, так и в душе каждого человека.

СВОБОДА И ГУМАНИЗМ

Философия буддизма исходит из того, что всем людям самой природой уготовано счастье свободы. Пусть каждый живет в Нирване, как сам Будда. Человек живет, мечтает, творит и надеется. И постоянно стремится к свободе.

Прорывы к свободе не могут быть ни простыми, ни легкими, ни ясными. Ибо цивилизация — это прежде всего состояние человеческих душ, уровень психологической зрелости, характер эмоций, чувств и воли, установок и действий отдельного человека, коллективов и всего общества в целом. Любое продвижение в этих сферах дается людям через душевную боль, через трагедии и разочарования.

Чистая, благородная мечта о свободе столь возвышенна, что, кажется, все отступает перед ее непостижимо прекрасными перспективами: благородные помыслы, ласкающие надежды, искреннее стремление добиться счастья для всех и каждого. Но здесь таится серьезная опасность для любой благочестивой надежды. Мечта, оторванная от жизни и реальности, забежавшая далеко

вперед и игнорирующая психологическую зрелость и культуру людей, их нравственное состояние, превращается в утопию. На уровне мечты утопия вреда не приносит, но если люди начинают приспособливать жизнь к утопии, строить жизнь на основе идеологических химер, они создают условия для трагедии. И чем грубее игнорируется реальность, тем губительнее последствия утопизма. Идея гуманизма не раз в истории была жертвой утопий.

Рядом с возвышенными и благородными устремлениями постоянно увивается примитивный животный эгоизм. Он не содержит в себе утопий, так как нацеливает людей на борьбу за власть и обогащение. Идеология эгоизма лишена общечеловеческой морали и замаскирована прилипчивой социальной и националистической демагогией, сжигает на своем костре нравственность человека. Фанатизм эгоистов-временщиков оборачивается социальными и экологическими катастрофами, поскольку «временные» помышляют только о себе, игнорируя интересы других, даже своих детей.

Как утопия, так и фанатизм порождают тотализм, поскольку иным образом они существовать не могут.

К счастью, продолжают жить и вековые духовные ценности, которые хранятся в памяти человечества. Такие ценности, как совесть, трудолюбие, потребность в творческом созидании, отрицание фанатизма. Высоконравственные люди не впадают в уныние от неудач, им свойственна внутренняя раскрепощенность и на этом основании — спокойная уверенность в своих силах. Они

хорошо знают, что спотыкается только тот, кто бежит, ползущий никогда не упадет.

Удивительный парадокс: стремительный рост насилия и мощные прорывы к свободе соседствовали и сменяли друг друга в XX веке — самом кровавом веке истории.

В то время как научно-технический прогресс открыл перспективу неслыханного роста материальной культуры, духовный облик человечества начал линять, появилось множество отвратительных морщин и гнойников на его лице. Дефицит этического начала и интеллекта — самое серьезное препятствие на дороге к гуманистическому будущему.

Человек проделал длинный путь к самому себе. Но забот у него не стало меньше, поскольку правящие элиты и выполняющие их волю государства, плененные эгоизмом собственных интересов, все делают для того, чтобы личность не стала по-настоящему суверенной, ибо тогда суверенитет личности может перерасти в господство над государством.

Факты свидетельствуют, что реальное положение людей во многих странах с этой точки зрения ничуть не изменилось, а во многих случаях — ухудшилось. Сепаратистские движения привели к жесточайшим нарушениям прав человека, включая право на жизнь. Новые суверенные субъекты международного сообщества, еще не сделав ни одного положительного шага вперед, уже записали на свой счет тысячи невинных жертв. Спекулируя на лозунгах независимости и патриотизма, безумные правители новых государств обрекают народы этих стран на нищету и отсталость.

Это путь в гнусные времена прошлого. Это новая милитаризация сознания и образа жизни, а не движение к праву и цивилизованности. В итоге продолжается господство корпоративных интересов групп, кланов, которым безразличны судьбы конкретного человека.

Хотя защита прав человека требует институциональных реформ, она беспомощна без развития интеллектуального потенциала, господства разума над практикой слепого реагирования — восхваления или проклятия.

В работах западных философов нередко утверждается, что современное западное общество в значительной мере является шизофреническим, так как отягощено маниями материального успеха, властного статуса, богатства, роскоши и т.п. Оно практически противостоит идее срединного пути, разумного самоограничения, «свихнулось на идеологии гедонизма» — погоне за удовольствиями.

Шизофреничность части западного общества подтверждается, например, тем, что, несмотря на все усилия, оно не может справиться с наркоманией, алкоголизмом, преступностью. Было бы наивным полагать, что Западу мешают его социально-экономические структуры. Например, в США и Японии они почти одинаковы. Но мораль одного общества трудно сравнима с моралью другого.

Икэда тем не менее оптимистически смотрит и на будущее Запада, высказывая уверенность, что тот избавится от «бесовских наваждений» и повернется к нравственным принципам жизни. Люди должны сами преодолеть хаос в собственной жизни и достичь гармонии через культуру, философию.

фию, религию, через общение с природой, через творческий труд.

Немало людей — наших современников шаг за шагом утрачивают интерес к духовным традициям своего народа и всего человечества. Они погружаются в дурман бездуховности и позволяют дьяволу затягивать себя в сети массовой псевдокультуры. Эта культура действует примитивно, но эффективно — по схеме влияния на стадо овец. Как отметил еще Оруэлл в «Скотном дворе», овцы руководствуются очень простыми инстинктами — все как одна начинают блять: четыре ноги хорошо, а две плохо, и что-то еще, обязательно стадное. Переубедить овец невозможно. Но человеческое общество имеет возможность продемонстрировать, что существуют более высокие понятия, более возвышенные чувства и такие образцы культуры, которые требуют работы ума и мысли, а не массового бления.

То, что буддисты именуют Просветлением, в нынешней европейской культуре называют «психологической зрелостью». Просветленным и зрелым противостоят миллионы «непросветленных», или «психологически незрелых», отягощенных в том числе и пограничными психическими расстройствами.

Высокая нравственность неотделима от психологической зрелости. Она может успешно формироваться, только опираясь на гуманистические традиции светского и религиозного происхождения. Буддизм Икэды органически вписывается в русло гуманистического потока сознания человечества вместе с идеями светских, христианских, мусульманских, иудейских и других гуманистов.

И в этой связи примечательно отношение японского мыслителя к христианству. Буддизм и христианство близки в главном — в учениях о добре и зле, человеке и человеколюбии, милосердии и добролюбии. Согласно одной из легенд, Иисус Христос в течение нескольких лет где-то пропадал. Некоторые из исследователей предполагают, что он был в Индии.

Дайсаку Икэда знает и чтит творчество гениальных русских художников слова — Достоевского и Толстого, для которых Евангелие было Книгой книг, а учение Христа — маяком до самого смертного часа. Они были разными: Достоевский (это отмечает и Икэда) любил и приукрашивал православную церковь. Толстой, наоборот, церковь не любил, ибо уж очень часто отцы церкви нарушали заповеди Спасителя.

В связи с проблемой взаимодействия и взаимопроникновения различных культур считаю уместным сделать еще одно отступление.

Трудно сказать, в какой мере Кант знал философию буддизма, но что касается этических принципов как таковых, то совпадение подходов очевидно. Например, основные положения концепции вечного мира базируются на совпадающих этических подходах. То же самое можно сказать и о философии, истории, теории культуры и права.

Кант признает значение социальных антагонизмов и не сетует на то, что согласия между людьми столь мало. Антагонизмы, по его мнению, приводят к образованию государства, которое должно, по идее, установить правовой порядок, ограничивая произвол индивидов и направляя их деятельность в законосообразное русло. Затем возни-

кает необходимость установления правовых отношений между государствами. Увы, в этом плане Кант оказался наивным романтиком.

История распорядилась так, что люди, зараженные эгоизмом, не смогли, а государства — эти, по словам Ницше, «холодные чудовища», — будучи орудием корыстных элит, не только не захотели предотвратить, но и взяли на себя организацию всех оргий насилия последних тысячелетий.

Как моралист Кант осуждал войну. Как реалист он признавал ее значение на определенном отрезке истории. Как футуролог он видел неизбежность самоизживания войн и установления вечного мира на Земле. Вечный мир неизбежен, он наступит на нашей планете, хотят того отдельные люди или не хотят. Кант не пытался убеждать монархов в преимуществах мирной жизни, он настаивал на неизбежности всеобщего мира. Война преодолет себя сама, поскольку станет непосильным духовным и материальным бременем для человека.

В романе Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита» Сатана рассказывает о своем завтраке именно с Кантом, который привел Воланду неопровержимое шестое доказательство существования Бога. Даже сам дьявол не смог его опровергнуть и потому так обрадовался, когда поэт-атеист Бездомный «совершенно неожиданно бухнул:

— Взять бы этого Канта, да за такие доказательства года на три в Соловки!

Восторженный Воланд закричал:

— Именно, именно! Ему там самое место!»

Дайсаку Икэда ставит своей целью создание универсальной «религии» Великого Гуманизма,

но не как «обязывающего учения, а как естественный итог эволюции духовности». Каждый человек обходится собственной, сугубо личной интерпретацией своих отношений с божественным. Это и позволяет поверить в идею формирования гуманизма в душе каждого человека, чтобы преодолеть главное зло человечества — разобщенность, национальный и социальный эгоизм.

Гуманистическое мышление перестраивает людей, превращая их из противостоящих друг другу в тесно сотрудничающих. Главное сегодня — выбраться из повсеместно царящего хаоса и создать тем самым устойчивые условия для движения к миру гуманизма.

Меня восхищает антидогматизм буддийской философии, особенно если учесть, что она представляет религиозное мировоззрение. Дайсаку Икэда следует учению Ничирэна, которое не содержит каких-то тайн на пути к Просветлению. Махаяна верит в достижение Истины через собственные усилия.

В то же время это учение призывает не слепо воспринимать открывшуюся Истину, а проверять ее правдивость на собственном опыте, а потом уже принимать или отвергать познанное. Икэда учит: «Жизнь всегда нечто большее, чем о ней думает человек!» И далее продолжает, что суть учения буддизма Махаяны заключается в том, чтобы развить такое состояние жизни, при котором мы ясно понимаем причины и скрытые мотивы наших устремлений и, контролируя их, наиболее полезно для себя используем появившиеся возможности для революции в собственной душе. Вращивая в своих сердцах благородные мотивы,

человек приходит к судьбе высокого стиля, насыщенной и интересной жизни.

Духовное возрождение, говорит Икэда, «только тогда достойно своего предназначения, когда оно представляет собой постоянное обновление», что и является опорой духовности и свободы. Более того, такая опора может оставаться животворящей только в том случае, если человек вновь и вновь будет ставить под вопрос истинность своих убеждений.

Но если человек и общество теряют способность критически относиться к своим взглядам, то они неминуемо оказываются в «сетях и путах собственных заблуждений и лжи, ведущих к гибели». Дайсаку Икэда постоянно предостерегает об опасностях легковесной веры в собственную правоту и претензий на мессианство.

Буддизм отрицает понимание прогресса как количественного увеличения материальных возможностей человека и обязательно сопутствующего ему кардинального изменения форм общественной жизни. Ему чужда концепция, согласно которой окончательно созревшие в какой-то момент производительные силы как бы разрывают старую общественную оболочку, именуемую надстройкой, в результате чего происходит скачок в новое качество. Именно в рамках этого ложного предположения родилось утверждение, что смена неких общественных формаций с фатальной неизбежностью ведет к прогрессу. Опыт российских революций XX века ясно показал практическую несостоятельность подобного подхода, равно как и бездуховность революций, не имеющих ничего общего с прогрессом.

Лично я считаю, что общественное развитие идет по ступеням информационных эпох. Вместе с увеличением объема циркулирующей среди человечества информации — наследственной и вновь приобретенной — возрастает психологическая зрелость общества и каждого человека. Люди становятся умнее и эмоционально гармоничнее. И сильнее волей. Это зависит не от количества потребляемых продуктов и объема производства всего и разного, а от насыщенности и богатства информационного пространства, в котором живет человек и, как муравей, карабкается вверх по лестнице — от одной информационной эпохи к другой.

Новое качество общества возникает через нравственное возвышение человека, через культуру. В историческом масштабе времени человек продвигается от дикости — к цивилизованности, от инстинктов — к разуму, от иррациональности — к рациональности. Этим как раз и измеряется качество прогресса, определяется место общества по шкале цивилизованности.

Итак, человек сам творит себя, а значит, и весь окружающий мир.

Но, к сожалению, большинство людей приучено пользоваться готовыми мнениями, которые фабрикуются по заказу очередной правящей элиты. Буддизм, в отличие от многих светских и религиозных учений, настойчиво рекомендует каждому учиться мыслить самому, а не возлагать эту ответственность на других. В центре его философии — идея медитации, именуемая Самадхи. Это особого рода умственное действие, цель которого привести психику человека в состояние уг-

лублинной и однонаправленной сосредоточенности и концентрации сознания на одной или нескольких важных в данном случае мыслях.

Хотя Сутры, пишет Икэда, «очень подробно и красочно описывают практику Самадхи, мы должны все же понимать, что в эпоху Последнего Дня Закона (современную нам) уже кажется странным поведение отшельников, отказавшихся от благ цивилизации и скрывающихся в лесах в поисках Истины. Ничирэн, всегда находившийся в гуще событий, борющийся со всякими проявлениями несправедливости в обществе, отвергал подобного рода практику как регресс, несозвучный новому времени».

Нелепо также размышлять только для собственного удовольствия. Медитация должна завершаться появлением новых идей. Пренебрежение новыми идеями всегда оборачивается упадком личности, общества и государства.

Напомним, что это был XIII век.

В этом контексте необходимо с особой силой подчеркнуть, что пренебрежением новыми идеями страдали многие носители различных идеологий, прежде всего материалистических и коммунистических. Их разрушительная роль проявлялась в методах обмана не только своих последователей, соперников и обществ в целом, но и в том, что они всегда стремились выглядеть научными или хотя бы наукообразными.

Как я уже неоднократно подчеркивал, буддизм исповедует общечеловеческие ценности. Ничирэн еще 700 лет тому назад учил: «Каждый человек жаждет мира без войн. Каждый молится о счастье и здоровье семьи и радуется росту ребенка, печа-

лится, когда умирает человек. Такова истинная сущность каждой отдельной личности, вне зависимости от ее социального положения, национальных и государственных границ».

Современный мыслитель Икэда призывает людей учиться медитации в соответствии с идеями основателей буддийской религии. Европейские ученые сказали бы: учиться искусству интеллектуального анализа. Пока же в жизни человечества слишком много несуразностей, которые объясняются не только злыми замыслами, а главным образом элементарным невежеством.

Ничирэн утверждал, что чрезмерная привязанность человека к чувственному миру может быть причиной Зла. Как порождение дьявола Зло назойливо вторгается в души людей, поэтому требуется высокая степень Просветления, чтобы понять козни нечистой силы. Нужна духовная стойкость для устранения их с пути к Нирване.

«Три жестоких обстоятельства и четыре демона встретят просветленную личность по дороге к Истине», — наставлял Ничирэн своих последователей.

Устрашающие обстоятельства — это, во-первых, земные страсти — злость и невежество; во-вторых, тяжелые препятствия, если у человека негативная карма, доставшаяся ему от предыдущей жизни; в-третьих, ему могут воздать другие люди злом за зло, совершенное им самим.

Четыре дьявола представляют собой: во-первых, физические и умственные недостатки самого человека; во-вторых, три яда существования — зависть, злоба и невежество; в третьих, страх смерти и неизбежные страдания при ее приближе-

нии и, наконец, четвертый дьявол — это активные действия нечистой силы Мара.

Если люди проявят слабость, то три устрашающих обстоятельства и четыре дьявола собьют их с пути истинного. И не миновать тогда блужданий по «темным дьявольским тропам», по которым свобода не ходит.

Согласно мнению Икэды, глубина буддизма определяется тем, в какой мере это учение является зрелым, чтобы быть народной религией. Такой вывод вытекает из положения Махаяны, что все люди могут достигнуть берега Просветления, т.е. речь идет о спасении всего народа. В сравнении с Хинаяной предпочтение отдается Махаяне, в Махаяне предпочитается Лотосовая сутра, последняя подвергается демократическому толкованию Ничирэна — такова эволюция зрелости буддизма как народной религии.

Буддизм Хинаяны имеет аристократическую окраску. Последователи Хинаяны объединились в элитарную группу, в центре которой находились те, кто принял монашеский постриг. Их главной задачей было стать архатом, т.е. достичь высшей степени духовного совершенства, собственного освобождения, Просветления. Нельзя не видеть в этом закрытости, отдаленности от народа. Вследствие этого и в самом подвижничестве усиливались догматические тенденции, а что касается «спасения народа», то эта практическая сторона все больше оставалась в небрежении.

В ответ на такое толкование буддизма поднялась и выросла Махаяна с ее постоянным стремлением к «спасению народа». Подобная направленность объясняется тем, что важнейшая заповедь

Будды заключается в милосердии. А это означает, что если ты достиг совершенства, то веди за собой других. Иными словами, подлинная сущность пути Бодхисаттвы Махаяны заключается в альтруизме.

Лотосовая сутра выбрана из множества других сутр потому, что в ней, опираясь на откровения просветленного Будды, объясняется жизнь в ее временном и пространственном отношениях как целостное явление. Выше уже говорилось, что Лотосовая сутра состоит из 28 глав. Первые 14 называются «Вступительным учением», а вторые — «Главным учением».

Во Вступительном учении разъясняется феномен жизни в пространственном отношении: микрокосм личного «Я» сливается в единое с макрокосмом, в результате чего в каждом микромире содержится весь макромир. Утверждается идея вечного существования жизни на протяжении трех миров — прошедшего, настоящего и будущего. Во временном отношении жизнь рассматривается через практику Шакьямуни на протяжении этих трех миров, а также через причинную связь Будды с человеком.

В Лотосовой сутре, объединяющей Вступительное и Главное учения, раскрывается мир безграничной в пространственном и временном отношениях жизни, которой наделены в равной степени все живые существа. Говорится также, что через буддийскую практику все живое без исключения может достичь природы Будды. В сутре объясняется, что Буддами могут стать даже те, кто, по понятиям индийского общества времен Шакьямуни, стоит на самом дальнем расстоянии

от природы Будды — злодеи, каким был, например, Девадатта, предавший Шакьямуни, и женщины (характерен пример дочери Нага — женщины с телом змеи).

Хотя и считается, что Лotosовая сутра дает исчерпывающее представление о жизни, это не более чем разъяснение, иллюстрация, но никак не словесный экстракт Истины. Это можно понять на таком примере: план построения дома — еще не дом. Народу очень трудно выполнять всю буддийскую практику, его религиозному энтузиазму есть определенные границы.

И здесь, что касается практики, эпохальная страница была открыта учением Ничирэна. Его сущность, как уже упоминалось, сводится к даймоку (молитвенному пению) «На-му-мё-хо-рэн-гэ-кё». Это уже не иллюстрация Истины, а словесный экстракт истины.

Через пение даймоку «На-му-мё-хо-рэн-гэ-кё» каждый может встать на путь Просветления, избежав многочисленных аскетических практик и тяжелых испытаний, через которые проходил долгие годы Шакьямуни. — это почти невыполнимо для обычных людей.

Таким образом, доктор Икэда на основании глубокого проникновения в эволюцию буддийского учения приходит к выводу, что главным в этой эволюции является движение от подвижничества одиночек, от монашеского затворничества, от своего рода аристократического отдаления от простого народа, которому служили сложные философские схемы и тяжелая ритуальная практика, к расширению пространства для веры и верующих, к народности буддизма.

Именно такой вывод и позволил доктору Икэда предложить идею построения общества Великого Гуманизма.

Все серьезные философские системы вращаются в пределах трех миров — прошедшего, настоящего и будущего. И все терзаются одними и теми же вопросами: куда же идет мировое сообщество, какими надеждами оно собирается жить, во что будет верить и что отринет?

Никто не знает ответов на эти вопросы. Хорошо это или плохо? Скорее, хорошо, ибо жизнь человека и человечества, если она с математической точностью будет известна заранее, практически потеряет смысл.

Новое тысячелетие, как предполагает буддизм, будет эпохой постепенного превращения хаоса в гармонию.

Нас ожидает мирная, ненасильственная эпоха, в которой не будет места гонке вооружений, угрозе самоуничтожения и позору войн. Наступит эпоха права и достоинства личности, ее свобод, признания человеческой жизни высшей ценностью, обеспеченной облагораживающими условиями человеческого бытия. Процесс этот труден, часто нравственно мучителен. Он требует колоссальных затрат времени на вызревание и объективных условий, и человеческой мысли, моральной и политической воли действовать.

При этом значение традиционной духовности неизбежно возрастет, в том числе и роль древних нравственных заповедей. Нагорная проповедь Христа и мораль срединного пути Шакьямуни найдут достойное место в едином добролюбивом обществе.

Икэда солидаризируется с Бердяевым в его стремлении быть активным участником общественных процессов. Он приводит слова философа: «Я стремился не к замыканию своей личности в самой себе и не к самоутверждению, а к размыканию в универсум, к наполнению универсальным содержанием своего ума, к общению со всеми». Подчеркивая близость взглядов Бердяева буддизму, Икэда говорил: «Николай Бердяев, стремясь вобрать в себя космос-универсум и расширить пространство своего сознания, зажигает немеркнущий источник света, который способен осветить мрак конца нашего века».

В своих книгах и лекциях доктор Икэда говорит об истории, философии, религии, литературе как о фундаменте гуманистических идей. Науки должны помогать людям добиваться просветления разума. Вся культура человечества, воплотившаяся в социальных и естественных науках, откровения великих мыслителей являются залогом того, что люди смогут реализовать «положительную карму», ведущую к новому гуманизму.

Он верит в конечное торжество благородного человека. Но его вера наполнена требованием к каждому быть «воином» за гуманизм. Буддийское Просветление, погружение в Нирвану не могут быть основанием для свободы от обязанностей перед собой и другими людьми.

Это очень важное положение. Видимо, наступило время серьезно ставить проблему баланса между свободой и ответственностью. И если человек мечтает о господстве над государством, то совершенно естественно, что тем самым он повышает уровень своих обязательств.

Больше свободы — больше ответственности. Идея не новая. Как древние, так и современные мыслители, стоящие на фундаменте свободы, настойчиво подчеркивали, что игнорирование ответственности деформирует свободу, что безответственность враждебна свободе.

Оценивая сложившуюся ситуацию, Махатма Ганди писал о семи социальных грехах современности:

1. Беспринципная политика (Politics without principles).

2. Аморальная коммерция (Commerce without morality).

3. Богатство без труда (Wealth without work).

4. Образование без воспитания характера (Education without character).

5. Наука без гуманизма (Science without humanity).

6. Удовольствия без совести (Pleasure without conscience).

7. Вера без жертвы (Worship without sacrifice).

Над проблемой ответственности и ее неразрывности со свободой бьется и современная мысль. Мне пришлось участвовать в заседаниях «Совета международных действий» (InterAction Council) — организации бывших глав государств, где в высшей степени серьезно обсуждалась проблема необходимости принятия ООН «Всеобщей декларации человеческой ответственности» (Universal Declaration of Human Responsibilities). Сутью этого предложения является достижение баланса между свободой и ответственностью:

Если у нас есть право на жизнь, то мы обязаны уважать ее.

Если у нас есть право на свободу, то мы обязаны уважать свободу других.

Если у нас есть право на безопасность, то мы обязаны создать условия для того, чтобы каждый пользовался личной безопасностью.

Если у нас есть право участвовать в политическом процессе своей страны и избирать своих руководителей, то мы обязаны принимать участие в выборах и обеспечить избрание наилучших руководителей.

Если у нас есть право на труд на справедливых и выгодных условиях для обеспечения приличного уровня жизни для себя и своих семей, то мы также обязаны работать в полную меру своих сил и способностей.

Если у нас есть право на образование, то мы обязаны учиться, насколько это позволяют наши способности, и, где это возможно, делиться нашими знаниями и опытом с другими.

Если у нас есть право пользоваться щедротами Земли, то мы обязаны уважать, заботиться о Земле и ее природных ресурсах, восстанавливать их.

Уверен, что подобные тезисы необычайно современны, и не хочу думать, что они будут проигнорированы.

Оптимизм Икэды, при всей его кажущейся умозрительности, служит распространению идей гуманизма. В начале, как известно, было Слово, то есть идея. Без приверженности гуманизму человечество никогда не создаст общество, в котором не будет места лживым политикам и коррумпированным чиновникам, обману и чванству, демагогии и популизму, недостойной драке за власть, за собственность и доходы между государственными и частными мафиями.

Да простит меня читатель за некоторое прогностическое морализаторство, но я все же рискну еще раз помечтать о будущем обществе — обществе гуманизма. Я верю, что мы движемся к эпохе торжества здравого смысла, социальной и экологической ответственности, которые вытеснят безудержный эгоизм. Эволюционные процессы, ведущие к переменам, должны стать образом жизни человечества, а способность к ним — основополагающим критерием нравственности любой системы, ее гуманности и жизнеспособности с точки зрения экономики, права и политического устройства. Это будет общество, стимулирующее эволюционные перемены и готовое их принять.

Новому обществу как воздух необходимы знания и профессионализм. Без них ничего не получится, но особенно важно нравственное начало, поскольку, как показало текущее столетие, интеллект, не обремененный совестью, ориентируется на свои личные интересы и свое тщеславие, т.е. действует в заданных координатах общества эгоизма.

Гуманистическое общество третьего тысячелетия будет отличаться самодисциплиной, саморегулированием, самоконтролем и самоограничением, а главное — властью совести, которая уже заметно истончилась под мощным давлением материальных интересов.

Согласно заветам буддистской философии, только истинно гуманное общество, преисполненное любви к человеку, неспособное обидеть его, заботящееся о его благе и свободе, имеет право называть себя гуманным и демократическим.

Итак, забудем на минуту о трудных для многих из нас восточных терминах и символах, обозначающих те или иные явления жизни. Они кажутся труднодостижимыми для представителей других культур. Из загадочного сплетения слов, красивых образов, причудливых схем, необычной логики вычленим главное. Это главное — в утверждении свободы личности, ее независимости, ее духовного предназначения.

Призывая человека к обновлению его духовности — неважно, образованного или нет, пусть даже раба своих привычек, раздражительного и слабого, наивного и легковверного, — к овладению мудростью (мы бы сказали — к критическому и углубленному анализу ситуаций) буддийские предшественники современных цивилизаций настойчиво привлекали внимание к проблеме здравого мышления.

Опираясь на духовное совершенство, человек в состоянии превратить вихри страсти и ярость переживаний в попутные ветры творчества. Это чрезвычайно актуально, поскольку люди постоянно рвут себя на части противоположными желаниями и надеждами.

Разъединяющая людей нетерпимость отомрет не сразу и не сама собой. Призраки врагов и нечистой силы не исчезнут, пока люди, верующие в добро и свободу, не исторгнут их из душ своих.

В практических делах по приближению эры Великого Гуманизма союзником этих людей будут человеколюбие, добролюбие и милосердие великих светских учений и великих религий — и далеко не в последнюю очередь — заветы буддийской философии.

ИНТЕРЕСЫ И СОВЕСТЬ

Я православный христианин. Не скажу, что верующий, но никогда не был и атеистом.

Какой-то загадочный инстинкт уберег меня от лекций, конференций, совещаний по атеизму, хотя это входило в обязательную программу анти-религиозной пропаганды режима.

В детские годы (а я родился и жил в деревне до призыва в армию в 1941 году) единственным судьей, когда речь шла об оценке тех или иных поступков деревенских жителей, был священник, пока последнего в нашем приходе не отправили в тюрьму. Одни священники оставляли добрый след, о них вспоминали, других — не очень жаловали.

Деревня была верующей, но не вся. Мама до кончины своей ходила в церковь, перед смертью успела исповедаться. Отец посещал церковь только по случаю крещения детей. Он был равнодушен к церковным обрядам, иногда поругивал священников за непомерные, на его взгляд, поборы по престольным праздникам. Потомственный землепашец, беззаветно преданный земле,

резкий в суждениях, но осторожный в решениях, в моей памяти он остался глубоко нравственным и справедливым человеком. Я всегда с нежностью и болью вспоминаю о нем.

В детстве по большим праздникам мама брала меня в церковь. Но однажды случился «детский мятеж». Мать дала мне ложку освященной в церкви воды и велела выпить. Я отказался, объяснив, что уже пионер, к тому же учительница сказала, что «святая вода» — сушая ерунда. За эту речь мама щелкнула меня по лбу той же ложкой, выплеснув воду на пол. Но вмешался отец: «Не трогай его, пусть сам решает, ему жить», — сказал он. Я учился во втором классе, но эти слова врезались в мою память на всю жизнь, хотя в тот раз выбор был не мой, а учительницы — Елены Сергеевны Моругиной.

Пусть человек сам выбирает свой путь и отвечает за свой выбор — именно эта нравственная позиция наряду с другими и привлекла меня в буддийской философии. Именно эта доминанта ответственной свободы человека и подвигла к тому, чтобы порассуждать об интересах и совести, о нравственности и политике в конце XX века, прежде всего в России.

Политика, особенно та, что вершится на острие мирового или национального развития, всегда имеет дело с условиями особыми, факторами уникальными, эмоциями напряженными, обстоятельствами противоречивыми. От нее ждут нового слова и подлинного лидерства, в том числе нравственного. Но это — иллюзия. Она, как правило, оборачивается ложью, независимо от изначального замысла.

Тысячи лет человечество живет во лжи, плавает в крови войн — захватнических, идеологических, религиозных, династических, но никто и никогда из правителей не отважился честно заявить, что он ведет безнравственную политику, что творит Зло. Напротив, все и всегда уверяли, божились, да порой и сами верили, что действуют честно и благородно, выполняя некую патриотическую волю своего народа. Идея взаимоистребления поднималась на уровень святости, доводилась до фанатизма. Ни христианское «не убий», ни буддийское «неприкосновенность жизни» не смогли уберечь людей от злодеяний их правителей.

Кровью залиты не только поля межгосударственных сражений, но в еще большей степени города и села, где происходили гражданские и этнические войны. Не было и нет режима, который бы не уничтожал людей.

Не раз и не два идеологические лакеи, обслуживающие те или иные интересы, пытались обручить аморализм с богоугодностью, но примирения так и не произошло, да и не могло произойти. Время лишь обостряло противостояние морали и политики.

Спор политики и морали — это спор интереса и совести. Он в принципе неподвластен каким-то догмам и заранее выработанным правилам. Каждый человек обречен решать его всякий раз сам и заново. Рецептов мало, да и годятся они главным образом для повторяющихся ситуаций и обстоятельств, в чем-то уже ставших рутинными, привычными.

Да и можно ли вообще примирить мораль и по-

литику не в ущерб морали? И нужно ли это делать? Не бесплодное ли это занятие в принципе? Не рискуем ли мы расплатиться за нее, как и за крах многих иных иллюзий в прошлом, лишь новыми страданиями, духовными потерями, нравственной деградацией?

Конечно, жизнь гораздо сложнее любых риторических вопросов. Взаимосвязи политики и морали весьма многообразны, порой очень причудливы и неуловимы, часто ходят по краю пропасти или скользят по лезвию ножа. В своих походных ранцах политика и мораль всегда носят с собой позор и славу, поражение и победу.

Даже в безнравственной в целом политике XX века можно увидеть просветы нравственных деяний. Реформы Витте и Столыпина диктовались экономическими причинами, но нельзя не видеть в них тревоги и боли за Россию, которая остро нуждалась в модернизации.

Очевидные черты нравственности я вижу и в политике перестройки, бросившей вызов режиму физического террора и властного произвола. Свобода слова и свобода выбора положили начало эпохе нравственного очищения и оздоровления.

Возьмем пару примеров из периода второй демократической волны — после августа 1991 года. Реформа Гайдара по либерализации цен в краткосрочном плане абсолютно безнравственна. Она административным путем отняла у людей сбережения, что ударило по их жизненному уровню. Но, во-первых, в условиях надвигающейся экономической катастрофы у Гайдара не было другого выхода. Во-вторых, реформа вернула в экономическую жизнь реальный рубль, без чего ры-

ночная экономика невозможна. Иными словами, с точки зрения будущего России и ее народа, ценовая реформа глубоко нравственна. Приватизация по Чубайсу также вызывает споры. Многие называют ее холодной, жесткой, сеющей безработицу и т.д. Но эта реформа вернула стране и человеку право на частную собственность, что и вернет Россию в мировую цивилизацию.

I.

Наверное, в принципе не так уж трудно нарисовать такую лубочную картинку политики, в которой и нравственность, и политика, и связи между ними изображались бы как в воскресной школе. Здесь нет иронии — в воскресных школах давали добрые советы. И, наверное, такая картинка была бы, по крайней мере, благонамеренной и утешительной. Но можно с уверенностью утверждать, что попытка осуществить сказочную схему на практике наверняка потерпит неудачу. В противном случае сама проблема нравственности в политике давно бы исчезла.

И все же, видимо, есть основание говорить о том, что настойчивый и непрерывный призыв к душе и совести — не бесплодный идеализм и не политическая наивность. Призыв этот встречает поддержку, порой приносит и результаты — пусть и более скромные, чем хотелось бы, а выраженные в нем требования претендуют на то, чтобы стать постепенно нормами политической культуры.

Последовательной нравственной политики как

таковой история еще не знала. Нравственные конкретные деяния, поступки были — их немало. Но чтобы политика государства была последовательно нравственной — такого еще не было.

Нам, россиянам, крепко «повезло»: мы наблюдаем парад безнравственности и безостановочную утрату совести почти целое столетие. Хотя исключения очевидны, об этом я написал выше.

Безнравственность, которая царствовала в России при сталинском режиме, оставила за собой выжженную жизнь. Выжженную в прямом смысле — в войнах и конфликтах. Выжженную психологически и морально — искалеченные души, звериные социальные отношения, демографические уродства. Выжженную генетически — наследственность получила мощный заряд негативных импульсов, поражающих новые поколения. Российские революционные радикалы остервенело топтали Бога, ибо он мешал им строить свой, особый мир — мир человеческих страданий.

В результате, как только на землю России пришла свобода, немало людей оказались полностью готовыми открыто принять аморализм в качестве образа жизни.

Порывать с прошлым всегда трудно, невероятно трудно. В нынешние годы российского разлома человек, как правило, всячески увиливает от того, чтобы всмотреться в самого себя, поискать ответы в самом себе. Скажу больше — он боится самого себя, ибо там, а не во вне гнездятся его радости и мерзости, добрые и злые намерения.

На мой взгляд, в последние годы христианская мораль ограничивает интересы людей пределами кратковременных измерений, повседневными по-

требностями, мало размышляя о смысле жизни, смысле будущего, хотя именно в этом и проявляется ответственность перед временем и ценностями, которые суждено представлять тому или иному поколению в исторически обозримый период.

Причудливость противоречий века порождает мозаику явлений и взаимосвязей в надстроечной структуре, особенно в ходе постоянного столкновения традиционализма и динамизма в сфере общественной мысли и индивидуального сознания.

Страстям, бурлящим в общественном котле, который постоянно угрожает взорваться, не выдержав давления человеческой конфронтации, не видно конца. Борющиеся стороны питаются этой конфронтацией. Сегодня христианская, мусульманская, иудаистская религии стремятся найти пути примирения между людьми и народами, хотя еще недавно они активно участвовали в противоборстве политик. Достаточно вспомнить инквизицию, религиозные войны, расколы, жесточайшую борьбу за власть. Отголоски, подчас громкие, слышны и сегодня. Нетерпимость, борьба с инакомыслием, мессианский фанатизм, неприязнь к реформаторству, претензии на абсолютную историческую правоту — все это еще не прошло, все еще живет.

Буддийская философия в своем развитии тоже, конечно, не обошлась без крайностей. Взять хотя бы борьбу между гедонизмом и аскетизмом, между разными образами жизни и мышления. Но все это происходило мирным путем, через свободное прояснение Истины. Тысячелетние дискуссии привели к относительному согласию на основе отрицания крайностей и признания срединного

пути, т.е. здравого смысла. Причем без единой капли крови.

Бесконечная борьба в еврохристианской цивилизации между традиционализмом и динамизмом, причем борьба до полного поражения оппонента, выглядит, если посмотреть на нее через принципы и опыт буддийской философии, весьма неприглядно, ибо пронизана эгоизмом и корыстью. Буддизм не отрицает традиции, наоборот, опирается на традиционные ценности, но в то же время он постоянно сверяет свое мировоззрение с жизнью, с ее дыханием. Я бы назвал современный буддизм «динамическим традиционализмом».

Русская политическая культура обожает крайности, болеет революционаризмом, насыщена борьбой, столетиями различные партии и движения до хрипоты пытаются доказать истинность только своих взглядов. Нам, русским, скучно договариваться, наша спесь не позволяет соглашаться с иной точкой зрения, гордыня мутит разум. Слишком часто все это оборачивалось кровью.

А что сказать об отношении человека к себе подобному? Здесь тоже не найдена та мера Терпимости, которая порождает Мудрость, то спасительное чувство Самоуважения, которым питается Достоинство.

Холодная война позади. Ядерная угроза, огрызаясь, отползла в сторону. И хотя она не исчезла, сегодня лично мне куда более грозной представляется иная опасность. Точнее, принципиально иной источник новой опасности, идущей от безнравственной политики.

По мере того как мир все плотнее набивается новыми технологиями, жизнь и здоровье общества и природы все сильнее зависят от того, насколько совершенны и чисты эти технологии, от того, как они используются. Человек духовно нищий, граждански безответственный, не обладающий чувством достоинства, даже не желая того, способен своими действиями или бездействием спровоцировать любые катастрофы — от локальных до всемирных. А на что способен в технологизированном и нравственно ущербном мире человек обозленный, обделенный социально или духовно?

Но проблема сегодня состоит не только в констатации, что политика не должна быть безнравственной. И даже не в том, чтобы предпринять максимум усилий для искоренения заведомо аморальных целей, средств, методов политики — как внутренней, так и внешней. Например, отказаться от войн и насилия, нарушений прав человека, шовинизма, национализма и прочего зла. Конечно, это необходимо. Однако все это — лишь приближение к вопросу: а что же такое нравственная политика в действительности?

Я бы сказал так: нравственной может быть признана лишь такая политика, которая не только ставит перед собой чистые цели и достигает их праведными средствами, но своими результатами — как материальными, так и духовными — повышает нравственный уровень общества, цивилизации в целом, ведет к созданию гуманистического общества через свободу и самосовершенствование самого человека.

XX век богат социальными начинаниями, ини-

циаторы которых в отдельных случаях субъективно руководствовались добрыми побуждениями. Но в отличие от предшествующих столетий XX век с его глобальной взаимозависимостью дал уникальную возможность проследить до конца и ход таких начинаний, и их издержки, т.е. дать более или менее точную оценку этим добрым или недобрым побуждениям. Например, кто заранее мог предположить, какую кровавую жатву соберет сценарий развития, начатый переворотом в октябре 1917 года? Сценарий, главным действующим персонажем которого была ложь.

Конечно, достойны осуждения насильственные действия, которые заведомо отрицают моральное начало, даже если намерения представлялись безупречными, хотя и утопическими. Российская трагедия октября 1917 года состоит в том, что революция поставила ловушку сама себе. Отношения между сферой нравственности и социально-историческим процессом оказались как бы перевернутыми: не практика нуждалась в нравственности, а сама нравственность реализовывалась в процессе борьбы за некий новый мир. Но, увы. Оказалось, что благо через насилие — наипервейшее зло.

Неверно утверждать, будто российские революционеры вообще отрицали всякую мораль, самую ее необходимость, хотя было немало и таких, кто считал мораль предрассудком. Однако практически мораль оказалась затоптанной политикой захвата и удержания власти во что бы то ни стало, политикой революционной целесообразности.

Подмена морали политикой действовала на ши-

роком поле: политика-идеал, политика-цель, политика-намерение. Все они отождествлялись с практической политикой. Не знаю, присутствовала ли здесь изначально злая воля. Вероятнее всего, совпали, наложились друг на друга теоретические заблуждения, авантюризм практики, горячая жажда власти, догматические оценки обстановки, психические отклонения Ульянова-Ленина и его фанатизм.

Провозглашенные возвышенные цели были отданы на откуп пропагандистским манипуляциям, а средства их достижения завораживали своей простотой и кажущейся эффективностью. Спекулятивные картины будущего храма счастья вели к опаснейшему социальному заболеванию — нравственной глухоте и слепоте. В итоге практическая политика обрела ореол святости, безжалостно деформируя мораль общества.

В оргии безнравственности участвовали не только новые начальники, но и самые широкие слои населения. Поджоги усадеб, разворовывание имущества, разгромы складов, разрушение храмов, публичные казни «золотопогонников» и священников, многие другие варварские деяния — все это творилось руками простых людей — рабочих и крестьян. Чудовищно, но подобное помутнение разума народа преподносилось как героизм, как проявление новой, коммунистической нравственности. «Безумству храбрых поем мы песню».

Социально-исторический опыт XX столетия настоятельно требует взаимодействия и сотрудничества нравственности и политики.

Но возможно ли это?

II.

По-видимому, оценка возможностей такого сплава должна начинаться не только с намерений, но и с прогноза вероятных результатов.

Какие средства будут применяться в предполагаемых реформах?

Когда новый курс проявит полезную эффективность?

Без ясного ответа на эти вопросы начинать новый политический курс заведомо безнравственно.

На протяжении столетий политика была способом и средством решения проблем вчерашнего и сегодняшнего дня. Такой была и перестройка, пытавшаяся решить проблемы, оставшиеся от февральской революции 1917 года, и устранить мерзости сталинизма.

Иногда мы, реформаторы, пытались заглянуть и в будущее. Но преимущественно на уровне пожеланий и устремлений, вытекавших из морали времени. Политика оказалась бессильной предвидеть свои отдаленные последствия. Мы еще не располагали необходимой информацией для такого предвидения. Кроме того, чрезвычайно трудно было освободиться от пут прошлого и признать правоту многих критиков сталинского социализма.

Политика перестройки имела свою специфику, которая наложила на все события и свою печать. В чем она состояла? В том, что мы не могли открыто сказать о наших далеко идущих намерениях. Вынуждены были говорить, что неизбежные экономические преобразования идут на благо социализма, о политических — то же самое. Мы

говорили о гласности и свободе слова — но о них, мол, и Ленин говорил. Прекращение холодной войны, разоружение — об этом воробьи на всех березах чирикали. Подобная же тактика — по всему фронту проблем.

И даже в этом лукавстве фундаменталистская номенклатура быстро уловила опасность, колебания тверди. С самого начала «хранителям идеологического огня» не понравились практические меры по развитию свободы слова и усиление критики сталинизма. Я лично делал упор именно на этих прорывных направлениях политики, понимая, что полное крушение Сталина смертельно подорвет саму систему, а свобода слова сделает возврат к большевистскому фашизму очень трудным.

Большевистский общественный строй был аморален абсолютно. Взять хотя бы идеалы и практику, слова и дела. Кажется, избитые штампы. Но если собрать вместе слова Ленина, Сталина, других вождей, решения пленумов и съездов партии, пропагандистские тезисы о свободе, правах человека, демократии, о мире и многом другом, что является фундаментом цивилизованного общества, то действительно захочется отдать жизнь за построение общества с такими идеалами. Сегодня-то мы знаем, что в жизни, на практике, все было совсем наоборот. Но и тут у большевиков есть отговорка. Оказывается, что террор, убийство миллионов, подавление любой мысли, кроме подхалимской, — все это делалось ради вышеуказанных идеалов, которые вот-вот осуществляются. Мерзость, не знающая границ.

У морали не было ни сил, ни духовных воз-

возможностей вырваться за эти пределы, интеллектуально воспарить над ними, хотя бы недолго пожить надеждами, основанными на реальной почве, нравственном идеале и духовном просветлении. Некоторые политики прошлого, оставшиеся в памяти народов как великие, потому и заслужили эту историческую оценку, что сумели вырваться из жестких рамок установившегося порядка вещей. Подобное происходило и в России — достаточно упомянуть императора Александра II, Витте, Столыпина. Я убежден, что история, отбросив в сторону несудорожности и невнятицы, оставит в своей вечной памяти и великий переход России к свободе, начатый перестройкой в 1985 году.

На авансцене современной политики — вопросы выживания, экологии, науки, культуры, социального положения людей. И политика не имеет права допускать здесь просчеты ни материального, ни нравственного характера. Причем если бы кто-то сумел взвесить, какие просчеты опаснее — материальные или моральные, — думаю, чаша весов склонилась бы в сторону моральных. Нынешняя властвующая элита в России этого пока не понимает.

Более тысячи лет славянские племена, народы Киевской и Московской Руси слепо поклонялись своим вождями и владыкам, а потом сиятельствам, превосходительствам, князьям, царям, императорам, генсекам и президентам. Вождей боготворили, надеясь на их способность нести людям счастье, уберегать их от бед и горестей.

Верили, что только некие особые люди из правящей элиты по никому не ведомым причинам

обладают тайнами жизнеустройства, только они могут облагодетельствовать людей. И, несмотря на самые жестокие и постоянные разочарования, люди продолжают верить, что лишь высокопоставленные по общественному положению личности, пусть даже заурядные по умственному развитию, смогут обеспечить движение общества к его лучшему состоянию.

Многоразовые итоги выборов в России еще и еще раз показали, что кризис политики и экономики гораздо глубже, чем это представлялось даже в достаточно мрачных, хотя внешне вполне трезвых оценках специалистов. Правящая номенклатура мечется в поисках выхода из тупика, в который сама себя загнала. А во время этих шутовских бегов за властью за порог бедности и нищеты переступают все новые и новые слои граждан. Правительственные программы выхода из кризиса остаются туманными и беспомощными.

Я очень огорчен, что нынешние экономические принципы вместо того, чтобы дать экономическую свободу, стали орудием экономических репрессий всевластного, но ни за что не отвечающего государства с его чиновничьей армией репрессий, направленных против общества и личности, против всякого инициативного человека.

Впрочем, фундаментальные невзгоды России идут не от реформ, пусть они и страдают болезнью Паркинсона. Беды от того, что реформы остановились на полдороге, именно это и может привести к смертельному исходу демократические преобразования.

В сущности, мы ползем к свободе через кана-

лизационную трубу. Старая военно-политическая номенклатура, пока отказавшись от тактики силовых мятежей, перешла к методам ползучей реставрации. Триада старой номенклатуры — моноидеология, моновласть и монособственность — разрушена. Но это вовсе не означает, что в государстве уже доминирует частная собственность, что практическая философия нетерпимости и неофашизма перестала существовать, что власть принадлежит народу. Дух бюрократического приспособленчества одержал победу и в новой номенклатуре. В результате фактическая власть перешла к чиновничеству с его психологией мздоимства, пренебрежения к людям и полного равнодушия ко всему, что не касается его, чиновника, лично. Быстро идет процесс бюрократического перерождения демократии, превращения ее в Демократуру.

Есть разные формы проявления прогресса. Само собой разумеется, что, не накопив за прошедшие века огромного опыта, знаний и богатства, человек не стоял бы сейчас на той ступени материального прогресса, на которую он поднялся к исходу XX века.

Духовный же прогресс в условиях кровопролитий и бедности не только забрел в тупик, но и вообще может остановиться. Понятно и то, что сам по себе материальный прогресс не обязательно сопровождается прогрессом духовным, более того, он может быть сопряжен при определенных условиях с нравственным упадком. Если, например, неизбежная глобализация жизни приведет к универсализации культуры, то всех нас, живущих на этой Земле, ждут тяжелейшие нравственные

испытания, связанные с деградацией культурных ценностей.

И тем не менее, если принять идею эволюционного развития единственно возможной в сфере духа, то естественно, что такое развитие измеряется прежде всего нравственными критериями. Не гениальными озарениями одиночек, не высшими моральными достоинствами отдельных людей, но тем, каков повседневный духовный облик общества, благородны ли отношения между людьми, насколько глубоко человек знает самого себя.

Любые материальные достижения общества превращаются в угрозу ему самому, когда им не сопутствует накопление нравственности. Сегодня это уже не банальная моральная сентенция, но установленный факт. Скажем, человечество в конце XX столетия достигло головокружительных высот в технологии, но никак не может отказаться от варварского образа жизни: человек продолжает убивать человека. В конце концов все должны понять, что христианское «не убий» и буддийская «неприкосновенность жизни» как раз и являются основополагающими критериями цивилизованности.

Всем нам до боли знакома формула: цель оправдывает средства. Эта формула родилась из веры, что благородство цели уже само по себе оправдывает любые средства. Она появилась также из-за неспособности понять, что чем выше цель, тем длиннее и сложнее путь к ней, тем больше на этом пути противоречий и поворотов. И тем вероятнее, что политика в повседневном ее исполнении неизбежно вступает в конф-

ликт с конечной целью, а этот конфликт дискредитирует саму политику и делает недостижимой саму цель. Именно так и произошло в Советском Союзе.

Однако и сегодня преступный принцип «цель оправдывает средства» продолжает исповедоваться. С одной стороны, теми, кто тупо устремлен к власти, движимый материальной и политической корыстью, а с другой — теми силами, которые сознательно делают ставку на консервацию когда-то сложившихся порядков, на возврат в «золотое», с точки зрения их интересов, прошлое, что также диктуется корыстью.

Но что же все-таки способно дать разумные нравственные и практические ориентиры там, где по причинам объективного свойства мы не обладаем пока необходимыми знаниями и прогностическими возможностями?

Да, политика должна задаваться сегодня вопросами, которые кому-то, вполне допускаю, могут показаться старомодными. Вопросами о Добре и Зле. И если политика не в состоянии ответить на них, то такая политика лукава, бесплодна и опасна.

Общечеловеческие ценности потому так и называются, что их сформулировали для себя народы, жившие в разных эпохах и разных условиях, по-разному мыслившие, верившие в разных богов, создавшие разные социальные системы. Эти ценности на протяжении многих столетий демонстрировали свою жизнестойкость, они помогли выжить народам, странам, цивилизациям, человеку. Они, эти ценности, прошли беспрецедентную по продолжительности и жестокости провер-

ку самой историей. Их беспрерывно топтали, а они работали. И потому они сегодня — надежный ориентир в обширных социально-исторических пространствах, особенно там, где беспомощны иные ориентиры и критерии. Потому-то и приходит вновь признание высочайшей значимости общечеловеческих ценностей в политике, приходит на качественно новом уровне знаний, опыта, понимания, которые дает нам конец XX века.

Общество невозможно вернуть в прошлое. Невозможно и остановить его развитие в какой-то даже самый радостный день его существования. В нравственном смысле, да и практически, вопрос может стоять только так: либо политика, почувствовав дыхание времени, сделает все, чтобы уменьшить издержки перемен, сделает все, чтобы по форме и результатам своим реформы были обращены к человеку; либо политика будет сопротивляться переменам, но в этом случае преобразования пойдут через кризисы, конфликты, кровь и новые страдания.

Сопротивление переменам чревато тяжелой ответственностью уже потому, что оно, повторяю, всегда и везде диктуется эгоистическими интересами, непомерными притязаниями на власть и обладание истиной бытия. Опыт России в этом плане является особенно показательным.

Российская Реформация в силу ряда причин — субъективных и объективных — не смогла увидеть грозную опасность большевистской контрреволюции, которая и вылилась в военно-политический мятеж августа 1991 года. До сих пор не пришло осознание того факта, что партия, созданная Лениным, является на деле уголовной, а потому ее

безнравственная и антинародная идеология подлежит запрету.

Воспользовавшись безвластием, все союзные республики, вслед за Россией, объявили о своей независимости. Таким образом, вместо одного государства образовалось 15 новых. И все это происходило, как правило, по инициативе фундаменталистских отрядов в самой коммунистической элите, сначала образовавшей отдельную компартию для России, а затем дружно проголосовавшей за суверенитет Российской Республики, что и положило начало хаотическому распаду СССР вместо «цивилизованного развода». Впрочем, рано или поздно, но крушение империи все равно состоялось бы. Вопрос в другом: в какой форме?

Безответственность большевистской элиты (старой и новой) проявилась и в том, что сначала была шумная кампания по дискредитации перестройки, а затем присвоение ее плодов. В этом приняли участие как старый партийный аппарат, так и новая номенклатура. В конечном счете российский опыт показал, что любая номенклатура аморальна.

III.

В политике моден популизм, охвативший сегодня и Россию, чаще всего — в карикатурной форме. Он тоже требует нравственной оценки. На мой взгляд, надо различать популизм как явление и популизм как способ борьбы за власть.

Популизм как явление — объективная реальность и в этой своей ипостаси как бы ускользает

от нравственной оценки. Здесь вмешиваются воля, совесть, мечта, осознанный выбор позиции. Это, в сущности, возможность выразить свои искренние взгляды, настроения, ожидания, требования, бескорыстные по своему характеру.

Популизм как средство борьбы за власть — это спекулятивное движение политика навстречу настроениям и ожиданиям толпы, причем такое, которое безжалостно расцарапывает общественные и личные болячки, паразитирует на предрассудках, на слепых эмоциях, демонстрирует жестокость к соперникам, манипулирует лживой информацией, дает обещания и обязательства, невыполнимость которых очевидна. В этом случае нравственная оценка не только возможна, но и необходима, ибо демагогический популизм обильно сеет ложь.

Иногда популизм изображают как некое «умиротворение» социального гнева, как стремление избежать худшего, снять напряженность. Думаю, это лукавое объяснение. Ибо невозможно умиротворить кого бы то ни было, апеллируя к предрассудкам, инстинктам, подкармливая нетерпимость, без всякого стыда раздавая обещания. Обман никогда и никого не умиротворял.

Принято считать, что популизм — одна из издержек демократии. Это и верно, и неверно. Верно потому, что демократические процессы и механизмы действительно открывают политическим спекулянтам определенные возможности для бессовестной игры на настроениях и низменных инстинктах, особенно в российских условиях, когда и сама демократия молода, структурно не-

совершенна, не обеспечена правовой защитой, малоопытна. Да и люди, уставшие от нищеты и бесправия, отягощенные бескультурьем, охотно верят любым обещаниям, особенно тем, выполнение которых не требует собственных усилий.

Но и это далеко не вся правда. Популизм существовал во все времена и в самых разных системах. Российской истории по этой части есть что вспомнить: достаточно назвать, например, роль популистского фактора в воцарении Ивана Грозного и Бориса Годунова, поражение Софьи в борьбе за престол с Петром 1. Да и в преддверии февральской революции и октябрьского переворота 1917 года популизм сыграл весьма заметную роль. А разве сталинизм не паразитировал на откровенно популистской идее о счастье за горизонтом.

Что такое популизм сегодня?

Это политика (особенно справа — со стороны большевизма), построенная в первую очередь на дискредитации противника, на обещаниях и лозунгах, а не на мысли, анализе и убеждениях.

Это политика, обращающаяся не к разуму, а к страхам, обидам, разочарованиям человека.

Это политика, рассчитанная на умственное иждивенчество своих сторонников, а не на их самостоятельность, критичность суждений и позиций, инициативность действий.

Это политика, вскармливающая опасные иллюзии о возможности простых решений сложнейших проблем.

Это политика, которая постоянно ищет виновных, ведьм, врагов, агентов влияния, подпитываемая всяческие психозы.

В нашем обществе долгое время насаждалась психология завышенных ожиданий и прямолинейных, простых решений. Мы, граждане России, и без того — пленники Судьбы, рабы и жертвы Судьбы. Мы верим в нее, верим, что сладкие грезы и пустые надежды обязательно сбудутся сами собой. Но грезы и пустые надежды — пища бездельников и болтунов.

Нынешние носители идей большевизма, как и их предшественники, уже побывавшие у власти, снова раздают обещания — направо и налево. Обещают все: и «райские кущи», и «кисельные берега», и «небо в алмазах», закладывая тем самым мины замедленного действия под свободное развитие общества.

Вот почему я утверждаю: популизм — это кухня, фирменным блюдом которой может быть только диктатура. А меню включает и социальную напряженность, и правовую анархию, и экономическую разболтанность, и нравственную вседозволенность, и преступную безответственность. Подобные блюда способны отравить любое общество. В российских условиях — это верный путь к гибели. В больном обществе спрос на демагогию особенно высок.

Свобода в Россию пришла как бы нечаянно и по инициативе «сверху», она многих застала врасплох. Порядочные и опытные люди, которые хотят быть политически активными, но чрезмерно осторожны по характеру, по воспитанным в них навыкам недоверия, поначалу просто выжидали, опасаясь, а не повернется ли все вспять. Другие, более рискованные и деятельные, оказались перед драматическим фактом, когда стремление к де-

мократической самоорганизации рвалось наружу, но наталкивалось при этом на дефицит идей, программ, структур, активистов и руководителей.

Полагаю серьезной ошибкой, что в начальный период преобразований не была оказана поддержка нарождавшейся демократической оппозиции, основанной на здравом смысле. На это надо было пойти, разумеется, никому ничего не навязывая, ничего не создавая искусственно, на основе полной добровольности. Но догматизм властвующей верхушки вновь затормозил процесс демократизации.

Я помню, какое негодование охватило правящую верхушку КПСС, когда группа коммунистов предложила «Демократическую платформу». В ней не было «подрывных положений» или планов отлучения КПСС от власти. Были изложены в мягкой, лояльной форме элементарные принципы демократического развития самой партии. Лидеры «Демплатформы» Вячеслав Шестаковский и Владимир Лысенко надеялись, что их предложения приведут к позитивным изменениям в партии. И снова типичный российский парадокс: демократически настроенные и честные коммунисты пытались реформировать партию, чтобы спасти ее, а ортодоксы упорно вели ее к гибели.

Вопрос о «Демплатформе» оказался в повестке дня Политбюро. Надо было видеть ярость членов правящего партийного аппарата и присутствующих на его заседании. В словах не стеснялись.

Я попытался что-то сказать в защиту этих предложений, обратить внимание на искренность авторов платформы. Меня особенно возмутило то

обстоятельство, что появившиеся в это время в Ленинграде так называемые «инициативники», выступавшие с оголтелых, сугубо ортодоксальных позиций, не встретили особых возражений, они считались «своими» (теперь, по истечении времени, надо признать за «инициативниками» большую историческую заслугу в деле развала партии).

В конце продолжительного обсуждения было принято постановление, осуждающее «Демплатформу». При редактировании текста, которое было поручено Вадиму Медведеву, удалось смягчить некоторые особенно нелепые формулировки, но, несмотря на это, постановление вошло в историю как крайне реакционное решение, затвердившее каменную неподвижность партийной идеологии и политики.

Для меня это заседание сыграло в известной мере роль поворотного характера. Его дух, настрой, стиль, нежелание заглянуть хотя бы за краешек догм, приверженность принципу «тащить и не пущать», политическая глухота и слепота как бы сообщали об ускорении агонии КПСС, неизбежности ее краха.

Как следствие, самоутверждение и развитие демократических сил оказалось крайне болезненным, оно приняло нездоровые, подчас опереточные формы, что снижает жизнеспособность российского парламентаризма.

IV.

Сегодня в России идет крутой разговор о падении и потере нравственности всего общества. Разговор этот пустой, ибо не хватает честного

признания, что нравственность общества складывается из нравственности каждого. Можно без конца рассуждать о том, способствуют или противодействуют общественной морали те или иные социальные, политические, экономические структуры и механизмы. Понятно, что тут еще завалов на десятилетия расчистки. Но в конечном счете любая организация общества заболевает или выздоравливает только через человека, через его духовность. И в этом отношении буддийские философы совершенно правы.

И главный контролер на пути к возрождению, к гуманистическому обществу — совесть человека. Это самое удивительное и загадочное явление, делающее человека человеком. Это чувственное послание сердца, милость сердца, родник интуиции, кладовая честности, внутренний колокольчик, одобряющий поступок человека или осуждающий его.

Совесть не заменит никакой контроль со стороны — ни страх, ни государство. Особенно тогда, когда человек оказывается перед необходимостью серьезного личного решения — касается оно непосредственно его или же судеб страны, мира. Вот здесь-то и обнажается «нутро человека», его духовная суть, место нравственности в структуре стимулов к действию.

В этом контексте очевидна истина: если человек не будет стремиться к личному нравственному самосовершенствованию, если он надеется только на общественные средства контроля и давления, — общество никогда не станет нравственным. Кнут рождает не только подчинение, но озлобленность и лицемерие. Государственный

пряник способен побудить к соблюдению правил поведения, одобряемых властями, но вместе с этим — породить жадность, черствость, стяжательство.

Нет, далеко не только интересами движется жизнь. Конечно, не видеть интересов, отрицать или унифицировать их значило бы запутаться в ошибках. Но жизнь, построенная вокруг одних интересов, — джунгли, в которых хорошо себя чувствует только насилие. Это жизнь, в которой нет места свободе, миролюбию, доброте, состраданию, милосердию, альтруизму. Это общество голого рационализма, который с легкостью способен принимать любые идеологические и бюрократические обличья.

Знание, интересы, мораль — вот три кита, на которых держится мировое общественное сознание, а тем самым и человеческое поведение.

Кто впереди, кто по бокам в этой тройке — интересов, знаний и нравственности? Поставим коренником знание — рискуем оказаться в мире отрешенности от жизни, в мире задогматизированного, фанатического сознания — даже наука рождает подчас фанатизм, а она не единственная форма добывания знаний. Поставим во главу угла интерес — рискуем одичанием, озверением, катастрофой — духовной и материальной. Пропитаем интерес и знания нравственностью — получим отличную упряжку для путешествия по лабиринтам жизни, по трудным дорогам к гуманизму.

Сегодня очень часто можно слышать, что аморализм пришел в общество вместе с демократией. Особенно залихватски пляшут на этом тезисе

большевики. Их можно понять — им как-то надо создать дымовую завесу для прикрытия своего преступного прошлого.

Я не собираюсь сейчас писать о сталинистском варварстве — это особая тема. Хотел бы только привести пару-тройку примеров об экономической твердолобости некоторых представителей верхнего эшелона власти уже в перестроечное время.

Начать с того, что Михаил Горбачев не сумел создать «свою команду» — команду демократических реформ, за что и расплатился полностью, и не только он.

Когда начиналась перестройка, лично я возлагал большие надежды на то, что Запад, освободившийся от колоссальных затрат на военное противостояние, найдет необходимым облегчить тяжелый переход России от тоталитаризма к демократии. Я имел в виду прежде всего вступление России в мировое экономическое сообщество в качестве равноправного партнера, инвестиции в конверсию военного производства, в модернизацию легкой и пищевой промышленности.

Но этого не произошло. Верх взяли экономические соображения, замешенные на эгоизме. Я был не только удивлен, но расстроен и разочарован. Однако на первых порах, ослепленный восторгом от демократических перемен, я не сразу сообразил, что возможные инвестиции могут тормозиться не только определенными силами Запада, но и хаосом в СССР, который порождал неуверенность. В любую минуту мог произойти срыв назад, в старую зловонную яму, что и подтвердили военно-фашистские заговоры в 1991 и

1993 годах. Запад помнил об отказе Ленина платить царские долги.

Правительства и промышленные структуры Запада просто боялись попасть впросак. Что подобное могло произойти, я готов подтвердить примерами. В свое время Михаил Горбачев договорился с канцлером Германии о предоставлении более 3 миллиардов немецких марок в кредит на модернизацию легкой и пищевой промышленности.

Прошло какое-то время. Ко мне на прием (в то время я был членом Политбюро) попросился президент «Дойче банк» Кристиансен. Он спросил, нельзя ли узнать, куда подевались кредитные деньги. При этом рассказал следующую историю.

Когда был решен вопрос о кредите, немцы предложили отобрать по 250 предприятий с обеих сторон — передовые немецкие и устаревшие советские. Вывести предприятие на предприятие, договориться об объеме и характере работ, после чего «Дойче банк» откроет финансирование. Имелось в виду, что через год советские предприятия начнут работать по новой технологии. Такой подход был одобрен министром иностранных дел Германии Геншером, но председатель советского правительства Николай Рыжков посчитал, как сказал мне Кристиансен, подобную схему вмешательством во внутренние дела СССР.

Так где же деньги?

Я не занимался экономикой и ничего не знал об этой истории, но все же позвонил Горбачеву и сказал ему, что у меня здесь Кристиансен. Михаил Сергеевич знал его и сказал: «Заходите».

Мы поднялись на этаж Горбачева. К нему в

кабинет я зашел один, чтобы предварительно рассказать о состоявшейся беседе. Горбачев позвонил Рыжкову — того не оказалось на месте, первому заместителю Рыжкова Льву Воронину — то же самое. На работе оказался только Степан Ситарян. Горбачев спросил:

— Где деньги?

— Не знаю, — ответил Ситарян. Я не был допущен к этому кредиту.

— Но как ты сам-то думаешь?

— Я думаю, что раздали по республикам, подкормили ВПК, да заткнули некоторые дырки в экономике.

Разговор закончился. Все ясно. Неприятно и грустно. Горбачев пригласил Кристиансена, надел на лицо улыбку и сказал собеседнику, что он лично контролирует расходование кредита, а затем перешел на общие темы — разговаривать на них он был большой мастак. Кристиансен ушел удовлетворенным.

Этот эпизод говорит о многом. Во-первых, Николая Рыжкова интересовала не кардинальная перестройка экономики, а ремонт советского строя. Во-вторых, эта история еще раз подтвердила, что Михаил Горбачев не любил заниматься конкретными делами, даже такими, как этот кредит, от которого, возможно, зависела судьба политики экономических преобразований.

Еще пример. Меня в разное время посетили делегации Израиля, занимающиеся экономическими вопросами. Глава первой делегации предложил продать нам любое количество автоматических пекарен, причем по сниженным ценам. Такой шаг он объяснял желанием помочь России. Я довел предложение до сведения прави-

тельства и властей Москвы. Все утонуло в чиновничьих столах.

Другой министр предложил продать зернохранилища разных емкостей и на тех же условиях, что и пекарни. Я направил чертежи и все данные об условиях сделки Егору Лигачеву. Он сказал, что предложение интересное. На этом все и закончилось. А продавали их за полцены, да еще с предоставлением кредита.

Тяжелую историю имеет проблема конверсии. Не один раз она обсуждалась на Политбюро и на Президентском совете — и все без толку. ВПК крутился как на сковороде, но устоял. Расходы на вооружение оставались почти теми же, что и раньше. Бездействие в области демилитаризации нанесло огромный ущерб темпам демократических преобразований.

Система сопротивлялась всеми силами и на всех уровнях, демонстрируя аморализм в действии. Осознанно или инстинктивно — не знаю. Скорее, по инерции наследственной исторической безответственности и заинтересованности милитаристов в производстве вооружений.

V.

Итак, в концептуальном плане нравственная политика представляется вполне возможной. Жаль терять надежду и на то, что интересы, удовлетворяемые через войны, грабежи, убийства, через аморализм власти и т.д., можно умирить, остановить, вызывая к совести и закону.

Для нас, романтиков реформ середины 90-х годов, было понятно, что трансформация обще-

ства или приближение к ней могут стать реальностью только в условиях свободы. Именно это грело наши души. Лично я видел в свободе спасение страны и возможность ее выхода на новые принципы бытия, нравственные принципы.

Говорят, что прогрессивные начинания провалились. Виной тому одни считают нерешительность Горбачева, другие — радикализм Ельцина, а большевистская оппозиция, накачивая сознание людей катастрофизмом, причины сложившегося положения видит в подрывной деятельности сатанинского Запада, действующего через «агентов влияния». К ним относят и меня. Других аргументов у них просто нет.

Да, положение не назовешь легким, но и трагическим его назвать нельзя. Иногда шутят: «Положение хорошее, но не безнадёжное». Общими усилиями ушла в прошлое холодная война. Обретаена свобода слова и совести, узаконена частная собственность, прекращены политические репрессии, ликвидированы система моновласти, монособственности, моноидеологии и многое другое. И грешно не помнить об этом.

Я не буду сейчас писать о вещах очевидных, об ошибках власти, о разгуле аморализма, о некомпетентности служилого люда и прочем, что в известной мере ожидалось. На самом деле, откуда взяться новому чиновнику, да еще профессионалу, да еще с совестью?

Возможно, это особая черта переходного постдиктаторского периода, когда весенние воды перемен выбрасывают на поверхность самую мыслимую и немыслимую мразь. Поэтому и во власть очень часто втираются прежде всего наи-

наглейшие, откровенно невежественные и демонстративно некомпетентные люди. Остается надеяться, что все это пройдет, а история наконец-то смилостивится над народом России.

Хотел бы порассуждать о другом — о некоторых последствиях свободы, неожиданно свалившейся на голову России при равнодушии основной массы населения. События породили чисто российский парадокс: свобода есть, а свободы нет. С одной стороны, можно критиковать власть, ходить на митинги, создавать любые партии, а с другой — воздух свободы какой-то спертый, в нем продолжает витать страх. Инициатива людей, особенно экономическая, находится в полузадушенном состоянии. Свободного общественного контроля деятельности власти как не было, так и нет.

Когда наступила пора гласности (и не надо изображать дело так, что она пришла в результате героических усилий прессы, хотя претензий на подобный героизм появляется все больше и больше), я отчетливо понимал, что свобода информации, обнажив сущностное содержание диктаторского строя, откроет людям глаза.

Так оно и вышло. Но то, что происходит сегодня, меня очень тревожит.

Серьезную озабоченность вызывают угрозы и практические действия антиреформаторов, направленные на то, чтобы принудить средства массовой информации плясать под музыку политических кликуш. Мне есть что вспомнить на этот счет. Почти на всех Пленумах ЦК КПСС, чему бы они ни были посвящены, заунывно звучала одна и та же нота: печать распустилась, ис-

кажает работу партийных органов, подрывает авторитет власти, а мер против подобных «злодеяний» журналистов никаких не принимается.

Сегодня антиреформаторы прекрасно понимают, что исчезни из нашей жизни свободное слово хотя бы на месяц-другой, политическая реставрация неизбежна, причем в самых уродливых формах.

Вспомним: первое, что сделали большевики после захвата власти в октябре 1917 года, — закрыли неугодные им газеты.

Ненависть фашистов и большевиков к свободному слову вполне органична и объяснима. Гораздо опаснее сегодня другое — то, что многие демократически ориентированные средства массовой информации теряют доверие в демократической прослойке общества.

Как ни парадоксально, электораты голосующих за большевистствующих и фашиствующих политиков и толпа читающих «желтые» газеты, смотрящих «черные» передачи, жаждущая новых разоблачений, постепенно смыкаются друг с другом. Это одна и та же люмпенизированная и оболваненная масса, потомки тех, кто в старину «гулял» по приволжским землям, кто жег помещичьи усадьбы, кто громил военные склады, устраивал еврейские погромы, кто видел в грязных доносах свой патриотический долг, для кого разрушение — жизненная стихия, источник личного «счастья».

После того как прогрессивные средства массовой информации и наиболее талантливые журналисты, опираясь на общественное мнение, расчистили дорогу для новой волны демократов об-

разца 1991 года, они очень быстро оказались в очень трудном экономическом положении. Самоупоение близостью к власти быстро прошло. Проблема экономического выживания начала душировать романтику свободы.

В борьбе с тоталитарным строем демократическая пресса боролась за поправленные права всего советского народа. Теперь же, оказавшись под пятой «диктатуры тиража», она сама стала, наряду с правительством, нарушителем прав личности.

Более того, одна часть журналистов наперегонки бежит к власти, вымаливая у своих недавних выдвиженцев разного рода поблажки, другие на карачках ползут к оппозиции, чтобы успеть загодя первыми станцевать вальс лояльности — так, на всякий случай. Третьи торопятся «отстрелять» наиболее заметных представителей демократии, чтобы будущие власти по достоинству оценили их «дальновидность». Четвертые начали тосковать по старым временам, вплоть до того, что упрекают видных деятелей из демократического лагеря даже в том, что они разговаривают с иностранцами «без санкции» (видимо, контрразведки) и без переводчиков, т.е. «бесконтрольно». Пятые охотно печатают статьи и книги бывших работников того самого управления КГБ, которое занималось инакомыслящими. Это как раз те, кто только из-за бездействия и слабости властей ушли от уголовной ответственности за фальсификацию дел на инакомыслящих, в результате чего многие действительные патриоты Отечества оказались в психушках, тюрьмах и лагерях.

Демократическая пресса бездумно подставляет

себя для претензий и обид, не особенно заботясь о проверке так называемых компроматов. Но не эта сторона деятельности прессы волнует сегодня законодательную и исполнительную власть. Законодателям не нравится, когда они появляются на экранах телевидения спящими, дерущимися, ковыряющими в носу. Кто же виноват в этом? Конечно, журналисты. А потому решено: отныне бурная законодательная деятельность законодателей будет показываться народу чиновниками Думы, т.е. проходить цензуру.

Исполнительная власть тоже начала «обижаться» на газеты и телевидение, запамятавав, к чему приводили в прошлом разного рода попытки заткнуть рот прессе.

Если демократия еще не совсем потеряла слух и зрение, она не может протанцевать мимо этих тревожных сигналов.

Меня лично сильно подводила (и не один раз) склонность к романтическим, идеальным оценкам. Например, активно участвуя в российской Реформации, в движении страны к свободе, я был уверен, что альтернативные выборы и другие демократические процедуры автоматически выдвинут в законодательные и исполнительные органы людей достойных, честных, компетентных, нравственных. Исчезнет душная атмосфера страха, двуличия, лжи, единомыслия.

Оказалось, что многие политики, рвущиеся к власти, независимо от их идейной ориентации, — весьма специфические представители мира двуногих. Те или иные взгляды для них — пустяк, всего лишь средство в борьбе за власть. Если назначат на должность, то готов быть хоть

демократом, хоть фашистом, хоть просто начальником стула у входной двери властного подъезда — кем хотите, лишь бы огрызочек власти достался.

Именно подобная трагикомедия случилась с законодательной властью в России. Порой создается впечатление, что большинство в российском парламенте умышленно превращает законотворчество в клоунаду, дабы скомпрометировать демократию и ускорить и без того надвигающуюся реставрацию.

В деятельности законодательной власти торжествуют демагогия, пустозвонство, практика привлечения к себе внимания через оскорбления и унижения других, пренебрежение к законам и элементарным нравственным принципам. Такой путь возбуждает в толпе инстинкты разрушения, вражды, насилия, культивирует и размножает социальную нетерпимость — эту чуму XX века, поразившую многие страны и народы.

Я был уверен (и это мое другое заблуждение), что реформация, начавшаяся в 1985 году, покончит со всесильной бюрократической машиной большевизма, что в условиях демократии чиновник окажется, воспользуясь образом Франца Кафки, «жуком, перевернутым на спину». Ему останется только лапками сучить, да грехи отмаливать.

Но не тут-то было. Вышло по-другому, скорее, наоборот. Чиновник, презирая законы, взял всю полноту власти в свои руки. Правит бессовестно и бездарно, но достаточно успешно при этом подгрызая корни еще хрупкого деревца, называемого свободой. Чиновнику нужны

совсем другие свободы — свобода воровать, свобода унижать людей, свобода от всякой ответственности.

Наконец, несколько слов о такой деликатной сфере, как свобода совести. Перестройка с первых дней взяла курс на духовное возрождение, связанное с религиозной деятельностью. Мы, как известно, сделали крутой поворот в религиозной политике, прекратив всякие преследования церкви и священнослужителей. За время, пока я отвечал за эти вопросы в Политбюро, религиозным властям разных конфессий с благословения Горбачева были переданы более 1500 храмов, десятки монастырей и мечетей.

Я никогда не забуду, как мы с женой ездили в Оптину Пустынь (Калужская область) и в Толгский монастырь (Ярославская область). Оптина Пустынь — святое место для России — была запущена, везде битый кирпич, ободранные стены, выбитые окна, полное запустение. Насколько же мерзопакостной была та власть, направлявшая руки равнодушных бездельников и обезумевших от пьянства людей на разрушение российских святынь!

В Толгском монастыре была колония для детей, совершивших преступления. Только закоренелые злодеи типа Сталина могли пойти на разрушение ценнейшего памятника русской истории, известного еще со времен Ивана Грозного.

Честно говоря, набрел я на этот монастырь случайно. Искал подходящее помещение для организации школы реставраторов архитектурных памятников старины, и мне предложили посмотреть несколько зданий, в том числе и этот мона-

стырь. Когда я приехал туда, то понял, что будет кошунством, если не восстановить все здания монастыря, отдав их церковным властям. Министр внутренних дел СССР Александр Власов отнесся к этому проекту очень внимательно и в течение полугода освободил монастырские здания.

Я благодарен судьбе, что мне пришлось непосредственно заниматься такой деликатной проблемой, как религиозное возрождение. И совсем неважно, что дальнейшие события пошли по обычному русскому сценарию: сначала шумиха, потом неразбериха, после чего награждение к делу непричастных и наказание инициативу проявивших. Нынешние отцы церкви разных уровней нашли своих героев «спасения религии», теперь истово молящихся христиан — бывших атеистов.

Лично я считал передачу конфессиональной собственности в руки религиозных властей восстановлением элементарной справедливости. Но не только. Я надеялся, что с возрождением религиозной активности начнется и возрождение нравственности, духовности.

Не скажу, что полностью, но многие мои надежды, к сожалению, дали трещину. Немало священников на местах оказались просто жуликами, разворовывающими церковное имущество. Богословская теория и практика как бы застыли, не желая поступиться даже теми догматами, которые явно пришли в противоречие с жизнью. Нравственные проповеди не стали ведущими в деятельности немалого числа священников. Не может не вызывать удивления, что некоторые ду-

ховные пастыри идут на духовное сотрудничество с лидерами большевистской идеологии, подавая тем самым дурной пример короткой памяти своей пастве. Они как бы забыли, что патриарх Тихон предал анафеме власть антихриста, т.е. власть большевиков.

Многие граждане России, особенно из среды интеллигенции, ждут от церковных пастырей крутого поворота к нравственным ценностям и более взвешенного подхода к взаимоотношениям с властями.

Если подытожить сказанное, можно утверждать, что зерна большевизма снова прорастают и дают заметные всходы. Большевизм продолжает сеять нетерпимость, которая и без того глубоко въелась во все поры российского феодально-социалистического общества, в каждую его клеточку, она до сих пор дает о себе знать ежеминутно и повсеместно, в большом и малом. Впечатана в нас не только кровавыми событиями прошлого, но и затянувшимися драмами сегодняшнего дня.

Вдохнув глоток свободы, мы с ужасом обнаружили, что свободы для мудрости оказалось куда меньше, чем свободы для глупости. Что свобода необузданных страстей и безответственности действий заявила о себе куда громче, нежели свобода благоразумия и ответственности. Вот и приходится вести борьбу на три фронта — с наследием тоталитаризма, с нынешней диктатурой чиновничества и с собственным раболепием.

Как же действует власть в этой сумеречной атмосфере? Я опешил, когда услышал, что на уровне государства принято решение (в конце 1996 года) о том, чтобы считать день 7 ноября,

т.е. день октябрьского антинародного переворота 1917 года — истока реки крови — днем согласия и примирения. Я тоже за согласие, но на гуманистической основе, т.е. за то, чтобы объявить этот день Днем Скорби и Покаяния. А что касается примирения с идеологией тех, кто несет ответственность за смерть миллионов невинных людей, за поругание и отсталость нашей страны, то это настолько серьезный политический и нравственный вопрос, что решение его может быть легитимным только через всенародный референдум.

Но, возможно, речь идет о согласии и примирении внутри правящей номенклатуры. Если так, то там и нет особых разногласий. Старая и новая номенклатуры, особенно на местах, давно в обнимку ходят. Их логика развития одинакова, интересы — тоже.

Предположим, однако, что предлагается примирить власть с народом. Но это тоже невозможно, ибо власть не выполняет своих прямых функциональных обязанностей, на полдороге остановив реформы и отказываясь выплачивать пенсии и заработную плату. Феодалы-крепостники в России оставляли холопам хотя бы что-то на пропитание.

Впрочем, в несколько модернизированном виде подобное происходит и сейчас. Зарплату выдают в виде навоза, гробов, гвоздей, сена, мыла и т.д. Гроб вместо зарплаты — вот он, приговор власти, остановившей реформы, серьезный сигнал того, что диктатура в форме Демократуры стучится в нашу дверь.

Во всей этой затее с примирением и согласием

я вижу попытку решить политические вопросы за счет морали, в ущерб нравственности, попытку, обручив воробья с коршуном, удержаться у власти как можно дольше.

Когда политика пожирает нравственность, демократия обречена. Безнравственный призыв к примирению — признак слабости, а не силы.

В чем же все-таки коренная причина нынешних неурядиц, неопределенностей, половинчатых решений, неуверенности? В чем корень кризиса, поразившего нас?

Я вижу их в двоевластии демократии и большевизма.

Демократия топчется на месте. Большевизм собирает силы.

Новый прорыв к обществу свободы может быть осуществлен только на базе всесторонней дебольшевизации России, освобождения от уголовной наследственности тоталитарного режима.

Исходя из этого, 21 августа 1996 года я обратился к российской и мировой общественности, к Президенту России, Конституционному суду, Правительству, Генеральной прокуратуре, Федеральному собранию с призывом возбудить преследование фашистско-большевистской идеологии и ее носителей.

Большевизм не должен уйти от ответственности за государственный переворот в 1917 году и начавшуюся вслед за ним политику «красного террора».

Большевизм не должен уйти от ответственности за развязывание братоубийственной гражданской войны, в результате которой была разрушена

страна, а в ходе бессмысленных и кровавых боев убито, умерло от голода, эмигрировало более 13 миллионов человек.

Большевизм не должен уйти от ответственности за уничтожение российского крестьянства. Были попорчены нравственность крестьянской России, ее традиции и обычаи. Производительные силы деревни подорваны настолько, что и сегодня страна закупает прокормление за рубежом. До сих пор власти не отдают крестьянам землю. В наши дни думские большевики упорно блокируют решение земельного вопроса, понимая, что без этого любые реформы обречены на провал.

Большевизм не должен уйти от ответственности за уничтожение христианских храмов, буддийских монастырей, мусульманских мечетей, иудейских синагог, молельных домов, за расстрелы священнослужителей, за гонения на верующих, за преступления против совести.

Большевизм не должен уйти от ответственности за уничтожение дворянства, купечества, корневой интеллигенции, офицерства, казачества, а также банкиров и промышленников.

Большевизм не должен уйти от ответственности за практику неслыханных фальсификаций, ложных обвинений, внесудебных приговоров, за расстрелы без суда и следствия, за истязания и пытки, за организацию концлагерей, в том числе для детей-заложников, за применение отравляющих газов против мирных жителей. В мясорубке ленинско-сталинских репрессий погибло более 15 миллионов человек.

Большевизм не должен уйти от ответственности за бездарное ведение войны с гитлеровским фа-

шизмом, особенно на ее первоначальном этапе, когда почти вся регулярная армия, находившаяся в западных районах страны, была пленена или уничтожена. И только стена из 30 миллионов погибших заслонила страну от иноземного порабощения.

Большевизм не должен уйти от ответственности за преступления против бывших советских военнопленных, которых из немецких концлагерей перегнали, как скот, в советские тюрьмы и лагеря. Практически все крупнейшие стройки СССР, называемые «стройками коммунизма», стоят на костях политзаключенных, включая бывших военнопленных. Ими сооружались химические заводы, урановые рудники, северные поселения и многое другое.

Большевизм не должен уйти от ответственности за зверское изгнание из родных мест в необжитые районы страны поляков, немцев, татар, чеченцев, ингушей, карачаевцев, корейцев, балкарцев, калмыков, турок-месхетинцев, армян, греков, гагаузов, эстонцев, латышей, литовцев, молдаван, западных украинцев. Сотни тысяч людей погибли в результате этих неслыханных злодейств.

Большевизм не должен уйти от ответственности за организацию травли ученых, литераторов, мастеров искусств, инженеров и врачей, за колоссальный урон, нанесенный отечественной науке и культуре. По преступным идеологическим мотивам были подвергнуты остракизму генетика, кибернетика, прогрессивные направления в экономике и языкознании, в литературном и художественном творчестве.

Большевизм не должен уйти от ответственности за организацию расистских процессов (против Еврейского антифашистского комитета, «космополитов-антипатриотов» «врачей-убийц»), направленных на разжигание межнациональной розни, на возбуждение низменных инстинктов и предрассудков.

Большевизм не должен уйти от ответственности за организацию преступных кампаний против любого инакомыслия. Все, кто рассуждал или писал не по его директивам, неотвратимо обрекался на тюрьмы, ссылки, спецпоселения, изгнание за границу, психбольницы, увольнения с работы, травлю в печати, другие изощренные издевательства над личностью.

Большевизм не должен уйти от ответственности за сплошную и всеохватывающую милитаризацию страны, в результате чего народ вконец обнищал, а развитие общества катастрофически затормозилось. До сих пор радетели большевистской милитаризации саботируют переход военного производства на гражданское.

Большевизм не должен уйти от ответственности за установление диктатуры, направленной против человека, его чести и достоинства, его свободы. В результате преступных действий большевистской власти погублено более 60 миллионов человек, разрушена Россия. Большевизм, будучи разновидностью фашизма, проявил себя главной антипатриотической силой, вставшей на путь уничтожения собственного народа. Эта неудержимо злобная сила нанесла немыслимый ущерб генофонду нации, ее физическому и духовному здоровью.

В этом обращении я призывал также ко всеобщему покаянию, без которого немислимо истинное возрождение нравственности.

Ответа не получил. Государственные органы промолчали. Группа большевиков из Думы обратилась в Генеральную прокуратуру России с требованием привлечь меня к судебной ответственности за попытку «замкнуть рот инакомыслящим».

Общественность, как и власти, оказалась глухой. Только две-три газеты откликнулись на мой призыв.

Сказать по правде, я чувствовал, что реакция будет именно такой, но мне важно было на деле проверить духовное состояние общества. Оно впало в равнодушие — самое гибельное явление российской действительности.

Равнодушие не только безнравственно, оно может погубить Россию, если человек не очнется от летаргического сна, в который он был ввергнут нечистой силой — большевизмом.

Но и то сказать, устала страна.

Столетие вражды и страха искалечило души людей. Форсированный переход к свободе породил растерянность и новые страхи. Сегодня очевидно:

Усталость народа. Она понятна и требует трезвой оценки. Необходимо чрезвычайно ответственно учитывать ее возможные социальные, политические и нравственные последствия.

Усталость элит — старой и новой. Одна потеряла былые опоры, прежний фундамент своего положения. Новая еще не обрела социальной базы, никак не может признать свободу как

единственную идеологию демократических реформ.

Усталость власти, измотанной естественными для переходного периода стычками, разборками, повседневными проблемами и кризисами, но еще более измочаленной своей же неспособностью установить отношения взаимопонимания, доверия и сотрудничества с гражданами, обществом в целом.

Усталость общественно-научной мысли, продолжающей, несмотря ни на что или вопреки всему, крутиться вокруг идеологических клише и представлений, давно угнездившихся в сознании. Свобода пока не привела к продвижению общественной мысли.

В обстановке подобной усталости возрастает вероятность прямолинейных и торопливых подходов, механических решений, простых схем. А также и вероятность внезапных вспышек, приступов истерии, беременных разрушительством.

Нравственной революции в России, судя по всему, ждать еще долго.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Плакун-трава, плывущая напротив воды*

Духоборы (борцы за духовность) — поразительное явление. Где-то далеко от России, на другой половине земного шара, на западе Канады, на приграничных с Соединенными Штатами землях живет община русских людей, добрых, трудолюбивых, бережно хранящих язык и традиции своей родины, которую они с болью покинули еще в конце прошлого века.

На Зло отвечать Смирением, плохого человека убеждать добросердечием. Жить по законам веры и совести. Духоборы остро чувствовали несправедливости жизни, но не борьба была их судьбой. Они вполне искренне верили, что только возврат к нравственным устоям раннего христианства спасет человечество от войн, конфликтов и морального распада.

I.

Гонимые ветром судьбы, преследуемые властью и ударами трагических потерь, эти упрямые люди, пусть порой наивные в своих суждениях,

*Написано в Канаде в 1980—1983 гг., когда я работал в этой стране послом СССР. Впервые опубликовано а 1984 г. в журнале «Дружба народов». Печатается с некоторыми незначительными сокращениями и поправками.

пронесли через все испытания живую душу непокорного характера, непримиримость к обману, фарисейству и насилию, непреклонное неприятие милитаризма. Духоборы иносказательно называли себя *Плакун-травой, плывущей напротив воды.*

Вдохновенные слова написал в 1909 году о духоборах В.Д.Бонч-Бруевич:

«Ужас леденит сердце, когда читаю я эти простые, эпические повествования, эти записи, в которых поведали они свое горе-злосчастье, перенесенное ими в жестокое время экзекуций, сопровождавшихся не только избиением, телесным наказанием для мужчин и женщин, поборами и грабежами, но и ужасным позором гнусных насилий над девушками, женищинами и матерями. В какую бесконечную глубину отчаяния должны были бы повергнуться они, если бы не спасала их твердая убежденность в своей безусловной правоте, если бы не окрыляла бы их радостная надежда, что когда бы то ни было, хотя для отдаленных поколений их «избранного духоборческого рода», придут времена счастья, доли и свободы? Сознавая себя предтечами этой «новой жизни», тем «камнем коренным», на котором строение лучшего, счастливого будущего, — духоборцы безбоязненно и твердо становятся на путь страданий — этого своеобразного высокого общественного служения современных поколений».*

Трудно не восхититься жизнестойкостью тысяч россиян, которые вот уже на протяжении веков, из них 100 лет вдали от родины, неистово верят в идею, что только равенство и коллективизм, до-

*В.Бонч-Бруевич. Животная книга духоборцев. Спб., 1909. С. 39-40.

бытые через труд, через всеобщую доброту и всеобщую любовь, суть последняя надежда человечества.

Исходя из этой веры, они созерцательно и смиренно принимают все плохое и хорошее, что их окружает, — прощают обиды, не приемлют насилия, отвергают любое оружие, выступают против убийства, даже животных. Вегетарианцы, не пьют спиртного, не курят. Веселые по натуре и жизненному укладу. Песня — это своего рода духовное прибежище духовоборов: они поют, когда отдыхают, работают тоже с песней.

Исповедуя непротивление злу насилием, они непреклонно верят в идеалы социальной гармонии в их религиозном обрамлении, готовы к личному и коллективному самопожертвованию, к страданиям во имя того, во что верят.

Их учение полно противоречий. Они отвергают поклонение материальным символам религии, сотворенным руками человека, но сами как бы не замечают, что любая вера — тоже творение человека. Отрицая власть, они беспрекословно подчиняются собственным вождям, сделав допуск в воображении, что их вожди — посланцы духа, а не посредники-служители церкви, которых они не признают. Много и других парадоксов, но суть не в них.

Доминирующая часть дореволюционной официальной историографии отличалась ханжескими проклятиями, ложью, направленными на откровенную травлю «отступников от Бога и власти».

Мне приходилось встречаться с духовоборами, наблюдать их жизнь, обычаи, знакомиться с организацией общины. В школах говорят в ос-

новном на русском языке. В общественных зданиях проводятся еженедельные совместные богослужения. В городе Кастельгаре имеется ресторан, в котором готовят духоборческую вегетарианскую пищу. В этом же городе открыт духоборческий музей. Большинство духоборов работает на различных предприятиях, часть — земледельцы. Община владеет на паях с частными лицами заводом по изготовлению древесно-стружечных плит, а также кооперативным магазином.

II.

История духоборов глубоко уходит корнями в прошлое, в пережитое предками этих русских общинников, оказавшихся за тридевять земель от родных мест. И не вина их, а беда, что нестерпимость гонений привела их на чужбину.

Считается, что духоборы появились в начале XVII века, вскоре после Смутного времени, когда особенно активно стали распространяться бунтарские идеи. В эти и последующие годы образовалось множество религиозных групп.

Отколовшись от официальной церкви, они на первых порах еще не обозначили своих уставов, правил и верований, мало отличались друг от друга. Но их объединяла оппозиция к церкви, дискредитировавшей себя, по их мнению, услужливостью властям. Только приблизительно в начале XIX века появились различия, позволившие отличать друг от друга баптистов, молокан, менонитов и духоборов.

В XVII — XVIII веках сектанты-раскольники называли себя обычно «сынами Божиими», их

именовали часто «иконоборцами», поскольку все они отрицали святость икон, а тем самым и святость церкви, равно как и ее служителей.

Официальные сведения о духоборах появились в 1733 году, когда в доносе властям было сказано, что «они уже издавна в России умы и сердца развращают». Существует легенда, что первым проповедником духоборчества как такового был отставной унтер-офицер, который появился в Харьковской губернии где-то в середине XVIII века.

Он повторял устное предание духоборов о том, что они — потомки трех вавилонских отроков: Анания, Азария и Мисаила. За отказ поклоняться истукану, сделанному царем Навуходоносором, последний приказал ввергнуть отроков в раскаленную печь. Но все они в силу веры своей остались невредимыми. И до сих пор духоборы ссылаются на пример трех отроков, когда призывают к терпению и выдержке перед лицом гонений и преследований.

Идеи, представления духоборов довольно просты, доходчивы: все иконы — творение рук человеческих, а потому в них ничего святого нет и быть не может. Даже наоборот, иконы извращают истину веры, ибо требуют поклонения мертвым изображениям. Духоборы отвергают церковные таинства и обряды, молитвы и требники святых угодников, любых идолов, будь то золотые, серебряные, каменные, полотняные, железные или деревянные. Известный догмат о святой троице они переделали на свой лад, подвинув его поближе к жизни: Бог-отец у духоборов — это память; Бог-сын — это разум; Бог — дух свя-

той — воля. Память, разум и воля — эти очеловеченные понятия сами по себе подрывали церковные устои.

Вместо Библии духоборы читают и поют «Животную книгу», то есть книгу живота (жизни). Вместо поклонения иконам они провозгласили поклонение Духу Христа, который обитает в каждом человеке. Поэтому любой может прямо общаться с Христом. Эта схема соответствует убеждению духоборов, что все люди равны и не нуждаются в посредниках в виде церкви или власти. (Подобные учения, отрицавшие посредничество в общении с Христом, зафиксированы историей еще во времена Дмитрия Донского, в 1363 году, но каких-либо документальных доказательств связи этих вероучений с духоборчеством нет.)

Духоборы высоко подняли христианскую заповедь «не убий». Все люди — братья, дети одного Создателя, а потому не должны убивать друг друга. Это послужило для духоборов основанием отказать от военной службы, не признавать государственную власть, поскольку последняя — тоже насилие.

Духоборческие идеи отвечали настроениям крестьянства России, которое все больше тяготилось помещичьей властью, 25-летней службой в армии, духовным давлением церкви. Крепостным нравилась идея равенства, рекрутам было по душе отрицание войны и оружия, простым людям легко прививались проповеди о ненужности власти. В духоборческих воззрениях нашли пристанище те морально-этические представления, которые отражали неприятие официальных норм поведения.

Наиболее последовательным проповедником духовоборчества считают Силуяна Колесникова (середина XVIII века). В его наставлениях начали обозначаться более или менее ясные контуры будущих религиозных и нравственных догматов движения. Он, в частности, призывал искоренять в себе «корысть, плотские желания и похоть, а также зависть, алчность, охоту к изобилию и богатствам». Не должно быть между людьми воровства, плутовства, обманов, грабительства, притеснений, злоухищрений, лицемерств, притворств, несправедливостей, вероломств, лжесвидетельств, гнева, ярости, вражды, свар, браней, ссор, небратолюбия, несогласия, ненавистей, непримиримостей, злопамятств, любомщений и проч. На богатых нацеливались требования, чтобы не было «духа велелепий, пиршеств, пьянствований в празднованиях, пустомыслия, злопохотений, мерзких сквернословий, лени и проч.», чтобы человек не искал себе «возношения славы, хвалы, чести и почтений»*.

Критика царизма, нравов церкви и господствующей морали становилась все активнее, в том числе и в многочисленных религиозных течениях, что не могло не беспокоить церковные и мирские власти. Но приносила ли эта критика пользу? Несомненно, поскольку подрывала, раскачивала устой несправедливости, творимой по отношению к крестьянству.

Обращает на себя внимание то, что духовоборы, критикуя существующие порядки, никогда не

*Из Записки, поданной духовоборцами Екатеринославской губернии в 1791 году губернатору Каховскому (Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1871. Кн. 2. С. 29—31).

ставили перед собой цель усовершенствовать что-либо и кого-либо. Их пастыри внушали сподвижникам, что занимаются лишь самоусовершенствованием. Сегодня трудно сказать, в какой мере духоборы верили в возможность исправления человеческого бытия и самого человека через самоочищение. Но в любом случае они верны этому принципу и поныне.

Возможно, вожди духоборов полагали, что отказ от насилия спасет их от преследований. Увы, расчет, если был таковой, не оправдался, оказался ошибочным. Любых отступников от официальной церкви и тех, кто власть критиковал, преследовали в России с незапамятных времен, и преследовали беспощадно. Они были гонимы и при Иване Грозном, и в период искоренения «сектантства» при Петре I. Последний, в частности, предписывал отступивших от православия «исправлять и о обращении ко благочестию увещевать, а которые по увещеванию исправиться не хотят, о таких сообщать Синоду»*. Непокорных секли кнутами, ссылали в Сибирь, на Соловецкие острова и т.д. В царствование Анны в 1734 году был издан специальный указ о наказании иконоборцев, в котором было сказано, что «оное злодеяние начало произрастать уже из давних лет и не в одном, но во многих местах плевело разсеяние свое имело»**.

Отношение к духоборам было крайне ненавистное: им часто не давали земли, не позволяли работать, у них отбирали детей. Когда в 90-х годах

*В. А. Сухорев. История духоборцев. Канада, 1944. С. 27.

**Там же. С. 10.

XVIII века в Таврической губернии судили духовоборов, то суд принял постановление:

*«Как означенные подсудимые, за внушением и увещеванием остались непреклонными, то дабы от-
вратить впредь у людей им подобным суеверие, и
самим им воздать за отвержение их от церкви, ея
таинств и святых, сих преступников, именно
Алешковских... (следуют имена), в Днепровке нака-
зать публично мужчин кнутом по тридцать, а
женщин плетью по сорок ударов... по наказанию
всех сих преступников отправить их в Сибирь на
поселение, имение же их описать, с публичного
торга продать и вырученные деньги для зачисления в
казенный доход отправить в Перекопское уездное
казначейство».*

По другому приговору предписывалось:

*«Подсудимых, обвиняемых в духовоборческой ереси,
сослать закованных в железа в Екатеринбург вечно
к разработке рудников»*.*

В Тверской губернии (уже при Павле I) духовобор Андрей Давыдов и жена его Домна из села Тебнешово были «наказаны кнутом с вырезанием ноздрей», после чего сосланы на работы в Иркутскую губернию. Особенностью указов о духовоборах в царствование Павла I было то, что они преследовались скорее за отвержение власти, чем церкви.

Откуда эта ненависть к людям, которые проповедовали непротивление, по вере своей отрицали насилие, саму возможность принудительного «улучшения других», признавали только самоулучшение? Ответ, видимо, следует искать в том, что духовоборческая вера отвергала любую

*А. В. Сухарев. История духовоборцев. Канада, 1944. С. 28.

власть как насилие. Духоборы выступали за общность имущества, отказывались служить в армии, регистрировать акты своего гражданского состояния, то есть замахивались на сами устои государственного устройства.

После особенно жестоких преследований при императоре Павле I и очевидной безуспешности карательной политики император Александр I принимает решение ослабить давление на духоборов, испытать путь терпимости и поселить их в одном месте.

Царь предписывал назначать к духоборам священников благонравных, в распри и раздоры по вере с духоборами не входить, «внутреннее их исповедание» оставить в покое, обращать в православие «кроткостью примера» и «святостью жизни», судить же разрешалось только за «явное неповиновение установленной власти».

Александр I повелел защищать духоборов «от всех притязаний к ним невежества и ложной ревности к их просвещению», поясняя далее, что «и разумом, и опытом давно уже дознано, что умственные заблуждения простого народа... единым забвением, добрыми примерами и терпимостью мало-помалу изглаживаются и исчезают».

Конечно, духоборы не перестали быть отверженными, и дело не в добром характере царя. Просто после бесплодных жестокостей была испробована тактика их локализации, причем не без тайной надежды, что, поселившись вместе, духоборы впадут в свои внутренние распри и ослабят «разлагающее влияние» на окружающих.

Последовало разрешение поселиться духоборам в Новороссийской губернии, в Мариупольском

уезде, на землях по реке Молочной. Было предписано выделить на каждую душу по 15 десятин земли, по 100 рублей подъемных на каждое семейство, освободить на пять лет от государственных податей и т.д. На Молочные Воды поехали духоборы со всей России, в том числе из мест заключения и ссылок. «По переселении сложили все свои пожитки в одно место, так что теперь у них там одна общая денежная касса, одно общее стадо и в двух селениях два общих хлебных магазина; каждый берет из общего имения все, что ему понадобится»*. Получилась община, быстро превратившая этот район в цветущий край.

Вождем духоборов в то время был Савелий Капустин. Местные власти доносили наверх, что духоборы ведут себя хорошо, исправно платят подати, уклоняются от пьянства и праздности, усердны в труде. В знак примирения царь на пути в Крым однажды посетил духоборческие поселения и был встречен благодарственными псалмами. Но наветы на духоборов продолжались. Царь же, осуждая их отступничество от церкви, продолжал держаться политики обращения их в православие мирным путем. 9 декабря 1816 года в письме на имя херсонского военного губернатора царь задает вопрос, скорее похожий на восклицание: «Просвещенному ли правительству христианскому приличествует заблудших возвращать в недра церкви жестокими, суровыми средствами, истязаниями, ссылками и тому подобным?»

Новая тактика властей оказалась эффективнее судебных и внесудебных преследований. Она не-

*Летописи русской литературы и древности. М., 1862. Т. IV. С. 7.

уклонно вела к имущественному расслоению духоборов, делила на богатых и бедных. Вызревали конфликтные социальные ситуации, вера потихоньку вымывалась. Капустин отражал скорее не интересы общины в целом, а той ее части, которая богатела. С него началось установление нового типа «вождя», творящего власть над другими. Да и с официальными властями он стал поговорчивее. Заповедь «не сотвори себе кумира» перестала быть безусловно почитаемой как только обозначилось имущественное неравенство. Эти тенденции приведут страну «Духоборию» к разладу, но случится это позднее, на Мокрых Горах в Закавказье.

III.

После смерти Александра I власти и церковь вернулись к репрессиям, брали своего рода реванш за долготерпение к еретикам. Гонения на духоборов возобновились — не могли не возобновиться, ибо образ их жизни, моральные принципы, не говоря уже о религиозном отступничестве, бросали вызов сложившемуся укладу. При Николае I церковь добилась высылки духоборов за пределы собственно России, за Кавказский хребет, под строгий надзор с расчетом, что они будут постепенно истреблены местными народностями как чуждый и пришлый элемент. Указ о переселении был издан в 1839 году.

Новую кару духоборы приняли спокойно. Рассуждали, что переселение для них — дело не новое, они и раньше скитались по разным землям. На Молочных Водах, которые считались краем

света, успешно обосновались и выжили. На Кавказе тоже солнышко светит.

Когда духоборы покидали обжитые места, в каждом доме по традиции накрывали стол с хлебом, солью и водой для новых поселенцев. Прощаясь, припадали к земле, целовали ее, благодарили за то, что дала им приют.

Новые осложнения с властью возникли у духоборов в 1877 году в связи с начавшейся русско-турецкой войной. Духоборы категорически отказались служить в армии. Но военные власти путем угроз принудили духоборов к обозной службе.

Впоследствии вождь духоборов Петр Веригин пришел к заключению, что уступки властям приведут к постепенной эрозии духоборческой веры. Он выступил против любой службы в армии и ношения оружия. Веригин призвал отказаться от спиртных напитков, курения табака, употребления мяса. Тем самым он пытался вдохнуть в духоборов новые силы и вдохновить новыми идеями, объединить их, дабы предохранить секту от ржавчины мирских дел.

Практически все духоборы, призванные в армию, отказались брать в руки оружие, за что были жестоко наказаны. Вот рассказ Васи Объедкова в его письме от 4 марта 1896 года:

«...Приносят нам солдатское платье и говорят: «Скидайте свое». Мы сказали: «Нам пока своего хватит. А когда надо, тогда скажем вам». Но они сорвали наше и надели на нас лохмотья. Потом заставляют принимать участие в военных приемах... мы отказались. Принесли колющие розги, берут в руки по шесть, кладут нас по одному и секут так больно, что вся колючка лезет в мясо и рвет мясо

*клочками. Дали нам по тридцати розог (ударов). Потом посадили нас в холодную по одному»**.

В 1895 году духоборы решили сжечь все имевшееся у них оружие, которое раньше завели для защиты от набегов. В трех верстах от деревни Орловки были сложены в кучу ружья, сабли, кинжалы. Обложили дровами, облили керосином и сожгли.

В последние годы прошлого века правительство усилило репрессии. Духоборов сажали в тюрьмы без суда и следствия, истязали, морили голодом, принуждая к отказу от ереси и к ношению оружия. Затем начались массовые ссылки в Сибирь. Многие оказались в Якутии. К ссыльным ехали их семьи. Однако и новое испытание, и новое переселение не смогли убить убеждения.

Судьба духоборов привлекла внимание Л. Н. Толстого. В 1897 году он посылает в ссыльные места своих сотрудников Ивана Трегубова и Павла Бирюкова. Горячий отклик Льва Николаевича вызвало то, что духоборы последовательно и жертвенно исповедовали идею «непротивления злу насилием». Но здесь же и горькие чувства писателя — от страданий духоборов за эту идею, что ставило под сомнение моральную ценность и эффективность толстовского учения.

Интересно, что сам Толстой делает попытку компромиссного толкования собственного учения. В письме кавказским духоборам в 1897 году писатель советует не упорствовать «в своем отказе от государственной службы... Если можете делать то, что от вас требуют, — делайте: избавьте этим ваших слабых жен, детей, больных, старых от

*В. А. Сухорев. История духоборцев. Канада, 1944. С. 96.

мучений... Всякий из вас должен ради любви к своим отказаться от прежнего и покориться; никто не осудит вас за это»*. Во всяком случае, этот толстовский совет мог рассматриваться как более или менее приемлемое толкование принципа «непротивления». Подчинение приказу выглядит как «непротивление злу».

Но, призывая духоборов не слишком упорно сопротивляться власти, Толстой и до этого письма, и после него ведет кампанию помощи гонимым. В статье «О помощи духоборам» он обвиняет правительство в систематическом их уничтожении. В послесловии к воззванию «Помогите!» писатель говорит об ожесточении и слепоте правительства, преследующего духоборов. Наконец, Толстой обращается к царю, уговаривая его прекратить ужасные и бессмысленные жестокости.

IV.

Призывы Толстого, участие в судьбе духоборов английских квакеров, многочисленные петиции на имя царя привели к тому, что в мае 1898 года правительство разрешило духоборам выселиться за границу. Они должны были уехать за собственный счет и дать подписку о невозвращении. Первая группа духоборов в количестве 1126 человек выехала из России в августе 1898 года на остров Кипр. Одновременно были посланы гонцы в Канаду для изучения возможностей переселения в эту страну. Они прибыли в Оттаву в сентябре 1898 года.

Духоборы старались заручиться обещанием мес-

*Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч. М., 1913. Т. XX. С. 164.

тного правительства об освобождении их от несения воинской службы, получить заверения, что смогут свободно исповедовать свою веру, просили дать землю в одном районе, чтобы поселиться, как и в России, деревнями.

Британское консульство в Батуме на основании рекомендаций Толстого и собственной информации сообщило в Лондон, что духоборы являются хорошими земледельцами, прилежными тружениками и как никто другой подходят для целей освоения пустынных земель канадского Запада. (Канада была в то время колонией Англии).

Канадское правительство удовлетворило просьбу духоборов об освобождении их от воинской повинности. Духобору, приезжающему в Канаду, было обещано выдать по 1 фунту стерлингов на расходы по устройству. Каждый взрослый мужчина должен будет затем внести по 10 долларов «регистрационных», прежде чем ему выдадут патент на владение землей.

Следует заметить, что Толстой длительное время относился к идее переселения неодобрительно, убеждал духоборов не уезжать из России. И только после их окончательного решения покинуть родину он начал принимать личное участие в сборе денег и в организационных вопросах переселения. Английские квакеры создали переселенческий фонд. Толстой продал в пользу духоборов роман «Воскресение».

Первая группа духоборов высадилась в Канаде в январе 1899 года с парохода «Лейк Гурон» в порту Сент-Джон, откуда они отправились по железной дороге в провинцию Саскачеван. Вскоре прибыла вторая группа на пароходе «Лейк Сьюпириор».

В апреле-мае того же года оба эти парохода совершили еще по одному рейсу из России (Батум) в Канаду. В июне приплыли духовоборы с Кипра.

Побывал с духовоборами в Канаде и В. Д. Бонч-Бруевич. С одной из групп приехал, по поручению Толстого, Л. А. Сулержицкий — известный общественный и театральный деятель. В своей книге «В Америку с духовоборами» он дает образную психологическую картину переселения.

При отъезде из Батума. «Духоборы запели псалом. Грустные, протяжные звуки, полные безысходной тоски, понеслись к быстро удалявшемуся берегу. Тысячи голосов слились теперь в один вопль отчаяния, горечи, обиды. Не только люди, но, казалось, и вся природа притихла, потрясенная этими раздирающими душу рыданиями тысячной толпы, оплакивающей свою разлуку с землей-матерью.

С обнаженными головами, печальные и торжественные, с глазами, полными слез и горя, стояли духовоборы лицом к земле, на которой они выросли, где жили и умирали их деды и прадеды, где погребены их вожди, где пришлось им столько перестрадать, понести столько дорогих утрат...

Все шире и шире разливался неудержимым потоком псалом, прося у земли прощения за покидавших ее сынов.

А берега уходили все дальше и дальше, как уходит сама жизнь, и вернуть их уже нельзя...

Чувствовалось, что совершается нечто неслыханное по своей жестокости, нечто непоправимое».*

При приезде в Виннипег. «Первый раз после долго-

*Л. А. Сулержицкий. В Америку с духовоборами. М., 1905. С. 44.

го переезда духовоборы могут помолиться всем обществом, как это у них принято. Ни качка, ни тряска, грохочущий поезд теперь им не помешают...

Перед рассветом стали собираться сюда празднично разодетые духовоборы и духовборки. У духовборок поверх чепцов одеты шелковые платки, которые они повязывают особенным способом, специально для «моления». Мужчины устанавливаются по одну сторону комнаты, женщины — по другую. Еще темно. Только в окнах светится холодное, стальное небо. Окутанные таинственным предрассветным сумраком, недвижно стоят дюжие фигуры мужчин, с наклоненной головой, со сложенными на груди руками.

У женщин, стоящих напротив, слабо белеют квадратиками платочки, которые они держат в сложенных под грудью руках.

Во всей толпе чувствуется особенное, проникновенное настроение. И торжественное молчание перед началом молитвы кажется исполненным особенно, таинственного смысла...

В тишине, не нарушаемой ни одним вздохом, страшно шевельнуться, чтобы не нарушить этого глубокого созерцательного настроения, когда люди отрываются от всего земного, материального и живут одним духом.

Даже неясный сиреневый рассвет застыл в своем движении, глядя в окна на строгие фигуры. Самое время, казалось, остановилось, так как и его ход был бы здесь слишком суетен...

Осторожно всколыхнув воцарившийся покой, мягко пронеслись первые гармоничные звуки псалма — такие нежные и душевные, что трудно было понять, откуда они исходят. Казалось, само

настроение приняло теперь такую форму, чтобы еще сильнее овладеть душами людей.

Все громче и громче, все шире разрастается псалом, волнуя, захватывая людей. Уверившись в своей силе, он несется уже могучим, широким потоком, наполняя собой все существо человека.

Псалом говорит о суете земного счастья, о том, что вся жизнь есть страдание, и зовет туда, где все покой, где нет желаний и царит вечный разум и любовь. Порою могучие взмахи псалма становятся грозными — тогда он говорит об ужасах греха и наказания, которое он сам в себе песет.

А темные фигуры все так же стоят с наклоненными головами и кажутся еще неподвижнее, еще суровее; они точно винятся в том, что так привязаны к земле своими слабостями...

Но, как бы зная, что долго не может человек пребывать на такой высоте духа, псалом широким вздохом, точно страдая о своем конце, закончился.

Толпа слабо вздохнула и пошевелилась».*

Канадское правительство отвело 7360 приехавшим духоборам 773 400 акров земли, в основном около города Йорктона. Они начали со строительства изб, раскорчевки леса. Мужчины ушли на заработки на строительство железной дороги. Целину поднимали женщины, впрягаясь в плуги вместо лошадей. Через год села были построены, дома оштукатурены, изготовлена мебель, сооружены бани и амбары.

Духоборы селились теми же селами, которыми жили в России. Землю начали обрабатывать сообща, как это делали на родине, что незамедли-

*Л.А.Сулержицкий. В Америку с духоборами. М., 1905 С. 122—124.

тельно создало конфликтную ситуацию между переселенцами и властью. Земельные законы этой страны не предусматривали общинного землевладения. По закону участки земли выдавались в частную собственность только отдельным лицам, но не коллективам. Предполагалось, что каждый собственник лично обрабатывает свой надел. Правительство потребовало, чтобы духоборы разделили землю на участки, по семьям. Духоборы восприняли это как недопустимое вмешательство властей в дела общины, которая была частью их веры и всего жизненного уклада.

В разгар тяжбы из России прибыл освобожденный из ссылки вождь духоборов Петр Веригин. В Канаде он немедленно занялся хозяйственными делами, встречался с высокопоставленными чиновниками, не раз ездил в Оттаву. В конце концов добился разрешения зарегистрировать все общинные земли на трех человек. Были внесены деньги — по 10 долларов за усадьбу в 160 акров и зарегистрировано 2 тысячи усадеб. Взнос в размере 20 тысяч долларов был выплачен из денег, заработанных мужчинами-духоборами на строительстве железной дороги.

Но правительство вновь оказалось неудовлетворенным, поскольку земля продолжала обрабатываться не индивидуально и находилась фактически в общинном пользовании. Духоборы отказались брать землю в частную собственность, в результате вся земля у них была отобрана. Каждой семье оставили по 15 акров, но не в собственность, а в аренду.

В итоге духоборы лишились более 200 тысяч

акров уже обработанной земли, за которую землепашцы заплатили 20 тысяч долларов. Стоимость освоения этих земель оценивалась тогда в 13 миллионов долларов. Как говорят нынешние духоборы, простодушных россиян просто обманули. Далее правительство придумало новый повод для давления на духоборов. От них потребовали принять британское подданство. Духоборы ответили, что они приехали в Канаду с условием оставаться иностранцами.

В такой обстановке разочарованные духоборы начали подумывать о возвращении на родину. К этому намерению их подтолкнули и революционные события в России 1905 — 1907 годов. В конце 1906 года в Петербург прибыла духоборческая делегация во главе с Петром Веригиным. По некоторым данным, он встречался со Столыпиным. Как утверждает сам Веригин в своих письмах, Столыпин говорил по телефону с царем, который якобы сожалел о случившемся с духоборами и дал согласие на их возвращение. Правительство обещало отдать им свободные земли на Алтае. Удовлетворялась просьба и об освобождении их от военной службы.

Но возвращение не состоялось. Теперь трудно проверить, что обещал Столыпин, а что услышал Веригин. Но по письмам, которые отсылал Веригин в Канаду, можно вынести некоторые впечатления о его взглядах. Он одобрял царский манифест, который, как он надеялся, сможет спасти страну от революции, сетовал на беспорядки, сочувствовал нелегкому положению самодержавной власти. Видимо, Веригин просто был напуган происходящими событиями и начал

склонять своих ведомых в Канаде отказаться от намерения вернуться в Россию.

В Канаде возобновилась длительная тяжба с властями, которая закончилась не в пользу духоборов. Веригин отправился искать новые земли. В конце концов были найдены необжитые участки в районе реки Кутеней в Британской Колумбии, покрытые лесами. Духоборы вновь начали собирать деньги, брать ссуды и займы под ростовщические проценты, чтобы купить землю. Здесь не было в продаже больших участков, поэтому каждая семья обзаводилась собственной фермой.

Духоборы в Британской Колумбии все же сумели сохранить элементы коммунальной жизни. Жила традиция, когда вся община заботилась о вдовах, сиротах, инвалидах и престарелых. Каждый трудоспособный, независимо от того, где он работал и сколько зарабатывал, получал за свой труд на одном уровне со всеми. Работавшие на стороне отдавали свои заработки в кассу общины, откуда затем получали средства для жизни, как и все другие, не больше.

Переселенцы преуспевали, объясняя успех тем, что стремились не к материальной наживе, а к духовному совершенству.

Но постепенно вновь вызревал раскол. В этом не было ничего нового. Как и в России, в основе своей источник раскола лежал в материальном расслоении, в росте настроений в пользу нормального хозяйственного вrastания в существующий уклад жизни.

Нельзя не видеть и причины другого свойства — это религиозный фанатизм части духоборов, доводимый порой до слепоты. Духоборчес-

кое движение протеста против обмана со стороны служителей церкви, засилья власти, насилия и войны (и в этом-демократические элементы движения) иногда приобретало уродливые формы. Правда, это относится только к отдельным группам духоборов.

Первым сигналом раскола (еще до переезда основной массы духоборов в Британскую Колумбию) был поход (около 1700 человек) на поиски «жениха Христа». Почему «жениха», объяснить никто не берется.

По другой, более земной версии, они пошли искать лучшие места для жизни. Духоборы бедствовали и голодали в своих избах в провинции Саскачеван. Старики решили, что они не туда приехали, а поэтому отправились «искать Христа в натуре». Толпа дошла до Йорктона, там власти задержали ее. Женщин и детей отправили обратно. Мужчины пошли дальше, но из-за сильных морозов и нехватки пищи вернулись в свои деревни.

Часть духоборов, ищущих Христа, выделилась в особую группу, объявившую себя самыми последовательными сторонниками идеалов духоборческого движения. Они призвали отказаться использовать животных для обработки земли, утверждая, что нельзя мучить никакое животное для пользы себе, стали обрабатывать землю лопатами. «Животные есть наши меньшие братья и угнетать их нельзя. Все существующему допускается полная свобода. Какая же это свобода для лошади, если на ней пахать? Это дело не христианское».

Эта группа духоборов получила название «свободники».

Впоследствии они объявили, что хотят восстановить на земле рай, потерянный Адамом и Евой, а для этого, дескать, следует «снимать с себя одежды». Так «свободники» получили еще одно название — «голыши».

«Свободники-голыши» не только отказались от использования животных при обработке земли, но начали сжигать косилки, молотилки, постройки, принадлежащие духоборам, поскольку считали, что материальное подрывает духовность. Периодически жгли и собственные дома. В 1921 — 1922 годах они сожгли 20 школ в духоборческих поселках. Поскольку основная масса духоборов отвергла «свободников-голышей» и они не были приняты в общину духоборов, эта часть переселенцев стала жить отдельно, единоличными хозяйствами. Иногда появлялись обнаженными на духовных собраниях. Вскоре они пришли к обобщению жен и детей.

Исступленный фанатизм «свободников-голышей», экстремизм их взглядов и поступков начали наносить серьезный вред всему сообществу духоборов. Практически они поставили себя вне духоборческого движения.

Отношения истинных духоборов с властями особенно обострились в годы первой мировой войны. Их не призывали в армию, и это вызывало недовольство окружающего населения. Да и отношение духоборов к войне не могло не раздражать власть имущих. Ниже приводится текст заявления духоборов «Мнение о войне Христианской общины всемирного братства», обнародованного в августе 1914 года. Приведем его с некоторыми сокращениями:

«Настоящая европейская война — большой позор для наступающего 20-го столетия со времени возрождения духовного просвещения в человечестве, которое ясно изложил сын плотника Иисус Христос. Тем более воюют так называемые цивилизованные страны, и к тому же под названием христиан.

Мы обращаемся больше к причерам, архиереям, римскому папе и вообще ко всем попам христианских церквей. Как вам не стыдно носить распятие Христа на груди, когда вы благославляете людей идти убивать друг друга? Лучшие снимите с себя звание христианских проповедников и открыто объявите, что вы служите сатане-злу, который издревле упивается кровью человеческой, это великий молот — сатана войны.

Если бы вы давно сказали народу истину, которая имеется в евангелии, то давно войн не существовало бы, по крайней мере в христианских нациях... Нас, духовборцев, удивляет, что один сумасшедший человек, Вильгельм — германский император, объявил войну, и все пошли подражать его сумасшествию. Подумайте серьезно, читатели, если бы в какой-либо местности какой-либо человек стал предлагать на улицах города, что давайте брать камни и избивать людей. Это явный признак сумасшествия, и над таким человеком надо принять меры и, самое необходимое, поместить в предварительное заключение, хотя бы на время, чтобы прошел у него бред сумасшествия.

Мы, духовборцы, положительно говорим, что в данное время Вильгельм — сумасшедший человек. Подумайте, что он говорит. Прежде всего, он несколько лет своим германцам говорил, что немцы

великий народ, постепенно теряя рассудок, Вильгельм и немцев подводил к великому обману... Теперь вы, немцы, должны поспешить и как можно скорей запереть в сумасшедший дом нашего милого Вильгельма. Если вы этого не сделаете, уверяем вас, он погубит всю вашу немецкую нацию, как погубил французов сумасшедший деспот Наполеон. Обращаемся к вам, капиталистам Англии, Канады и Америки. Вы рассылаете агентов в ваших владениях и вымогаете от бедного люда какое-то пожертвование (в нашей конторе ваши агенты уже три раза были и говорят, скоро ли мы заплатим). Текущий 1914 год был в Канаде неблагоприятный на урожай на все съестные продукты, включительно до картофеля как главного продукта бедняков.

Большей части населения в Канаде трудно купить муку на текущее время, а продовольственный целый год впереди. А если присчитать безработный многомиллионный люд всех воюющих стран? А вы к этому, еще раньше ограбленному, люду обращаетесь с тарелкой за жертвованием. Не стыдно ли вам, капиталисты Англии? «Написано в Бриллианте, Б. К. Канады, 20-го Августа 1914 года».*

Понятно, что остро пацифистская позиция духоборов раздражала власть имущих. После войны начали обсуждать вопрос о том, чтобы отобрать у духоборов земли и отдать их демобилизованным солдатам.

И что же духоборы? Они согласились — и это поразительный факт.

К этим временам относятся новые попытки духоборов вернуться в Россию. После Февральской ре-

*В.А.Сухорев. История духоборцев. Канада, 1944 С. 240 — 245.

волюции они обращаются к Временному правительству за разрешением, но ответа не последовало.

Согласие духоборов отдать землю солдатам-фронтовикам явилось, видимо, неожиданным, заставило пристальнее посмотреть на дело. К очевидному беззаконию было привлечено внимание общественности. Газета «Манитоба фри пресс» отмечала, что за отказ признать себя британскими подданными многие духоборы уже потеряли земли в Саскачеване, а теперь снова подвергаются гонениям. Газета, характеризуя духоборов как трудолюбивых и доброжелательных людей, пишет:

«Имеются серьезные основания подозревать, что давление, из-за которого духоборов заставили отдать свои земли в Британской Колумбии, было оказано лицами, желающими эксплуатировать «непротивление злу» духоборов и их нежелание обращаться в суд...»

*Какими бы странными ни казались их обычаи и обряды, никто не может утверждать, что эти люди опасны или вредны. Они приехали сюда, поверив обещаниям канадского правительства. Не будет честью для страны, если их теперь заставят страдать и устраивать свою жизнь вновь на зависть своим соседям. Во имя справедливости к духоборам и к Канаде, в которую они прибыли как в убежище от преследований, правительство должно оставить их в покое или, если они уже решили продать свое имущество, поступить с ними самым справедливым образом. Земли много, часто во владении лиц менее достойных, чем трудолюбивые духоборы, которую можно взять для поселения солдат».**

*Manitoba Free Press. 1919. May 14.

В конце концов население соседних с духоворами хуторов и канадские власти оставили духовоборов в покое. Но сами духовоборы покой потеряли, они начали искать себе места для возможного переселения. В частности, их представители ездили в США. Были идеи переселиться в Южную Америку или Австралию.

В начале 20-х годов П. Веригин предпринял попытки объединить всех духовоборов и другие группы с похожими воззрениями. Он побывал у «единоличников», у менонитов, молокан-«прыгунов». Но объединения не состоялось, более того, стычки и конфликты со «свободниками-голышами» участились. Продолжались поджоги зданий и предприятий духовоборов. В 1924 году был убит и сам Веригин. Под его сиденье в железнодорожном вагоне была подложена бомба. Это был акт террора, но никто всерьез не занимался его расследованием.

После траура духовоборы решили признать своим вождем сына П.В.Веригина — Петра Петровича Веригина-Чистякова, жившего в то время в Советском Союзе. Они сообщили ему о решении, но Веригин-Чистяков ответил, что пока приехать не может, хотя и стал представлять духовоборов уже в качестве их главы. В 1927 году он приехал в Канаду. Его сопровождал бывший секретарь Толстого Павел Иванович Бирюков.

С появлением П. П. Веригина-Чистякова связывают определенное духовное возрождение секты. Он рекомендовал создать «Союз молодежи» духовоборов, призывал к учебе, созданию школ, в которых помимо русского языка изучались бы ос-

новы духоборчества. Новый глава духоборов выступил против прежней замкнутости, призывал к вере присоединить разум.

Возможность возрождения духоборчества вновь не понравилась тем же силам, которые преследовали духоборов и прежде, с первых лет их поселения в Канаде. Власти, особенно местные, не могли мириться с тем, что существует община русских людей, не желающая признавать верховенства английской культуры. Они подчинялись законам Канады, но строго держались собственных правил и распорядка жизни. Неприязнь к духоборам ослепляла слуг закона. Горят лесопильный завод, мельница, консервная фабрика, элеватор, но власти упорно не желают искать поджигателей. Больше того, в беспорядках обвиняют самих духоборов.,

В 1931 году духоборы предприняли попытку вступить в переговоры с советским правительством. Они помнили, что их вожди предсказывали объединение всех духоборов на родине. Делегация духоборов приехала в Берлин, откуда было направлено письмо И. В. Джугашвили-Сталину. Ответа не дождались. Духоборы в то время еще не знали, что обратились не по адресу, что их убеждения абсолютно несовместимы с идеологией нетерпимости и насилия, которая в Советском Союзе стала государственной.

В 1938 году осенью собрался съезд канадских духоборов, назвавших себя «Союзом Духовных Обществ Христа». Веригин-Чистяков намеревался объединить все секты, отколовшиеся от православия и католицизма, но из этого ничего не получилось. На съезде он обнародовал деклара-

цию, которая повторяла предыдущие программные документы.

Впрочем, некоторые доктринальные основы движения были все-таки пересмотрены. Например, Веригин-Чистяков заявил, что духоборы никогда не боролись против «чистого православия», так как это «вполне правильная вера», а были против «уродливых форм, которые приняла православная церковь». Они лишь против идолопоклонства, то есть икон и прочей церковной утвари, служащих только церковным бюрократам. В своем докладе он сделал особый упор на заповеди «не убий», выделив ее из всех других, грехи по которым могут быть простительны.

Было сказано, что впредь духоборы будут жить не в общинных домах, а строить индивидуальные жилища на семью. У каждой будет клочок земли, а поля за селом станут обрабатываться сообща. Каждая община будет иметь свое правление из трех лиц для ведения общинных дел. Доходы с общинных земель распределяются между всеми членами общины поровну. Слабые, престарелые, больные и сироты находятся на общинном иждивении.

Незадолго до съезда власти лишили духоборов права голоса на парламентских и других выборах, приравняв их к индейцам. Веригин-Чистяков расценил это как дар Божий. Власти, объявил он, тем самым сняли с духоборов всю ответственность за дела, творимые властью. В этом акте государства нет ничего обидного, «лучше быть на одном уровне с индейцами, чем с цивилизованными варварами».

Через два месяца после своего программного

выступления П. П. Веригин-Чистяков умер. Нынешние духовоборы чтят его память.

В качестве почетного председателя Союза был избран Иван Иванович Веригин — внук Веригина-Чистякова. Он возглавляет «Союз Духовных Обществ Христа» до настоящего времени.

V.

Времена меняются. Волны жизни размывают государственные устройства, общественные уклады, видоизменяют жизнь народов. Из времени не выскочишь, от жизни не уйдешь. С ней долго играть в прятки трудно.

Русские островки в Канаде продолжают жить, но воды окружающего океана жизни, в котором властвуют другие законы, не могут не подтачивать сами подпоры островков, не влиять на устои их повседневной жизни, видоизменяя мораль и психологию островитян.

Для сохранения «духоборческой культуры», как стали теперь называть духовоборы свои верования и обычаи, они все активнее обращаются к русской культуре и языку как родникам, которые могут оживить отсыхающие ветви дерева. Лидеры духовоборов видят, что молодежь не станет следовать старым обычаям, если не будет поиска мостов к современной культуре.

Во что сегодня верят духовоборы? Жизнь заставляет их искать защитные линии, где-то идти на компромиссы, маневрировать, сохраняя самое существенное, ради чего их предки на протяжении столетий страдали, терпели унижения. Лидеры духовоборов стараются придать вере еще бо-

лее выразительные морально-этические, нравственные цвета и оттенки, сосредоточить внимание на внутренней нравственной целостности человека.

Они продолжают проповедовать покорность, разумение, воздержание, братолюбие, сострадание, добрый совет в качестве принципов, которые помогают им преодолевать зло, самосовершенствоваться. Есть свои 12 заповедей: правда, чистота, труд, послушание, рассуждение, воздержание и другие. Семь грехов смертных: гордость, сребролюбие, блуд, гнев, чародейство, зависть, уныние.

За многие годы скитаний и лишений у духовоборов выработались свои правила поведения. Некоторые из них служат основой повседневного воспитания, например:

- уважение достоинства человека в себе и в других;

- все существующее рассматривается с любовью и восторгом;

- все в мире — последовательное движение к совершенству;

- наивысшей формой этого движения является человек, поэтому надо избегать того, что вредит и затемняет человека, например, употребление табака, алкоголя, мяса животных и т.п.;

- не допускать в свое сердце чувства ненависти, мщения, зависти, содержать свои мысли в чистоте;

- нанесение ущерба или разрушение живого заслуживает порицания; отношение к животному миру, природе должно быть любовным, не опустошительным, а созидательным;

— все организации, в основу которых положено насилие, противозаконны;

— главной основой человеческого бытия является энергия мысли — разум;

— общинная жизнь, основанная на силе нравственности;

— древо познается по плодам, человек — по разуму, а друг — по приветствию;

— человек никогда не должен терять спокойствия духа и чувства собственного достоинства, должен быть сдержанным и в радости, и в горе.

Все эти нормы, правила поведения находят свое воплощение в проповедях, в школьном обучении. Как это выглядит, можно судить по следующему наставлению:

«Следуй добродетели — удаляйся от пороков. Будь благоразумен; взирай на конец, усматривай средства. Не упускай к честным делам случая. Ничего без рассуждения не начинай и с рассуждением не спеши; не будь медлен, но при случае и повремени. Не всякому слуху верь. Не все, что видишь, желай. Не все, что можешь, делай, не все, что знаешь, говори, но только то, что должно. Чего не знаешь, не утверждай и не отрицай, наипаче вопросы — тогда будешь благоразумен.

Будь воздержан. Без алканья пищи не употребляй, без жажды не пей, но и то мало — по нужде. Пьянство яко ада избегай. От невоздержания рождается болезнь, а от болезни — смерть. Воздержанные живут здорово, долговечно, хорошо.

Будь кроток, не дерзкий: более молчалив, нежели говорлив. Когда кто тебе рассказывает, слушай. Когда кто тебе что приказывает, повинуйся и не хвастай. Не будь упрям, придирчив и горд. Ко всем

будь ласков, да ни к кому не будь ласкателен. Также будь и справедлив.

Ничего чужого не желай, тем более не кради, а в чем имеешь нужду, сыскивай трудом. В бедности проси, ежели дадут, прими и будь благодарен. Что займы взял, отдай, что обещал, исполни. Будь мужествен, к трудам охотлив; оставляй праздность и леность. Если желаешь что начать, испыттай наперед свои силы, потом продолжай, не оттаивайся; в несчастье не унывай, а в счастье не расслабляйся. Скучность почитай.

Осматривай осторожно в жизни различные случаи непостоянства, несчастья и печали. Что терпеливые сносят, о том малодушные воздыхают, плачут и рыдают. Будь благосклонен и милостив. Просящему дай, ежели имеешь; бедному помоги, ежели можешь. Оскорбил ли кто тебя — прости ему; оскорбил ли ты кого, примиришься с ним. Похвально не держать гнев. Прости согрешающему, уступи умоляющему. Если будешь человека любить, то и от людей будешь любим.

Также будь к высшим послушен, с равными обходителен, к низшим приветлив. Встречающих приветствуй, приветствующих восприветствуй взаимно. Вопросящему отвечай, невежду наставь. Печального утешь. Никому не завидуй, доброжелательствуй всем. Служи сколько кому можешь, то и угодишь всем людям. Приятели тебя возлюбят, а неприятели не могут возненавидеть. Говори всегда правду, никогда не лги». (Из нынешних документов духовоборов.)

Душа духовоборов — песня. Фестивали хоров — важнейшая часть жизни. Песня вошла в души людей, стала их повседневной обиходностью,

привычкой. Псалмы, стихи, песни передаются изустно из поколения в поколение. Духоборы поют, как правило, медленно, протяжно, стараясь выразить оттенки настроения — радость и печаль, торжественность и грусть. Впечатления Бонч-Бруевича, высказанные им еще в 1909 году, во многом остаются верными и до сих пор. Он писал:

«Мотивы напевов особенно отчетливо отливают настроение души коллектива, общины, народа; они впитывают в себя всю сладость и горечь, все надежды и очарования жизни коллектива, стремящейся в дальнюю горную высь лучшего будущего.

Заунывные, рыдающие звуки духоборческих псалмов, вовлекающие постепенно все голоса, переходящие от небольшой группы первоначального хора, все ширясь и ширясь, на всех поющих, на всех стоящих и вызывающих, потрясающе действуют на вашу душу, отвлекают внимание от повседневности и невольно уносят вас, вместе со всеми, в созерцание жизни прошлой, в глубокое чувствование горя и тоски настоящей жизни.

Помню их, сосредоточенных, с поникшими головами, опустивших и сомкнувших руки, помню эти лица, полные думы и решимости, помню их, как кремень, твердых и непреклонных волей духоборцев. И тут же женщины, — исполненные верой и надеждой, — с воспламенными глазами, на которых нередко блистают слезы умиления и восторга. Это им, в их звучном хоре жизни, принадлежит великая роль мужественных сеятелей стремления к подвигу среди своих близких, среди своих мужей и сыновей, обреченных на страдание. Это они говорили своим детям: «Идите на стражду, не

*убойтеся, не усомнитесь, все примите, даже до самой смерти, но не выдайте, не опозорьте отечество». Это они благословляли своих детей на верную смерть, на пытки, розги, истязания, на заключения в тюрьмах, на далекие ссылки и заточения и только просили об одном своих «любоиных деток»: «Не забыть бы вам предков; не осрамить бы вам отцов, матерей ваших, уже принявших мучения за правду, за истинность, за свободу нашу».**

Духоборческие песни, псалмы, стихи разделяются по функциональному признаку: основные, наставительные, молитвенные, хвалебные, пророческие, похоронные, брачные, праздничные, посвящения, псалмы и стихи детские. Многие сочинены самими духоборами, другие заимствованы из священных книг, третьи взяты из русских народных сказаний и стихов, переделанных затем на духоборческий лад. Распространено исполнение аллегорических стихов. Буйных проявлений веселости духоборы не признают, считая их «бесовскими покликушками».

Старинная и современная русская песня служит той духовной ниточкой, которая каждодневно напоминает людям на чужбине об их нелегком и долгом пути на другой край планеты, о земле их предков, о том вечном, что называется родной землей, Родиной.

Такова судьба горстки русских людей, угнанных жизнью за тридевять земель. Эту судьбу не назовешь ни горькой, ни сладкой, ни героической, ни трагической. Они сами выбрали

*В. Бонч-Бруевич. Животная книга духоборцев. С. 39.

ее — осознанно, убежденно. Их мотала по земле злая воля других, тех, с кем они вступили в несогласие. Невероятно стойкие к ударам судьбы, непреклонные в своей вере, они пронесли свою надежду на справедливость через столетия.

Поразительна негибкая приверженность духоборов своему пониманию религиозных догматов, образов и символов. Не ведало другого выбора их отвержение официальной теологии, угнетающей власти, любой несправедливости и зла, войны и крови. Не может не вызывать восхищения, что эти люди веками живут не чужой жизнью, а своей, поют не чужую, а свою красивую песню судьбы.

Александр Николаевич Яковлев
Постижение

РЕДАКТОР

И.В. Захаров

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

Т.Н. Костерина

ТЕХНОЛОГ

М.С. Белоусова

ОПЕРАТОР КОМПЬЮТЕРНОЙ ВЕРСТКИ

И.В. Соколова

ЗАВ. КОРРЕКТОРСКОЙ

А.Ю. Минаева

ЗАМ. ЗАВ. КОРРЕКТОРСКОЙ

Н.Ш. Таласбаева

КОРРЕКТОРЫ

В.А. Жечков, С.Ф. Лисовский

Издательская лицензия

№ 101053

от 4 апреля 1997 года.

Подписано в печать
12.11.97.

Формат 84 × 108/32

Гарнитура Таймс.

Печать высокая.

Объем 7 печ. л.

Тираж 5000 экз.

Изд. № 565.

Заказ № 511

Издательство «ВАГРИУС»

103064, Москва, ул. Казакова, 18

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Государственном

ордена Октябрьской Революции,

ордена Трудового Красного Знамени

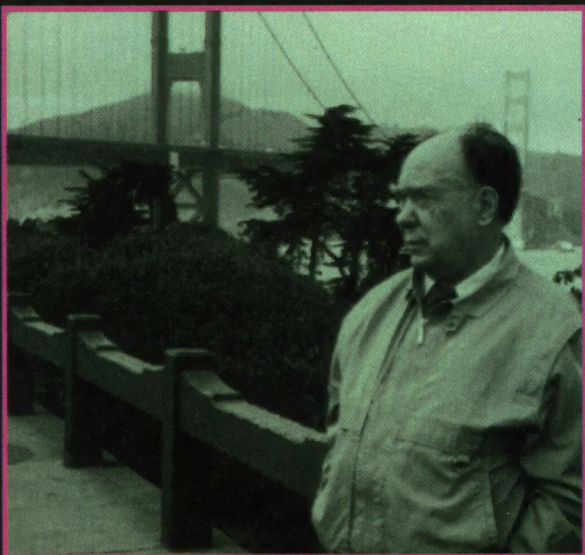
Московском предприятии

«Первая Образцовая типография»

Государственного комитета Российской

Федерации по печати

113054, Москва, Валовая, 28.

Александр Яковлев

Многие годы я постоянно думаю о нравственности как об основополагающем, определяющем принципе общественной жизни. Возможно, я снова упрекну себя в романтизме, а критики меня — в наивности, но я рискну все же предсказать, что у человечества в третьем тысячелетии не будет альтернативы строительству свободного, ненасильственного, гуманистического общества.

После продолжительного периода варварства должно наступить время гуманизма. В конце концов человечество поверит в себя...

Однако человечество не сможет построить общество Великого Гуманизма, если нравственные категории свободы, добра, сострадания, справедливости не станут нормами человеческих отношений и основой законов всех государств, не превратятся в повседневные привычки, в естественные мотивы поведения человека.

Размышляя над этими проблемами, я пытаюсь найти корни и проследить эволюцию взглядов на общечеловеческую нравственность в истории культуры, в религиозных движениях, в философских трудах. В данном случае мне представляются весьма интересными подходы буддизма к общечеловеческим ценностям.

Автоматически подключите